

ԱՇԽԱՏԱՆՔԱՅԻՆ ՏԵՏՐԵՐ

Լույս է տեսնում 2007 թվականից տարին չորս անգամ 1-2 (25-26). 2013

ԽՄԲԱԳՐԱԿԱՆ ԽՈՐՀՈՒՐԴ

Քոթանջյան Հ. Ս.
 քաղաքական գիտությունների
 դոկտոր (Ռ-Դ), Ռազմական
 գիտությունների ռուսաստանյան
 ակադեմիայի իսկական անդամ,
 հակահաբեկչության գծով
 փորձագետ (ԱՄՆ)
 (նախագահ)

Չիլինգարյան Գ. Ս.
 (գլխավոր խմբագիր)

Այդինյան Ռ. Ա.

Այվազյան Լ. Գ.

Ապրիանով Է. Ա.

Ավետիսյան Վ. Ն.

Գասպարյան Տ. Շ.

Գավթյան Ա. Մ.

Իսախանյան Մ. Ռ.

Խաչատուրով Յու. Գ.

Կարապետյան Մ. Ն.

Մաթևոսյան Ի. Ժ.

Մարգարյան Վ. Հ.

(գլխ. խմբ. տեղակալ)

Մարտիրոսով Լ. Ա.

Միրզաբեկյան Ա. Ռ.

Մուրադյան Կ. Ռ.

Նազարյան Ա. Ս.

Շիրինյան Մ. Ա.

Սեդրակյան Ս. Գ.

Վարդանյան Ա. Գ.

Տեր-Գրիգորյանց Ն. Գ.

Տոնոյան Գ. Է.

Բ Ո Վ Ա Ն Դ Ա Կ ՈՒ Թ Յ ՈՒ Ն

ՇՈՒՇԻԻ ՖԵՆՈՄԵՆԸ

ՊԱՏՄԱԶԱՂԱԶԱԳԻՏԱԿԱՆ

ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆ

(ԿՈՒԵԿՏԻՎ ՄԵՆԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆ)

Հ. Ս. Քոթանջյան, Մուտքի խոսք 7

Պ. Ա. Չոբանյան, Ղարաբաղի խաների
 օրինականության հարցը Շուշիի քաղա-
 քական պատմության համատեքստում 10

Հ. Լ. Պեյրոսյան, Շուշիի տարածքում
 հնագույն հայկական բնակավայրերի գո-
 յության հնագիտական վկայությունները 30

Մ. Ա. Մարգարյան, Շուշիի քաղաքաշի-
 նության դասերը 40

Մ. Ա. Հարությունյան, Հրատարակչական
 գործը և պարբերական մամուլը Շուշիում՝
 որպես հայկական հասարակական-քաղա-
 քական և գիտական մտքի զարգացման
 գործոն 65

Մ. Գ. Բալայան, Շուշին որպես ազ-
 գային-ազատագրական պայքարի հոգևոր-
 եկեղեցական ավանդույթների շարունակող . . . 81

Յու. Յու. Հարությունյան, Շուշիի օտա-
 րալեզու պարբերական հրատարակություն-
 ները՝ որպես մինչև 20-րդ դարի 20-ական
 թվականները հայկական մշակույթի գերա-
 կայության վկայություններ 92

Գ. Գ. Հարությունյան, Լուսավորություն
 ու դպրոցը Շուշիում՝ որպես Արևելյան Հա-
 յաստանի ազգային-մշակութային վերա-
 ծննդի գործոն 103

<i>Ա. Վ. Աղասյան</i> , Նոր ժամանակի հայկական կերպարվեստի վարպետները և Շուշին	120
<i>Ա. Գ. Ասապրյան</i> , Շուշին՝ «Անդրկովկասի կոնսերվատորիա»	137
<i>Գ. Վ. Օրդոյան</i> , Շուշին որպես բատերական կյանքի առանցքակետ Արևելյան Անդրկովկասում 19-րդ դարի վերջին – 20-րդ դարի սկզբին	153
<i>Հ. Մ. Հարությունյան</i> , Շուշին որպես փաստացի անկախ Արցախի մայրաքաղաք (1918–1920 թթ.)	169
<i>Ա. Ա. Մելիք-Շահնազարով</i> , Շուշի քաղաքի պատմության նենգափոխումներ Աղբբեջանում	185

ԵԶՐԱԿԱՅՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

Եզրակացություններ	199
-----------------------------	-----

ՀԱՎԵԼՎԱԾՆԵՐ

Փաստաթղթեր	207
Շուշիի տեսարաններ	211
Շուշիի ամրոցի և ամբողջ Ղարաբաղի ակնարկ	216

ՀԱՆԳԵՍԻ ԳԻՏԱԽՈՐՀՐԴԱՏՎԱԿԱՆ ԽՈՐՀՈՒՐԴ

- Ռ. Վ. Աղուզումցյան*, հոգեբանական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ,
 - Ն. Հ. Առաքելյան*, ՀՀ ԳԱԱ ակադեմիկոս,
 - Լ. Ս. Արզումանյան*, բանասիրական գիտությունների դոկտոր,
 - Ա. Ա. Գալստյան*, բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր,
 - Ա. Գ. Գալստյան*, բժշկական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր,
 - Գ. Ե. Բաղդասարյան*, ՀՀ ԳԱԱ ակադեմիկոս,
 - Հ. Ա. Գևորգյան*, ՀՀ ԳԱԱ ակադեմիկոս,
 - Ռ. Գ. Գևորգյան*, երկրաբանական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր,
 - Բ. Ն. Հարությունյան*, բժշկական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր,
 - Վ. Մ. Հարությունյան*, ՀՀ ԳԱԱ ակադեմիկոս,
 - Հ. Հ. Մաթևոսյան*, ՀՀ ԳԱԱ թղթակից անդամ,
 - Ա. Հ. Մանթաշյան*, ՀՀ ԳԱԱ ակադեմիկոս,
 - Մ. Մ. Մարգարյան*, քաղաքական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր,
 - Է. Գ. Մինասյան*, պատմական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր,
 - Մ. Մ. Միրիջանյան*, բժշկական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր,
 - Կ. Ա. Մոսոյան*, տեխնիկական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր,
 - Յու. Ս. Չիլիհնզարյան*, ՀՀ ԳԱԱ ակադեմիկոս,
 - Վ. Ս. Մարգարյան*, ՀՀ ԳԱԱ ակադեմիկոս,
 - Ռ. Ա. Սաֆրասարյան*, ՀՀ ԳԱԱ թղթակից անդամ, պատմական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր,
 - Ա. Հ. Սիմոնյան*, ՀՀ ԳԱԱ թղթակից անդամ, պատմական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր,
 - Հ. Ա. Սիսակյան*, բժշկական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր

«РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ»

ПРИЛОЖЕНИЕ К ВОЕННО-НАУЧНОМУ ЖУРНАЛУ «АЙКАКАН БАНАК»
ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМЕНИ ДРАСТАМАТА КАНАЯНА
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

1–2 (25–26). 2013

Издается с 2007 г. 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Котанджян Г. С., доктор политических наук (РФ), Действительный член Российской Академии военных наук, научный эксперт по контртерроризму (США) (председатель), *Чилингарян Д. С.* (гл. редактор),
Аветисян В. Н., *Айвазян Л. Г.*, *Айдинян Р. А.*, *Априамов Э. А.*, *Варганян А. Г.*,
Гаспарян Т. Ш., *Давтян А. М.*, *Исаханян М. Р.*, *Карапетян М. Н.*,
Маргарян В. Г. (зам. гл. редактора), *Мартirosов Л. А.*, *Матевосян И. Ж.*,
Мирзабекян А. Р., *Мурадян К. Р.*, *Назарян А. С.*, *Сегракян С. Г.*,
Тер-Григорьянц Н. Г., *Тоноян Д. Э.*, *Хачатуров Ю. Г.*, *Ширинян М. А.*

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕНОМЕН ШУШИ

ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ)

<i>Г. С. Котанджян.</i> Вступительное слово	7
<i>П. А. Чобанян.</i> Проблема легитимности Карабахских ханов в контексте политической истории Шуши	10
<i>Г. Л. Петросян, В. А. Сафарян, Н. Г. Енгибарян, М. К. Титанян.</i> Археологические свидетельства существования древних армянских поселений на территории Шуши	30
<i>М. А. Саркисян.</i> Уроки градостроительства Шуши	40
<i>М. А. Арутюнян.</i> Издательское дело и периодика в Шуши как фактор развития армянской общественно-политической и научной мысли	65
<i>М. Г. Балаян.</i> Шуши как продолжатель духовно-церковных традиций национально-освободительной борьбы Арцаха	81
<i>Ю. Ю. Арутюнян.</i> Иноязычные периодические издания Шуши как свидетельства доминирования армянской культуры до 20-ых гг. XX века	92
<i>Г. Г. Арутюнян.</i> Просвещение и школа в Шуши как фактор национально-культурного возрождения Восточной Армении . .	103

А. В. Агасян. Мастера армянского изобразительного искусства нового времени и Шуши	120
А. Г. Асатрян. Шуши – «консерватория Закавказья»	137
Г. В. Оргоян. Шуши как средоточие театральной жизни в Восточном Закавказье в конце XIX–начале XX веков	153
Г. М. Арутюнян. Шуши как столица де-факто независимого Арцаха (1918–1920 гг.)	169
А. А. Мелик-Шахназаров. Фальсификации истории города Шуши в Азербайджане	185

ВЫВОДЫ

Выводы	199
------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документы	207
Виды Шуши	211
Очерк крепости Шуши и всего Карабаха	216

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Р. В. Агузумян, кандидат психологических наук, доцент;*
Н. У. Аракелян, академик НАН РА;
Л. С. Арзуманян, доктор филологических наук;
Б. Н. Арутюнян, доктор медицинских наук, профессор;
В. М. Арутюнян, академик НАН РА;
Г. Е. Багдасарян, академик НАН РА;
С. А. Галстян, доктор филологических наук, профессор;
С. Г. Галстян, доктор медицинских наук, профессор;
Г. А. Геворкян, академик НАН РА;
Р. Г. Геворкян, доктор геологических наук, профессор;
А. А. Манташян, академик НАН РА;
М. М. Маргарян, доктор политических наук, профессор;
Г. Г. Матевосян, член-корреспондент НАН РА;
Э. Г. Минасян, доктор исторических наук, профессор;
М. М. Мириджанян, доктор медицинских наук, профессор;
К. С. Мосоян, доктор технических наук, профессор;
В. С. Саркисян, академик НАН РА;
Р. А. Сафрастян, член-корреспондент НАН РА,
доктор исторических наук, профессор;
А. Г. Симонян, член-корреспондент НАН РА,
доктор исторических наук, профессор;
А. С. Сисакян, доктор медицинских наук, профессор;
Ю. С. Чилингарян, академик НАН РА

**25-ЛЕТИЮ КАРАБАХСКОГО ДВИЖЕНИЯ –
НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ
АРМЯНСТВА АРЦАХА
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

ФЕНОМЕН ШУШИ
ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ
(КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Город-крепость Шуши со второй половины XVIII в. до начала XX в. играл существенную роль в политической, социальной и культурной жизни Восточной Армении, по своему значению и влиянию выходя далеко за пределы Арцаха. В значительной степени данным обстоятельством можно объяснить то

внимание, которое уделяется в Армении проблеме искажений в истории Шуши в контексте азербайджанской стратегии фальсификации истории Армении и армянского народа, осуществляемых как в советское время, так и на современном этапе.

Во исполнение государственного заказа азербайджанская стратегия фальсификации истории Восточного Закавказья, помимо прочего, преследует цель доказать посредством искажения исторических фактов законосообразность провозглашения во второй половине XVIII в. предводителя кочевого племени Дживанширов Панаха Карабахским ханом с отрицанием владительных прав армянских меликов Варанды в отношении Шуши и их представлением в качестве управляющих, подчиненных Карабахским ханам.

Историко-политологическое исследование, осуществленное под руководством ученого-аналитика ИНСИ МО РА, доктора исторических наук П. Чобаняна, доказывает, что некоторые положения азербайджанской историографии – при отсутствии должного критического подхода – получили распространение и в арменоведении, еще более усложнив задачу научного изложения истории Арцаха, в частности Шуши, в указанный период времени.

Целью данной коллективной монографии, подготовленной в ИНСИ МО РА, является научное представление на основе новых архивных фактов процесса основания и становления города Шуши, а также анализ вопросов правомочности формирования Карабахского ханства и системы правоотношений между Карабахскими ханами и меликами Варанды. В монографическом исследовании анализируется также проблема научной достоверности написанных во второй половине XIX в. исторических работ, относящихся к указанному периоду политической истории Арцаха и служащих в качестве первоисточников.

Посредством специализированных исследований в отдельных сферах в сборнике представлено значение города Шуши в политической, духовной и культурной жизни Армении в XIX–XX вв.

Данный монографический сборник служит интересам создания объективной источниковедной и историко-политологической базы для выработки профессиональными кругами РА и международного академического сообщества систематизированного научного подхода к истории Арцаха и, в первую очередь, Шуши второй половины XVIII – начала XIX веков – в противовес политизированным азербайджанским фальсификациям.

В заключение считаю долгом выразить признательность за научное сотрудничество директору Института искусства НАН РА, доктору искусствоведения, профессору *А. Агасяну*, заместителю директора того же института профессору *А. Асатрян*, доктору искусствоведения, профессору *Г. Ордояну*, заведующему отделом новейшей истории Института истории НАН РА, доктору исторических наук, профессору *Г. Арутюняну*, заведующему кафедрой культуроведения Ереванского государственного университета, доктору исторических наук, профессору *Г. Петросяну*, архитектору *М. Титанян*, археологу *Н. Енгибарян*, кандидату исторических наук *В. Сафаряну*,

директору по научным вопросам Армянского центра стратегических и национальных исследований, архитектору *М. Саркисяну*, директору Историко-геологического музея Арцаха, кандидату исторических наук *М. Балаян*, доктору педагогических наук, профессору *Г. Арутюняну*, заведующему Научным центром «Качар», кандидату исторических наук, доценту *М. Арутюняну*, сотруднице того же научного центра *Ю. Арутюнян* и проживающему в Москве исследователю *А. Мелик-Шахназаряну*.

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА

Доктор политических наук
Президент Ассоциации
политической науки Армении

Г. С. КОТАНДЖЯН

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ КАРАБАХСКИХ ХАНОВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ШУШИ

*П. А. ЧОБАНЯН, доктор исторических наук, главный научный
сотрудник ИВ НАН РА, ученый-аналитик ИНСИ МО РА*

Во второй половине XVIII и в течение XIX веков в военно-политической и культурной жизни Закавказья значительную роль играл город-крепость Шуши, являясь, по сути, символом фактической суверенности Арцаха. В значительной степени целью подрыва доверия к данной истине обусловлены искажения со стороны Азербайджана исторических фактов, касающихся истории Шуши и Карабахского ханства, осуществляемые в контексте фальсификации истории армянского народа и региона в целом.

Историография Советского Азербайджана последовательно продвигала тезисы, согласно которым доминантным фактором в жизни Арцаха объявлялись мусульманские племена и тем самым отрицалась роль коренного населения Арцаха – армян. Согласно основным тезисам советской азербайджанской историографии:

1. Панаху и его сыну Ибрагиму приписывались в Арцахе исключительные политико-административные и землевладельческие права, делегированные будто бы грамотой Адиль-шаха в 1748 г.^{*}, в то время, как армянским удельным князьям (меликам) отводилась роль их подчиненных;

^{*} Следует отметить, что о грамоте упоминается в работе ханского мирзы (канцеляриста) из того же племени Джеванширов Мирзы Джамала «История Карабага», написанной почти 100 лет спустя, однако грамота пока не найдена, что ставит под сомнение сам факт ее существования.

2. Возведение города-крепости Шуши приписывалось вождю племени Джеванширов Панаху Али-беку;
3. Причиной борьбы между меликом Варанды Шахназаром и остальными армянскими меликами Арцаха представлялось якобы незаконное присвоение власти над княжеством со стороны Шахназара.

В постсоветский период азербайджанская историография, реализуя государственную политику искажения и фальсификации исторических событий¹, отрицала факт существования армянского населения в Восточной Армении в XVIII веке, в том числе и в Арцахе, а их присутствие здесь объясняла переселением из Персии по подписанному в 1828 году между Россией и Персией Туркменчайскому договору.

В современном арменоведении также наблюдаются случаи не системного подхода к осмыслению политической истории Шуши и Карабаха указанного периода. Причина в том, что за основу принимается история, представленная авторами, находившимися на службе у Панахидов,— без ее должного критического анализа.

Вследствие подобных просчетов в арменоведении принято считать, что:

1. Варандийский князь Шахназар завладел княжеством, убив родного брата, являвшегося законным владельцем Варанды;
2. Князь Шахназар, совершив это преступление, примкнул к предводителям кочевых племен, надеясь при их военной поддержке избежать мести со стороны других армянских князей;

¹ См. «Речь Президента Азербайджана Ильхама Алиева на торжественном собрании, посвященном 60-летию Национальной Академии наук», 14 декабря 2005 г. (http://www.president.az/print.php?itemid=20070810125435235&sec_id=11).

3. Основная причина падения Арцахского княжества состояла в «сдаче» города-крепости Шуши Панаху.

Наличие подобных стереотипов в арменоведении не позволило подвергнуть всеобъемлющему политико-историческому анализу и объективной научной оценке сложность обстановки в регионе со второй половины XVIII в. до 30-х годов XIX в., представить роль Шуши в качестве столицы де-факто суверенного Арцаха и на основе исторических фактов противопоставить искажению истории со стороны Азербайджана научно обоснованное изложение исторических реалий.

Основной целью данного исследования* является доказательство на основе компаративного анализа валидных первоисточников следующих положений:

1. Даже если признать факт существования грамоты Адиль-шаха о присвоении Панаху Али-беку титула хана, то два его преемника после смерти Мелика Шахназара пытались превысить отправляемые полномочия правителя области (хакима), предпринимая шаги по узурпированию владетельных прав местных потомственных армянских князей (меликов);
2. В период номинального правления ханов истинная власть в Карабахе продолжала принадлежать местным армянским князьям (меликам), являвшимся наследственными владетелями края и опиравшимся на поддержку доминирующего среди населения армянского большинства;

* Автор выражает благодарность доктору политических наук Г. С. Котанджяну и кандидату исторических наук Б. П. Погосяну за ценные политологические консультации.

3. Город-крепость Шуши, ставший символом фактической суверенности Арцаха и одним из культурных центров восточных армян на протяжении двух с половиной веков, был основан владетельным Меликом Варанды Шахназаром и заселен преимущественно армянами.

* * *

Следует отметить, что попытки искажения истории Арцаха были предприняты в первой четверти XIX века и связаны с действиями сына и наследника Ибрагима, Мехти Кули в период установления здесь господства России (1805–1822 гг.). Заключались они в фальсификации документов, относящихся к правам владетельного князя Варанды Мелика Шахназара и его наследников в целях присвоения их земель и другого имущества при участии ханских секретарей, являвшихся членами уездного суда².

Эти фальсификации позднее нашли отражение также в исторических работах тех же, но уже отставных ханских секретарей, основная задача которых заключалась в отрицании законных прав Мелика Шахназара и его наследников в отношении Шуши с приписыванием Панаху роли основателя Шуши и владетельного суверена Карабаха. Армянские авторы, следуя свидетельствам этих продуктов, сфабрикованных ханскими канцеляриями, представляли деятельность Мелика Шахназара в неприглядном свете – как предательскую, выстраивая обоснование на вымышленном убийстве им своего брата.

Между тем существуют неопровержимые исторические факты, свидетельствующие о том, что «убитый» брат Мелика Шахназара

² См. *Мирза-Адигезаль-бек*. Карабаг-наме. Баку, 1950, сс. 19–21; *Мирза Джамал Джеваншир*. История Карабага. Баку, 1959, с. 59.

умер после смерти мелика³, а сам Шахназар стал Варандийским князем в совершенно законном порядке – согласно грамоте, пожалованной Надир-шахом⁴.

1. КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

1.1. ЗАКОННОСТЬ КНЯЖЕНИЯ ШАХНАЗАРА

После смерти одного из организаторов освободительной борьбы Арцаха, правителя Варанды Мелика Гусейна (скончался в 1736 году)⁵, князем – правителем Варанды по причине малолетнего возраста наследников покойного стал его брат Мирзабек. При этом правителем всего Арцаха (Меликств Хамсы) Надир-шах назначил мелика Дизака Егана. В 1743 году шах лишил меликских полномочий Мирзабека и при посредничестве Мелика Егана меликом Варанды утвердил старшего сына Мелика Гусейна, 12-летнего Шахназара. Свидетельством этого является представление Меликом Еганом Шахназара шаху, в котором отмечается, что, несмотря на свой юный возраст, он «имеет способность быть владетелем, вместо отца»⁶.

³ См. Матенадаран им. Маштоца, Архив разных авторов, папка 240⁹, док. 161, сс. 309–310, 321, 328, 341, 354–355; Архив Католикосата, папка 240, док. 5 (см. Приложение 1, с. 210).

⁴ См. Матенадаран им. М. Маштоца, Архив Католикосата, папка 240, док. 172, л. 1а.

⁵ Оценка деятельности Мелика Гусейна, наследного правителя Варанды, по документальному свидетельству запечатлена на его могильной плите: «...Был он владыкой всей Варанды, с тридцатью пятью селениями, и стол его был полон хлеба, и всем подавал он милостыню, внешностью был он прекрасен, гордостью являлся армянской нации, в битвах беспощадно убивал персов, храбро воевал с османцами проклятыми, не платил он дани ни одному царю, был мощным оплотом всей страны» (*Раффи*. Меликства Хамсы. 1600–1827. Материалы для новой армянской истории. Е., 1991, с. 38; «Свод армянских эпиграфических надписей», вып. V: «Арцах». Составил С. Г. Бархударян. Е., 1982, с. 149).

⁶ Сохранились копия грамоты Надир-шаха на персидском языке и ее перевод на русский язык (см. Приложение 1, с. 207).

Само существование данной грамоты является юридическим фактом, свидетельствующим о том, что княжество досталось Мелику Шахназару законным путем.

1.2. СТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДА – КРЕПОСТИ ШУШИ

Крепость Шуши – «Кар» (камень, скала), или «Шошва кала», – являлась потомственным владением рода Меликов Шахназарянов в Варанде, а заселена была еще в 1710–1720-ые годы. Крепость стала одним из основных центров освободительной борьбы. Так, в исследуемый период существенную роль сыграл тот факт, что именно здесь арцахцы под предводительством юзбаши (сотника) Авана одержали крупную победу над регулярными войсками турок-османов, захвативших Закавказье и значительную часть Персии⁷.

В смутное время после убийства персидского шаха Надира Мелик Шахназар с целью обеспечения безопасности Арцаха в 1750 году претворил в жизнь план укрепления меликской резиденции Аветараноц и города-крепости Шуши⁸, переселив туда население из окрестных сел, а также из Агулиса и Шахкерта (Казанчи). Как во времена правления Мелика Гусейна⁹, так и впоследствии политика Варандийского княжества была направлена на то, чтобы обеспе-

⁷ См. «Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века». Сборник документов, т. 2, ч. 2. Е., 1967, сс. 286–287.

⁸ «Именем Мелика Шахназара, сына Мелика Гусейна, в тот год, когда пришел грузин – 1750, я построил крепость, кто прочтет, пусть помянет меня добрым словом. Это могила Давида – сына Гавриила. 1799 год». («Свод армянских надписей», вып. V, с. 154). См. также Матенадаран им. Маштоца, Архив разных авторов, папка 240⁹, док. 161, с. 393.

⁹ В составленном в 20-е годы 19-го века документе о восстановлении армянской государственности также отмечается, что «в древние времена по преданности армянского народа к России, смотря по надобности, по вызовам и приглашениям составлялись временные ополчения. В царствование Петра Великого составлялось войско **под начальством владетельных князей меликов Шах-Назаровых**» (В. А. Парсамян. Грибоедов и армяно-русские отношения. Е., 1947, с. 260).

читать безопасность не только своего владения, но и всего Арцаха, в чем и состоял замысел Мелика Шахназара – укрепить город-крепость Шуши, превратив его в цитадель всего Арцаха.

Данный процесс начался еще до заключения союза Мелика Шахназара с Панахом. Следовательно, не соответствует действительности устоявшееся в азербайджанской историографии мнение о том, что выбор места для крепости Шуши и ее основание осуществлялись союзником Мелика Шахназара Панахом¹⁰.

2. ПРИЧИНА ФОРМИРОВАНИЯ СОЮЗА МЕЛИКА ШАХНАЗАРА С ПАНАХОМ

После убийства шаха Надира в 1747 году как в Персии, так и в Закавказье в период распада центральной власти местные правители стали проводить в жизнь политику суверенизации. Потомственные правители Арцаха – мелики, и в особенности Мелик Шахназар, предпринимали шаги для фактического поддержания суверенности Арцахского (Карабахского) княжества и обеспечения его безопасности. В этих целях Мелик Шахназар установил сотрудничество с царями Грузии Теймуразом II и Ираклием II¹¹. В част-

¹⁰ Ошибочно значительно позднее сообщение Мирзы Джамала относительно того, будто в Шуши до появления Панаха «не было никаких жилищ. Это место было пашней и пастбищем, принадлежавшими жителям Шушикенда, расположенного в шести верстах восточнее крепости» (*Мирза Джамал Джеваншир*. Ук. соч., с. 73).

¹¹ «Мелик Шахназар замышляя, как и отец его при Императоре Петре Первом, выйти из-под зависимости Персии,... вступил в союз с Грузинским царем Теймуразом, желавшим при тех же смутных в Персии обстоятельствах поставить и себя в независимости от Персии» (Матенадаран им. Маштоца, Архив разных авторов, папка 240⁹, док. 161, с. 385). Данный факт соответствует действительности и созвучен с «Историей» П. Орбелиани, в которой представлены события апреля 1752 года (см. *Папуна Орбелиани*. Амбавни Картлисани (История Грузии). Тбилиси, 1981, сс. 191–195 (на груз. яз.); «Очерки истории Грузии», т. 4. Тбилиси, 1973, сс. 623–624 (на груз. яз.)).

ности, для борьбы против хана Шаки-Ширвана Гаджи Челеби был заключен союз, в который вступили цари Грузии, Мелик Шахназар, хан Гандзака, Панах и др. Но грузинские цари, заподозрив ханов и Мелика Шахназара в сговоре против себя, взяли их в плен. Мелик Шахназар вместе с остальными пленниками был освобожден лишь после того, как Гаджи Челеби нанес сокрушительное поражение грузинской армии.

Пленение Шахназара и ханов грузинскими царями сыграло решающую роль для пересмотра им своей политики поисков союзников по восстановлению суверенности Арцахского княжества. Шахназар заключил союз с Панахом и для поддержания с ним сотрудничества предложил ему обосноваться в Шуши. До этого Панах уже помогал Мелику Шахназару в войне против Гаджи Челеби.

Для обеспечения верности Панаха Мелик Шахназар согласился в соответствии с персидской традицией в качестве заложников (аманатов) переселить в подконтрольный ему Шуши также некоторых представителей подвластных Панаху племен. Семья Панаха, упомянутые заложники, а также их прислуга – вот и все мусульманское население Шуши во второй половине XVIII века¹², которое по численности существенно уступало армянскому.

3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИКО–ПРАВОВОЙ ПОЛНОМОЧНОСТИ АРМЯНСКИХ МЕЛИКОВ КАРАБАХА И КАРАБАХСКИХ ХАНОВ

В системе государства Сефевидов в XVI веке было создано бейлербейство Карабаха с центром в Гандзаке, которое в 1736 году было ликвидировано по приказу шаха Надира, а вместо него были сформированы две отдельные административные единицы – ханство

¹² См. *Мовсес Баграмян*. Новая тетрадь. Е., 1991, сс. 103–104.

Гандзака и Хамса^{*}, т. е. княжество 5 армянских меликов Арцаха во главе с Меликом Еганом. Таким образом, Хамса стала административной единицей державы Надир-шаха, опиравшейся на правомочность владетельных армянских князей-меликов.

Как грузинские цари, так и ханы Ширвана, Гандзака, Хоя и армянские мелики считали притязания Панаха на власть в Карабахе не легитимными, видя в нем лишь предводителя пришлого кочевого племени Джеванширов, чем и объясняется организованный в 1750 году поход против Панаха и его выдворение из Карабахского региона¹³.

В азербайджанских «обоснованиях» легитимности Панаха как карабахского хана упоминается грамота, якобы выданная ему Адиль-шахом, которая, однако, не найдена. Здесь важно сделать следующее замечание. Титул хана в Персии являлся почетным званием, не дающим каких-либо землевладельческих или иных наследственно-правовых привилегий, вместе с тем, правитель ханства был назначаемым административным управляющим – хакимом.

Таким образом, Мелик Шахназар в своем замысле о предоставлении права Панаху на поселение в Шуши руководствовался стремлением консолидировать под своим началом меликства Хамсы в единое княжество Арцах¹⁴, а также в надежде получить военно-административное содействие в этом вопросе. Сфабрикованные в более позднее время «источники», приписывающие Панаху права владетельных хозяев Карабаха, были созданы секретарями ханских канцелярий, которые не являлись очевидцами-свидетелями данных событий. В то же время источники, написанные в процессе

* Хамса – по-арабски означает «пять».

¹³ См. *Папуна Орбелиани*. Ук. соч., сс. 164–165.

¹⁴ Об этом указано также на могильной плите Мелика Шахназара: «Это могила Мелика Шахназара, сына Мелика Хусейна, **князя областей Арцахских**, Владыки Варанда» (см. *Епископ Макар Бархударянци*, Арцах. Перевод с арм. Н. Алексаняна. Санкт-Петербург, «Наука», 2009, с. 95. Ср.: «Свод армянских надписей», с. 150).

развития этих событий, подтверждают тот факт, что во взаимоотношениях Мелика Шахназара с самопровозглашенными ханами Шуши доминирующая роль отводилась армянскому населению, их владельческому суверену – мелику¹⁵. Непринятием присвоения Панахом ханской власти и осуждением ее нелегитимности объясняются частые нападения со стороны грузинских царей и соседних ханов на Шуши¹⁶, предотвратить покорение которого стало возможным только вследствие обеспечения неприступности города-крепости и роли армянства в его защите.

Хотя Панах по приглашению Мелика Шахназара и обосновался в городе Шуши, являвшемся частью наследственных владений мелика Варанды, все насущные проблемы разрешались исключительно властью Мелика Шахназара, и вплоть до его кончины (1793 г.)^{*} карабахские ханы в вопросах, касающихся Шуши, руководствовались именно его политикой.

¹⁵ Согласно Мовсесу Баграмяну, хан «что бы ни пожелал – осуществляет с помощью армян, будь то налог или пошлина – с них взимает, с их помощью обороняется, с их помощью воюет и одерживает победу, все-все с их помощью, вплоть до того, что охрана дворца, надзиратели и дворцовые служители у него армяне и войско его состоит в основном из армян» (*Мовсес Баграмян*. Ук. соч., с., 104). Согласно составленной в 1800 г. «Записке о Грузии» П. И. Коваленского «Карабагский владетель Ибрагим хан, человек пожилой и умный персиянин. После отца своего получил он в наследство весьма ограниченное участие во владении Карабагском, которым управляли еще армянские мелики, от древних времен сохранившие свою независимость, но потом только там усилился, что и сих коренных владельцев выгнал» (см. «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» («АКАК»), т. I. Тифлис, 1866, с. 120 (<http://www.runivers.ru/bookreader/book9486/#page/1/mode/1up>)).

¹⁶ В частности, во время похода Фатали-хана Хойского в 1760–1761 гг. в осаде Шуши принимали участие также грузинские войска, хан Гандзака, объединенные отряды армянских меликов Гюлистана и Джраберда (*В. Мачарадзе*. Материалы по истории русско-грузинских отношений второй половины XVIII века, т. 2. Тбилиси, 1968, сс. 389–390, 451–452 (на груз. яз.)).

^{*} Год упоминается согласно сообщению сына Мелика Шахназара – Джаангира (см. Матенадаран им. Маштоца, Архив разных авторов, папка 240⁹, док. 161).

О доминирующем положении Мелика Шахназара свидетельствуют также факты, связанные с застройкой Шуши, а именно – вопросами по возведению крепостной стены. В частности, в 1783 году в Шуши работы, связанные с ремонтом и укреплением крепостной стены, осуществлялись по повелению Мелика Шахназара. В то же время при ремонте крепостной стены каждый из пяти меликов предоставил по 100 рабочих. И Ибрагим предоставил такое же число рабочих, а это значит, что у него не было превосходства в отношении меликов в доле участия в укреплении крепости¹⁷. В действительности, во второй половине XVIII века в городе-кре-

¹⁷ См. «Армяно-русские отношения в XVIII веке, 1760–1800 гг.». Сборник документов, т. IV. Е., 1990, сс. 181–183.

В июле 1783 года в докладной записке, врученной П. С. Потемкину, Габриэл Караханов отмечает: «4. Шушинской Ибреим хан, собравший народ, своего брата и родственников, а при том призван был и тесть его армянской нации мелик Шахназар, объявил им, что желает он укрепить Шушинскую крепость для незапной безопасности, почему и требовал их для того вспоможения, на что отвечал ему брат его и родственники, что крепость Шушинская в порядке и укреплять ее более и делать народу изнурение не для чего, но тесть Ибраим хана Шахназар, назвав их бессмысленными, настоял о ее укреплении. Почему и хан на то склонившись, приказывал ее укреплять, но брат и родственники ханские единогласно с народом сказали хану, что, когда не приемлет он их совета, а склоняется на согласие своего тестя, то и они в том его, хана, не слушают, а когда приемлет их совет, то б укрепление крепости оставил, и Шахназара, котораго они, естли отдан им будет, истребить должны, не слушал. Но хан склонившись на совет Шахназаров и собравши с пять меликов по сту человек, да также и з другаго там обитаемого народу по несколькому числу и набравши всего до тысячи человек, начал помянутую крепость укреплять. Чрез то и происходит ныне у хана с родственниками своими ссора, и так, будучи хан опасен, выпрося у шурина своего аварскаго Ум хана 300 человек лезгин, содержит их для охранения своего при себе» (см. там же, с. 252). Об этом пишет и Иракли II в письме П. С. Потемкину (см. Межкавказские политические и торговые связи Восточной Грузии (конец 60-х – начало 90-х годов XVIII в.). Документы и материалы, I выпуск. Материал подобрал и подготовил к печати В. Н. Гамрекели. Тбилиси, 1980, с. 91). Данные события, для некоторых авторов, послужили основой считать годом основания Шуши 1789-й.

пости Шуши армянское население занимало доминирующее положение как в этнодемографическом, так и в социальном отношении*.

Армянские мелики во внешней политике, в том числе и в отношениях с Россией, позиционировали как наследные правители страны¹⁸, чего нельзя сказать в отношении ханов. В то же время, несмотря на совпадение общеполитических интересов меликов, между ними часто возникали противоречия, что мешало совместным действиям и негативным образом сказывалось на внутренней и внешней политике Арцаха в целом.

4. ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В АРЦАХЕ: УПРАЗДНЕНИЕ ХАНСТВА

В 1793 году после смерти Шахназара владение меликством Варанды перешло к старшему сыну покойного – Мелику Джимшиду.

Однако с 1795 года военно-политическая обстановка в регионе стала коренным образом изменяться. В 1795 и 1797 гг. персидский хан Ага-Мохаммед дважды вторгнулся в Закавказье. В 1795 году город-крепость Шуши с преимущественно армянским населением остался неприступным и не был захвачен персами, и тем самым усилия Ага-Мохаммеда по восстановлению господства Персии над Арцахом оказались тщетными.

Наследник Панаха Ибрагим, получив сведения о готовившемся повторном походе Ага-Мохаммеда, не осмелился оказать ему сопротивления и бежал в Дагестан. В 1797 году шах Ага-Мохам-

* В Шуши налоги с населения взимались исключительно в пользу Мелика Шахназара (Матенадаран им. Маштоца, Архив разных авторов, папка 240⁹, док. 161, с. 393).

¹⁸ См. «Армяно-русские отношения в XVIII веке, 1760–1800 гг.». Сборник документов, т. IV. Е., 1990, сс. 181, 183, 510–511.

мед вступил в Шуши, где в результате дворцового заговора был убит. Вскоре после этого мелик Варанды Джимшид и мелик Гюлистана Фридон как владетельные князья – полномочные представители наследственной власти в Хамсе, направились в Петербург за помощью к русскому императору Павлу I. Ибрагим возвратился в Шуши уже после убийства шаха, а в 1798 году отдав в жены новопровозглашенному шаху Баба-хану (Фатали-шах) свою дочь, сумел, воспользовавшись отсутствием Мелика Джимшида, стать единоличным правителем Шуши. Фактически, система разделения административных и властных полномочий, сформированная во взаимоотношениях между Панахом и Шахназаром в 50-е годы XVIII века, была прекращена.

В свою очередь, Мелик Джимшид при посредничестве императора Павла I получил владения от грузинского царя Георгия XII и в качестве гостя остался в Грузии, при этом сохранив владетельные права мелика в Арцахе.

Отсутствие меликов, разразившийся голод и эпидемии, поспешная массовая эмиграция армянского населения – все это способствовало временному ослаблению позиций армян в Арцахе*.

В 1804 году, во время русско-персидской войны, Ибрагим подчинился требованиям генерала Цицианова и, чтобы по возможности сохранить за собой атрибуты узурпированных у Мелика Джимшида полномочий в Карабахе, согласился на ежегодную выплату дани, а в мае 1805 года подписал проект договора, составленный Цициановым, согласно которому принял подданство России. По просьбе Цицианова император Александр I, отмечая важность

* Из более 40000 семей в Арцахе осталось 4000. 8000 семей временно переселилось из Арцаха в Ширван. См. «АКАК», т. II. Тифлис, 1868, сс. 702–704 (<http://www.runivers.ru/bookreader/book9487/#page/1/mode/1up>); Лео. История карабахской армянской епархиальной духовной школы (1838–1913). Тифлис, 1914, с. 104 (на арм. яз.).

того, что Ибрагим без сопротивления стал подданным России, присвоил ему звание генерал-лейтенанта, а также наделил полномочиями российского административного управляющего на территории Арцаха, чтобы это послужило примером для остальных сопредельных ханств¹⁹.

Таким образом, политика пособничества со стороны Российского престола Ибрагиму и его преемнику, а также другим ханам Закавказья в условиях его захвата Россией в 1804–1826 гг. осуществлялась в процессе развязки военно-политической обстановки между Россией и Ираном в интересах России²⁰. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что еще в 1783–1784 гг. Г. Потемкин, докладывая императрице Екатерине II относительно присвоения ханской власти Ибрагимом, отмечал, что после того, как им удастся привести последнего к повиновению, «при удобном случае область его, которая составлена из народов армянских, дать в правление национальному и чрез то возобновить в Азии христианское государство, сходственное высочайшим Вашим Императорским Величеством обещаниям, данным чрез меня армянским меликам»²¹.

Россия обычно придерживалась того принципа, что внешнеполитические сношения велись с легитимными равноправными субъектами. Однако для решения задачи присоединения Карабаха заключила паллиативное соглашение с субъектом, готовым выторговать у России неподкрепленный наследственными правами статус в

¹⁹ См. «АКАК», т. II, сс. 702–704 (<http://www.runivers.ru/bookreader/book9487/#page/1/mode/lup>). Совершенно очевидно, что «в то время хан менее имел власти, чем в подданстве России, ибо тогда был он не тверд в ханствовании своем...» (Матенадаран им. Маштоца, Архив разных авторов, папка 240, док. 161, сс. 383–384).

²⁰ «АКАК», т. I, сс. 123–124 (<http://www.runivers.ru/bookreader/book9486/#page/1/mode/lup>).

²¹ «Армяно-русские отношения в XVIII веке. 1760–1800 гг.», с. 241.

обмен на сдачу ей административного контроля над территорией, в свое время узурпированного карабахскими ханами у владетельных князей—армянских меликов. Вследствие этого соглашение, подписанное Цициановым от имени царя с целью бескровного присоединения Карабаха, не может рассматриваться как признание легитимности полномочий карабахских ханов в качестве владетельных князей.

Однако через год после подписания договора с Россией Ибрагим, принявший российское подданство и удостоенный звания генерал-лейтенанта армии Его Императорского Величества, совершил государственную измену, пригласив персов в Шуши с обещанием его сдачи и за это при попытке к бегству был убит русскими солдатами Шушинского гарнизона²².

Управление Карабахским ханством и административные привилегии Ибрагима перешли к его сыну Мехти Кули-хану, получившему вслед за отцом российское подданство и звание генерал-майора, что дало ему административные рычаги для самовольного распоряжения владениями армянских меликов. В 1812 году, после смерти Мелика Джимшида, начался процесс присвоения принадлежащих его роду земельных владений, равно как и прав на них. Часть владений меликов Шахназарянов (порядка 15 сел) перешла к генералу В. Мадатову, который за приобретение земельных наделов стал потакать проискам и противоправным действиям Мехти Кули, потворствуя искажению исторических фактов канцеляристами Шушинского уездного суда, включая подделки в документах и их фабрикацию задним числом²³.

²² См. «АКАК», т. III. Тифлис, 1869, сс. 329–330 (<http://www.runivers.ru/bookreader/book9488/#page/1/mode/1up>).

²³ См. «АКАК», т. VII. Тифлис, 1878, сс. 458–459 (<http://www.runivers.ru/bookreader/book9493/#page/2/mode/1up>).

В оправдание притязаний на владение земельными угодьями, принадлежащими Мелику Шахназару, а также во избежание имущественных споров, хан Мехти Кули распространил слухи о незаконном захвате Варандийского княжества со стороны Шахназара путем «убийства брата Овсепя», а также «собрал» сфабрикованные свидетельства о «бастардстве» его наследников²⁴.

Преследуя в данном вопросе меркантильные интересы, некоторые из приближенных к ханам Ибрагиму и Мехти Кули мирз, в частности, Мирза Адигезал-бек, Мирза Джамал и другие, в качестве «компетентных» лиц участвовавшие в фабрикации имущественно-правовых документов, осуществили «модифицированное» изложение истории Карабаха. Согласно их фальсификатам, создавшаяся ситуация в Арцахе первой четверти XIX века, когда, в частности, главенствующая роль отводилась ханскому правлению, была распространена и на вторую половину XVIII века, что привело к существенному искажению полувековой политической истории Шуши.

Подписанный в 1805 году договор между Цициановым и Ибрагимом потерял свою силу в 1813 году, когда между Россией и Ираном был подписан Гюлистанский договор, согласно которому все ханства Восточного Закавказья переходили к России. В рамках действующей государственной системы России ханы продолжали исполнять свои административные полномочия, но уже в качестве подданных России.

Карабахское ханство было ликвидировано Российскими властями в 1823 году, после предательского бегства Мехти Кули-хана в Персию в конце 1822 г. С этого момента возобновился процесс естественного развития Арцаха – уже в контексте христианского историко-культурного диалога карабахского армянства с российским миром.

²⁴ См. Матенадаран им. Маштоца, Архив Католикосата, папка 240, док. 180.

Таким образом, современная фальсификация истории со стороны Азербайджана основывается на сфабрикованных источниках, которые были призваны узаконить деятельность приглашенных извне в XVIII веке Меликом Шахназаром ханов и правомочность их притязаний на земли армянских владетельных князей-меликов.

Вместе с тем свидетели-современники событий XVIII века в своих работах правдиво освещают историю Шуши, благодаря чему при их беспристрастном всеобъемлющем изучении выявляются и подтверждаются факты фальсификации как со стороны лиц, окружавших ханов-узурпаторов, так и их последователей в лице фальсификаторов из числа ученых и политических деятелей современного Азербайджана.

РЕЗЮМЕ И ВЫВОДЫ

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что в отношении истории основания крепости, а затем и города-крепости Шуши во второй половине XVIII века азербайджанской историографией как в советский, так и постсоветский периоды был взят курс на искажение истории.

Город-крепость Шуши был основан армянами в 1710–1720-ых гг. и затем укреплен Варандийским князем Меликом Шахназаром. Последний проводил в жизнь политику усиления княжества и в данном контексте сотрудничал с силами, имевшими определенный вес в регионе, в том числе и с предводителем кочевого племени Джеванширов Панахом Али-беком. Панах в качестве союзника Шахназара был приглашен в Шуши, однако вплоть до самой смерти мелика как Панах, так и его сын Ибрагим по ключевым вопросам, касающимся Шуши, при принятии решений были вынуждены считаться с мнением Мелика Шахназара. Во второй половине XVIII века город Шуши в условиях ослабления персидского

престола, фактически, являлся центром суверенного Арцахского княжества.

Предложение Мелика Шахназара Панаху обосноваться в Шуши было обусловлено намерением мелика Варанды получить военно-административное содействие в деле укрепления княжества и парирования внешних угроз.

Модель взаимоотношений армянских меликов и карабахских ханов изменилась только после смерти Шахназара, временного переселения его наследников и других меликов Арцаха в Грузию, в результате чего возросла роль наследников Панаха в Шуши.

Будучи на службе у Карабахских ханов, канцеляристы-мирзы обслуживали меркантильные интересы своих хозяев по приобретению земельных наделов меликов Варанды. Занимаясь фабрикацией имущественных документов в отношении собственности Мелика Шахназара, они в середине XIX в. переписали историю Шуши с искажением сути реальных политических процессов, происходивших в 1748 – 1823 гг.

Исходя из этого, историография в советское время преимущественно была нацелена на очернение деятельности владетельного хозяина и правителя Шуши Мелика Шахназара. На этой же базе развернута фальсификация истории Карабаха в современном Азербайджане.

Вместе с тем современное арменоведение – в ряде случаев без критического научного подхода – использовало сведения тенденциозных историков середины XIX века по истории Шуши, что и послужило причиной для просачивания некоторых ошибок и в армянскую историографию.

В арменоведении подлежат пересмотру оценки роли города-крепости Шуши и его владетельного хозяина Мелика Шахназара, а

также полномочности власти меликов Варанды и карабахских ханов. Приращение роли армянства во второй половине XVIII века в Карабахе не имеет реальной фактологической базы и, следовательно, не может служить обоснованием для притязаний современного Азербайджана на Арцах.

ВЫВОДЫ

1. Город-крепость Шуши, ставший во второй половине XVIII в. и в XIX в. символом и центром суверенности Арцаха, был основан в 1710–1720-ых гг. армянами, а затем укреплен владельческим князем Варанды Меликом Шахназаром в 1750-ых гг.
2. Вождь Джеванджирского племени сарыджалы Панах Али-бек обосновался в Шуши по приглашению князя Варанды Мелика Шахназара, стремившегося к суверенизации Арцаха и в этих целях пытавшегося данным приглашением разнообразить свой военно-политический ресурс как во внешних, так и внутренних отношениях.
3. Нелегитимность провозглашения Панахом себя персидским ханом и правителем (хакимом) Карабаха подтверждается как недоказанностью существования соответствующего шахского фирмана, так и отношением к нему грузинских царей, легитимных ханов Восточного Закавказья и армянских меликов.
4. После узурпации прав хакима Панахом отправление власти в Арцахе осуществлялось по модели сопряжения владетельной власти мелика Варанды Шахназара и других армянских меликов и административной власти Панаха при доминировании в Шуши Мелика Шахназара.
5. После второго похода Ага-Мохаммеда Каджара в 1797 г. в результате коренного изменения геополитической обстановки в Арцахе и в регионе в целом была нарушена сложившаяся

модель властных отношений между меликами Варанды и потомками Панаха, продлившаяся всего 8 лет (1797–1805 гг.).

6. Искажение истории Арцаха развернулось в первой четверти XIX в. в форме фабрикации имущественных документов в целях лишения потомков мелика Шахназара наследственных прав на Варанду. Фальсификации осуществлялись в меркантильных интересах хана Мехти Кули секретарями его канцелярии, являвшимися в то же время членами уездного суда. В дальнейшем эти искажения получили закрепление в исторических описях, написанных этими же секретарями в середине XIX в.
7. Все ханы Карабаха – Панах, Ибрагим и Мехти Кули – стали государственными изменниками в отношении престолов либо Персии, либо Российской империи.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ ДРЕВНИХ АРМЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ШУШИ

Г. Л. ПЕТРОСЯН, доктор исторических наук, заведующий кафедрой культурологии ЕГУ, В. А. САФАРЯН, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Арцахского государственного университета, Н. Г. ЕНГИБАРЯН, научный сотрудник Института археологии и этнографии НАН Армении, М. К. ТИТАНЯН, архитектор ООО ВЭМ

Исследование древностей Шуши, уточнение и детализация их характеристик, имеют прежде всего четко выраженную научную цель. Вопросы древней истории Шуши, его основания, застройки, этнической принадлежности его отдельных памятников не раз оказывались в списке «обоснований» захватнических устремлений Азербайджана. Если для того, чтобы четко указать на армянскую принадлежность территории, армянские исследователи до освобождения Шуши вынуждены были удовлетворяться преимущественно письменными источниками и изучением событий новых времен (XVIII–XIX вв.), то сегодня они могут широко использовать множество археологических, литографических, топографических источников, которые физически стали доступными только благодаря освобождению Шуши.

Вторая важная цель исследования древностей – восстановить целостную картину этого уникального природно-культурного комплекса и превратить его в один из основных и привлекательных элементов будущего курортно-туристического облика города и его окрестностей.

Углубление в тайны гробниц через непосредственное участие в археологических раскопках, посещение доисторических пещер, монастырских комплексов и водяных мельниц, путешествие по

выдолбленным в скалах древним дорогам и тропинкам, при наличии соответствующей подготовки, могут стать основной формой туристического отдыха.

Исходя из вышеупомянутых целей, еще в 2004 году, при финансовой поддержке организаций «Еркир» («Земля») и «Еркир авец» («Земля обетованная») на основе полевых археологических наблюдений был составлен иллюстрированный список археологических памятников Шуши и его близлежащих окрестностей и карта их расположения (*рис. 1*).

В список вошли около 500 памятников от палеолита до XX века, что позволило предопределить основные задачи археологического исследования поселения и его окрестностей и выбрать конкретные памятники, подлежащие раскопкам.

В июне–июле 2005 года, возглавляемая доктором исторических наук Гамлетом Петросяном Арцахская археологическая экспедиция при Институте археологии и этнографии НАН РА, в состав которой вошли археологи Нора Енгибарян (Институт археологии и этнографии НАН РА), Вардгес Сафарян (Арцахский государственный университет), архитектор Манушак Титанян и директор историко-краеведческого музея Шуши Ашот Арутюнян, провела обширные археологические раскопки в городе Шуши и его окрестностях.

Раскопки были осуществлены по инициативе фонда «Шуши» (председатель – Бакур Карапетян, исполнительный директор – Севак Арцруни) и при финансовой поддержке фонда «Жан Погосян и сыновья».

Как и предусматривалось, исследования велись в двух основных направлениях: раскопки древних захоронений, целью которых является создание серьезных научных основ в вопросе формирования армянского этноса на этой части гористой местности, и археологические раскопки средневековых памятников, имеющих

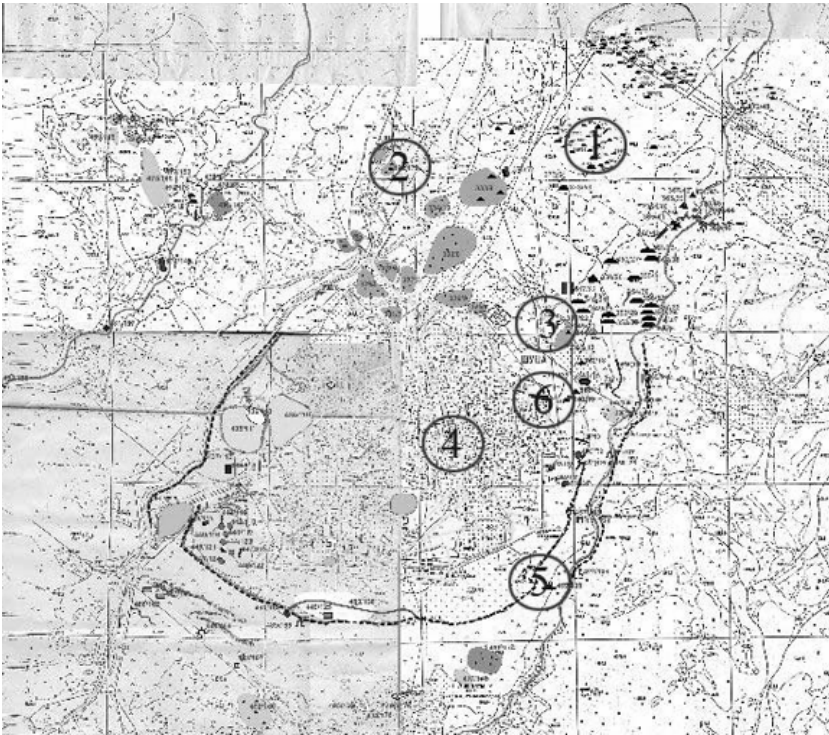

Рис. 1. Археологическая карта Шуши и окрестностей:
2005 г. Места раскопок взяты в кружки.

целью указать на заселенность Шушинского плато и присутствие армянской культуры еще до появления здесь Панаха. Третья, важная цель раскопок – создание заманчивых перспектив для развития культурного туризма. Можно резюмировать, что по всем направлениям достигнуты серьезные результаты.

РАСКОПКИ ЗАХОРОНЕНИЙ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Археологическая экспедиция 2005 года провела раскопки на двух курганах, примыкающих к Шуши с севера и северо-востока и насчитывающих более ста погребений. На северном кургане (где

расположена метеорологическая станция) с целью спасения было выбрано полуразрушенное погребение № 61, часть предметов которого еще до раскопок была перевезена в Шушинский историко-краеведческий музей. Погребение находилось на покато́м склоне, и насыпь из камней и земли сравнялась с камнями кромлеха. Оно было окружено кромлехом, состоящим из близко уложенных в два ряда камней разной величины (рис. 2).

Рис. 2. Погребение № 61, 7–6 вв. до н.э., общий вид

Во время расчистки погребения от насыпи из камней и земли были обнаружены обсидиановый клинок, железное копьё, серебряное украшение с орнаментом, бронзовый колокольчик и два браслета (рис. 3).

Рис. 3. Предметы из погребений №№ 61 и 175/1, 7–6-й и 10–8-й вв. до н. э.

Захоронение не было перекрыто плитой. При расчистке погребения от насыпавшихся внутрь камней и земли, в ее северо-восточном углу открылся нетронутый участок, где вперемешку лежали глиняные черепки и фрагменты костей (человеческих и животных). Во время расчистки погребения на разных уровнях были обнаружены несколько сот глиняных черепков, обсидиановый наконечник стрелы, бусы. Погребение имеет прямоугольную планировку (3.15×1.80×0.95 м) и представляет собой каменный могильник, стены которого выложены камнями средней величины и несколькими плитами. Южная часть восточной стены, и восточная часть северной стены отсутствуют. Основанием для могильника служила скала, а в земле, заполнившей ее естественные расщелины, были также обнаружены глиняные осколки.

Среди разнообразных глиняных изделий выделялись группы амфор, кувшинов, горшков и чаш.

Амфоры и горшки были украшены резьбой, наведенной лощением или волнистыми линиями, полученными вдавливанием, маленькими продольными бороздками, желобчатыми и косыми линиями, сетчатым узором, или подковообразными и в форме «пуговичных» дополнениями.

Среди глиняных изделий погребения внимание привлекают горлышки сосудов, часть которых заканчивается стилизованной формой головы животного (*рис. 4*). Был найден также фрагмент ручки с горлышком. Согласно предварительным оценкам погребение № 61 можно датировать 7–6 веками до н. э.

Второе вскрытое погребение (№ 175/1) находится в северо-восточном кургане, на склоне второго из трех холмов, расположенных по левую сторону дороги при въезде в Шуши из Степанакерта. Каменно-земляная насыпь окружена кромлехом, состоящим из камней средней величины, расположенных на равном расстоянии

друг от друга. В насыпи были обнаружены обсидиановый клинок, несколько черепков глиняного сосуда. Перекрытия у погребения отсутствовали. Погребение было покрыто мелкими камнями. Сама могила имеет прямоугольную форму (размеры 1.80×0.90×1.10 м) и выложена из камня, в ее северной половине на разных уровнях были найдены осколки коричневого сосуда с одной ручкой и кувшина. У южной стены на полу лежали плохо сохранившиеся осколки черного сосуда, рукоять посоха, браслет, бусы из сердолика.

Рис. 4. Горлышки сосудов с изображением зверей, погребение № 61, 7–6 вв. до н. э.

Из немногочисленных находок привлекает внимание рукоять посоха (*рис. 3, первый*). Он полый, цилиндрической формы, с полукруглой головкой. Украшен рядом продольных сквозных отверстий и ромбов шишкообразной формы. Эти предметы имели широкое распространение в начале I тыс. до н. э. Из найденных глиняных сосудов целым оказался только кувшин с одной ручкой, который имеет аналогии среди предметов могильных курганов 10–8 веков до н. э. в Сисиане и Теге. Этим периодом датируется и данное погребение.

По предварительному заключению о проведенном исследовании – в первой половине первого тысячелетия до н. э. в Сюнике и Арцахе существовала единая культурная общность.

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕГО И АРМЯНО-ГРЕЧЕСКОГО КЛАДБИЩ

Раскопки старой части так называемого армяно-греческого кладбища, примыкающего к восточной крепостной стене Шуши, показали, что в XII–XIII веках здесь находилось армянское кладбище (рис. 5), хачкары которого впоследствии, в середине XIX века,

Рис. 5. Фрагмент армяно-греческого кладбища после раскопок: 12–13 вв., вместе с хачкарами

были использованы для новых захоронений. Обнаруженные здесь пять хачкаров XII–XIII вв. свидетельствуют о том, что Шушинское плато было заселено армянами в эпоху расцвета Хаченского армянского княжества. Сейчас стоит очередная задача – найти то соответствующее поселение, которому принадлежали хачкары.

Представляют интерес также надгробные плиты, открывшиеся в результате расчистки части Древнего кладбища города. Одна из них датирована 1771 годом, и это, фактически, сегодня самая древняя надпись на армянском языке в Шуши – на территории внутри крепостной стены.

ОБНАРУЖЕНИЕ И РАСКОПКИ КРЕПОСТИ КАРКАР

Весьма примечательным оказались разведывательные археологические раскопки крепости в ущелье Унот возле укрепленной пещеры, называемой Авани каран. Во время расчистки верхней площадки вокруг открывшегося тоннеля и в земляном отвале было найдено множество образцов разнообразных предметов, относящихся к XII–XIV вв.

Особый интерес представляют наконечник стрелы монгольского типа и осколок китайского селадона, которые не только доказывают, что восточная сторона Шушинского плато – ущелье Унот, была заселена, но здесь еще и проходил торговый путь, для охраны которого князь Хачена создали эти укрепления. Эти новые данные дают основание разместить именно здесь упомянутую историками крепость Каркар, которая в конце XVII века, в период армянского освободительного движения была перестроена и получила название Авани или Малый Сигнах. По предварительному заключению, – не пришлые персы и турки, а армяне Мелик Шахназар и сотник Аван в начале XVIII века укрепили и перестроили построенные армянскими князьями важные цитадели.

ОБНАРУЖЕНИЕ И РАСКОПКИ ШОШСКОЙ ЦИТАДЕЛИ

В результате детального изучения Шушинской крепостной стены и соответствующей специализированной литературы нам удалось выяснить, что развалины одной из крепостей, находящихся на нынешней территории Шуши до строительства новой стены (50-ые годы XVIII века) совпадают с фрагментами крепостной стены у ворот Мхитарашена. И хотя предпринятые здесь широкомасштабные раскопки далеки от завершения (*рис. 6*), тем не менее, уже имеются серьезные данные, которые свидетельствуют о том, что этот участок, располагающийся с внутренней стороны крепостной стены, был заселен не позднее первого тысячелетия н. э.

Это очень серьезный факт, который позволяет положить конец азербайджанскому мифу о том, что Шушинское плато впервые было заселено при Панахе. Раскопки этого важного фрагмента стены будут продолжены и в будущем году, и мы надеемся, что в результате удастся фактографировать еще одно мощное армянское

Рис. 6. Шошская цитадель, общий вид раскопанного фрагмента.

сооружение доханского периода, на этот раз уже с внутренней стороны городских стен. Это кажется более перспективным и важным, так как оно находится почти напротив села Шош и всего в 250 метрах от кладбища с хачкарами. Может быть, посредством этой крепости станет возможным идентифицировать знаменитую Шошскую твердыню или цитадель, которая, по ряду мнений, дала название городу Шуши. Надеемся, что всеобъемлющее и детальное научное изучение результатов раскопок, к которому уже приступил научный персонал экспедиции, позволит сделать более обобщенные и глубокие выводы.

Обнаруженные в результате раскопок археологические материалы – разные предметы и сотни фрагментов предметов (особенно глиняных сосудов), временно перевезены в Ереван, отреставрированы и переданы историко-краеведческому музею Шуши.

Раскопки Шуши являются важнейшим этапом на большом пути исследования, восстановления, пропагандирования отечественной истории и культуры и применения его лучших традиций, и потому весьма желательно, чтобы они стали предметом государственного внимания и заботы.

УРОКИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА ШУШИ

М. А. САРКИСЯН, архитектор

Город Шуши расположен на высоком плато в самом центре Нагорного Карабаха в десяти километрах от современного города Степанакерта. Это плато, высотой около 1400 метров над уровнем моря, своими природными данными в свое время обладало большими стратегически важными характеристиками. С трех сторон оно окружено неприступными скалами и лишь с северной стороны имеет плавный спуск в долину.

Город-крепость Шуши имеет яркую индивидуальную историю, являющуюся результатом специфической роли, которую ему суждено было сыграть с момента своего основания и вплоть до наших дней.

В 1750-ых гг. владетель Варандинского сигнала мелик Шахназар для обеспечения обороноспособности Арцаха укрепил крепость Шуши и вошел в союз с предводителем одного из кочевых племен Панахом, обитающим в низменной зоне Карабаха.

* * *

Замки мелика Шахназара и Панаха были построены на довольно большом расстоянии друг от друга. Замок Панаха сохранился и поныне. Возведен он на восточной кромке Шущинского плато в самой нижней точке. Замок же мелика Шахназара, по описаниям¹, был построен в самом центре плато, на большой возвышенности (рядом с сохранившимся старым армянским кладбищем XVIII века). Развалины в XIX веке бытовали среди жителей под назва-

¹ См. Национальный архив Армении (НАА), ф. 227, оп. I, ед. хр. 248.

нием «Меликин тнер» (дома мелика). Армянское население устроилось в непосредственной близости – к северу от меликского замка. Соплеменники же Панаха расположились рядом с его замком в низменной части плато, на довольно большом расстоянии от армянского поселения. В северной – единственной уязвимой – части началось возведение новой крепостной стены с башнями. Эти постройки и определили характерную черту планировки будущего города, впоследствии имевшего два развитых сектора: армянский и мусульманский, разбитых на множество кварталов, каждый из которых принадлежал постепенно переселявшимся сюда жителям из далеких и близких поселений.

Следует сразу же отметить, что характерной чертой социальной структуры крепости-города было совмещение в едином социальном организме, с одной стороны, армян-ремесленников и торговцев, и с другой стороны – представителей переходящих на оседлость тюркских кочевых племен. Объединенные союзнической властью представители обеих сторон, естественно, должны были занимать строго определенные социальные ниши. Определенным образом, Шуши стал средоточием землевладельцев, в чьих руках оказались доходы от всей Карабахской провинции. Неимоверные богатства с одной стороны и высококвалифицированные ремесленники – с другой, вместе со стратегическим расположением города дали мощный толчок развитию.

Уже в начале двадцатых годов XIX столетия царские военнотружущие при описании города Шуши выделяли три квартала в городе: Газанчеоц (выходцев из Газанчи), Агулеоц (выходцев из Агулиса) и Тавризли. В двух первых имелось 208 армянских дымов, а в последнем – 202 дыма мусульман² (интересно отметить, что 40

² См. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) Грузии, ф. 2, оп. I, ед. хр. 1433, сс. 191–194.

из них являлись домами мусульманских помещиков и членов ханской фамилии).

Кроме постоянных жителей в этих трех кварталах постоянно пребывали жители провинции, общим числом около тысячи семей. Последние, очевидно, постепенно прерывали связи со своими бывшими местами проживания и в дальнейшем становились горожанами. Судя по другим описаниям, до конца тридцатых годов XIX столетия мало что изменилось в крепости. Утвердившийся здесь в 1805 году русский гарнизон заново отстроил крепостные стены. Уже с самого начала крепость имела трое ворот: северные – Елизаветпольские, западные – Эриваньские и восточные – Амарасские (Аг-огланские). На сохранившемся недатированном «плане города Шуши»³, составленном русскими военными инженерами, вероятно, в двадцатых-тридцатых годах XIX века, отчетливо видны крепостные стены с воротами и жилые кварталы. В центре плато прорисована возвышенность, где стояли замок мелика Шахназара и к северу от него – две церкви в окружении жилых кварталов. В восточной части прорисован мусульманский квартал, примыкающий к замку Панаха. Между армянскими и мусульманскими кварталами раскрывается свободное пространство, где построена мечеть (будущий Мейдан).

На данном плане уже ясно видны будущие основные магистрали города: магистраль, проходящая через квартал Агулецоц, от Елизаветпольских до Эриваньских ворот, и ответвление от нее в сторону мечети. На ответвлении в дальнейшем сложился один из торговых центров города – Татарский базар. От мечети к востоку прорисовывается другая улица, в конце которой находилась наиболее ранняя из площадей мусульманской части, так называемая

³ См. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) РФ, ф. Военно-ученый архив, ед. хр. 22830.

Землянская площадь. В северной части города, на возвышенности близ Елизаветпольских ворот, был сооружен комплекс судилища и ханская резиденция, обнесенная стеной с башнями.

Сравнение местоположения церквей с последующими генпланами города ясно показывает, что северо-восточная из церквей является церковью св. Богородицы в Агулисском квартале, а юго-западная – церковь св. Всеспасителя в квартале Газанчецоц. Южнее от этой церкви с востока на запад уже прорисовывается одна из центральных улиц, на пересечении которой с вышеуказанной магистралью впоследствии организовалась главная площадь армянского сектора города.

Кое-какое представление о характере застройки того времени можно получить из описания 1836 года: «Крепость, будучи защищена с трех сторон самою природою, совершенно неприступна; с четвертой же имеет искусственные укрепления... Городские строения расположены без малейшего порядка; улицы гористы и во многих местах пересекаются глубокими оврагами. Дома почти все каменные, покрытые большей частью тесом, однако же есть и небольшие землянки, называемые там дарбазами; кровли домов, против обыкновения азиатцев, не плоские, а со стропилами. Всех домов в крепости считается 1698. ...Крепость Шуши снабжается водою посредством водопровода, устроенного иждивениями одного из тамошних армян. Однако вода в водопроводе, а также в колодцах нездоровая. Поэтому берут для питья воду за Эриваньской заставой из ключа»⁴.

Следует остановиться на следующих аспектах: описанный период совпадает со временем радикальных перемен в представлениях о

⁴ «Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях», ч. 3. СПб., 1836, сс. 308–309.

жилище у армян Арцаха. В связи с этим подробнее представлен характер жилищ того периода. Остатки сохранившихся светских жилищ и их описания очевидцами не оставляют сомнения в том, что до начала XIX века богатое сословие Шуши строило себе

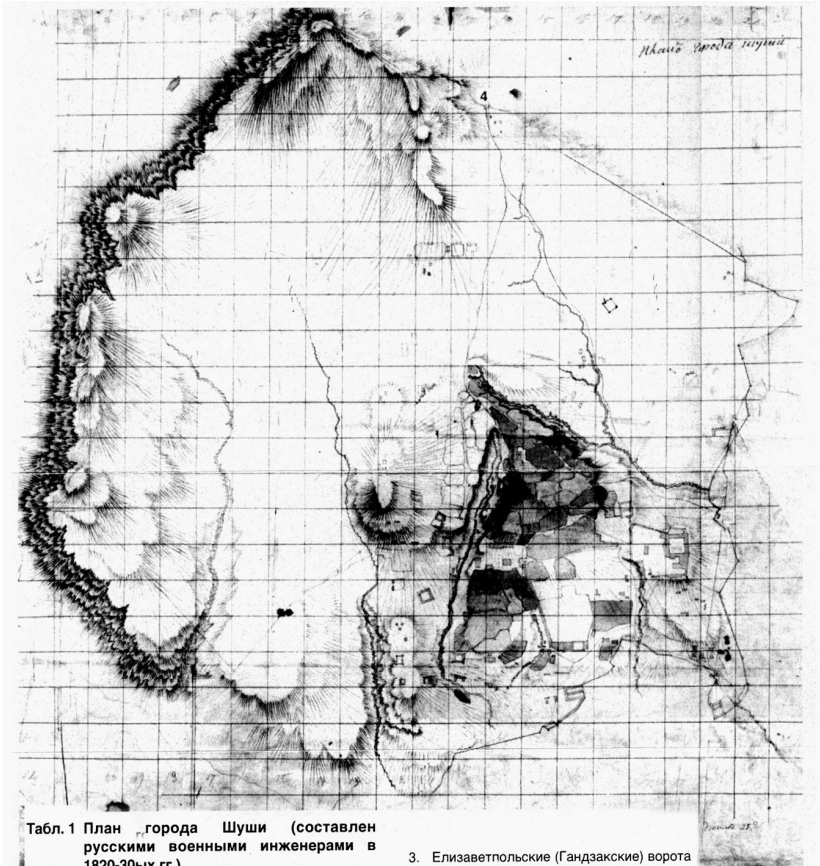

Табл. 1 План „города Шуши (составлен русскими военными инженерами в 1820-30ых гг.)

ЦГВИА СССР, Фонд ВУА, д. 22830, лист 1

Экспликация к плану:

1. Замок Мелик-Шахназара
2. Замок Панаха
3. Елизаветпольские (Гандзакские) ворота
4. Эриванские ворота
5. Церковь Газанчеоц
6. Церковь Агулеоц
7. Верхняя мечеть
8. Греко-российская церковь
9. Армянское кладбище XVIII века
10. Девичий монастырь
11. Замок Ибрагим-хана
12. Аг-Огланские ворота

дворцы-замки по примеру широко развитых в Арцахе дворцов армянских меликов⁵. Обычный же люд строил себе традиционные глхатуны – дома для больших семейных общин.

Вышеописанный период совпадает с периодом распада патриархальных армянских семей на малые семьи с появлением домов нового типа – отагов со сводчатым или плоским покрытием, с навесом и окнами со стороны навеса. Очевидец застал в Шуши именно период постепенного выживания глхатунов (в описании – дарбазы) и появления каменных домов нового типа. Появление же стропильных крыш вызвано воздействием построек европейского типа, возводимых в крепости русским гарнизоном.

Определенный интерес вызывает проблема жилища мусульман (в дореволюционной литературе называются татарами). Совершенно очевидно, что впервые переходящие на оседлый образ жизни татары должны были перенимать формы постоянного жилища у оседлых соседей, притом как светские, так и обычные формы. Знакомство с сохранившимися образцами⁶ светского жилища не оставляет никаких сомнений в вышеуказанном утверждении. Хотя татары не имели семейных общин, возможно, что наиболее зажиточные заказывали себе мастерам глхатуны, однако вряд ли эта форма жилища являлась для них доминирующей. Нижеприводимое описание 1851 года подтверждает сказанное: «Каменных домов в городе 1836 и несколько сот турлучных лачужек в мусульманской части города»⁷. Со временем татары также усвоили новую форму армянского жилища.

⁵ См. *Артак Гулян*. Меликские замки Арцаха и Сюника. Е., 2001, сс. 96–105 (на арм. яз.).

⁶ См. *А. М. Ализаде, В. А. Саркисов*. О некоторых архитектурных памятниках Шуши. Сборник «Памятники архитектуры Азербайджана», т. 2. Баку, 1950, с. 122.

⁷ «Кавказский календарь на 1852 год». Тифлис, 1851, с. 433.

Здесь считаем нужным сказать несколько слов о первых культовых постройках крепости. Опираясь на сохранившиеся описания можно предположить, что первые две армянские церкви были сооружены из дерева, или, по крайней мере, имели деревянные покрытия. Датой их строительства, вероятно, нужно считать время основания кварталов Агулецоц и Газанчецоц, т. е. 1752–1753 годы. Одновременно в мусульманской части была построена мечеть из камыша⁸. В дальнейшем на месте этих построек появились каменные. В 1816 году в северо-западной части крепости, в удалении от жилой застройки, был построен девичий монастырь св. Богородицы⁹. Он состоял из однефной базилики, колокольни (пристроенной позже), монастырских помещений и каменной ограды. На указанном «плане города Шуши» это место отмечено квадратом.

К концу сороковых годов, из общей площади Шушинского плато – 369 десятин, под застройку было занято двести десятин¹⁰.

Достоверно известно, что в 1838 году была построена Мегринская церковь Св. Богородицы¹¹. А это означает, что к этому времени в крепости обосновали еще один армянский квартал переселенцы из Мегри – квартал Мегрецоц. Расположен он на западном крутом склоне к югу от магистрали, ведущей из квартала Агулецоц к Эриваньским воротам.

В 1840 году на плоской возвышенности в северо-западном углу крепости образовался еще один обширный армянский квартал – Верин таг. История возникновения этого квартала представляет для нас особый интерес, на чем мы хотим остановиться подробнее.

⁸ См. Э. Авалов. Архитектура города Шуши и проблемы сохранения его исторического облика. Баку, 1977, с. 53.

⁹ См. *Епископ Мака́р Бархударя́нц*. Арцах. Перевод с армянского Нельсона Алексаняна. СПб., 2009, с. 132.

¹⁰ См. «Кавказский календарь на 1852 год», с. 432.

¹¹ См. *Епископ Мака́р Бархударя́нц*. Ук. соч. с. 130.

Сохранились сведения о том, что в 1840 году по особому распоряжению властей на территорию будущего Верин тага были переселены все армяне, проживавшие среди мусульман¹². Поскольку на месте их прежнего проживания имелась каменная церковь Св. Богородицы с деревянным покрытием, то этот факт говорит о существовании довольно компактного армянского квартала в нижней части крепости, заселенной, как известно, татарами. Так как в документе говорится, что армяне были переселены в силу притеснения со стороны мусульман¹³, становится ясным, что развитие мусульманского сектора, основанного в неудобном северо-восточном углу плато с резко пересеченным рельефом, происходило путем постоянного насильственного выживания армян с занятых ими территорий. Подобные замещения армянского населения татарами в пограничных кварталах наблюдались и позже, к чему мы еще вернемся. Этот факт говорит об имеющемся антагонизме среди жителей города. Из этого же документа выясняется, что после переселения на новом месте была построена деревянная часовня, которая простояла до 1848 года, пока вместо нее не была построена новая каменная церковь Св. Ованеса Мкртыча. Интересно, что долгое время в документах эта церковь обозначалась как Веринтагская церковь Св. Богородицы¹⁴ (в память о старой церкви в нижнем квартале). Это еще раз доказывает, что переселенцы обосновались именно на месте известного нам Верин тага.

Что можно сказать о других армянских кварталах в описываемый период? Достоверными свидетельствами об их возникновении автор пока не располагает, однако тот факт, что мегринцы к 1838 году обосновались не в непосредственной близости от кварталов

¹² См. НАА, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 2199, с. 1.

¹³ См. там же.

¹⁴ См. там же, ед. хр. 2914, с. 82.

Газанчецоц и Агулецоц, где расположены самые удобные и ровные участки города, а на крутом склоне, почти у самого края плато, как и веринтагцы разместились в далеком северо-западном углу на возвышенности, указывает на то, что ровный участок между вышеуказанными кварталами уже был застроен и здесь уже разместились другие жители. Из этого можно заключить, что к 1840 году в армянском секторе уже определилась большая часть исторических кварталов Шуши.

Что касается мусульманских кварталов, то они довольно подробно изучены исследователями¹⁵, и мы остановимся лишь на одном факте. Поскольку каждый мусульманский квартал имел свою квартальную мечеть¹⁶, то до начала пятидесятых годов XIX века в восточном мусульманском секторе существовало не более восьми окончательно сложившихся кварталов, ибо к этому времени здесь указывается наличие 9 мечетей¹⁷, из которых, по крайней мере, одна – соборная. Указанный выше квартал Тавризли, по мере насыщения населением, распался на отдельные кварталы, каждый из которых стал называться по имени осевшего здесь кочевого племени (например, Саатлы, Кюрдлар, Джухудлар) или по расположению на местности, как например, наиболее старый квартал Чухур (Яма) рядом с замком Панаха.

О том, каковым было благоустройство Шуши в описываемый период, свидетельствует «Кавказский календарь»: «Город построен неправильно, улицы кривы, местами весьма круты, и хотя в верхней армянской половине города большею частью вымощены, то чрезвычайно не ровны ... В нижней части города, населенной мусульма-

¹⁵ См. Э. Авалов. Ук. соч.; Ш. С. Фатуллаев. Градостроительство и архитектура Азербайджана XIX – начала XX века. Л., 1986.

¹⁶ См. Э. Авалов. Ук. соч., с. 69; Ш. С. Фатуллаев. Ук. соч., с. 100.

¹⁷ См. «Кавказский календарь на 1952 год», с. 435.

нами, служат для сообщения узкие переулки. Постройки в городе каменные... ..в городе, почти при каждом доме, есть фруктовые садики, зелень которых летом придает ему живописный вид... К главным недостаткам города относится совершенный недостаток хорошей воды, хотя редкий дом не имеет колодезей, но вода в них горько-соленая и непригодная для питья; хорошую воду доставляют в город на вьюках, в деревянных бакланах, из источников, находящихся в ущелье»¹⁸.

Таковой была крепость Шуши до того, как в 1846 году получила статус уездного города в составе Шемахинской губернии (уже в 1840 году Шуши был центром уезда со всеми административными атрибутами, созданного на основании Карабахской провинции). Отметим, что до 1823 года никакого контроля за отведением участков не существовало. Застройка велась хаотично. После указанной даты было принято решение отводить участки под застройку лишь с разрешения администрации города. Однако генплана город пока не имел.

В 1846 году командиром Грузинского инженерного округа генерал-майором Постельсом была составлена распланировка Шуши. Видимо, составленный генплан предполагал резкие изменения сложившейся структуры города (предполагалось снести до 700 домов) и поэтому осуществление его было бы связано с большими трудностями. В связи с этим тогдашний начальник Каспийской области (упраздненной в 1846 году) генерал-майор Врангель отверг его и предложил оставить Шуши в прежнем виде «...выровнять только существующие улицы от кривизны плетневых заборов с отчисткою их от ветхих и безобразных землянок»¹⁹.

Вскоре главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом пред-

¹⁸ Там же, с. 432.

¹⁹ ЦГИА Грузии, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 1915, сс. 1–2.

ложил составить новый план, на основе имеющейся в окружном инженерном управлении топосъемки. Была поставлена задача провести по городу три или четыре широкие улицы, расширив существующие, чтобы можно было проехать на экипажах.

Новый командир Грузинского инженерного округа полковник Ганзен 29 июля 1846 года представил план расширения этих улиц, который был одобрен главнокомандующим. Ганзен предложил расширить улицы до пяти саженей постепенно, по мере обветшания домов. В возвышенной – западной (в документе почему-то указано – южной) части города он предложил построить цитадель, где располагались бы войска – для усмирения граждан. Существующие в черте города два кладбища предполагалось закрыть для захоронений, а кладбища перенести за черту города. Для дальнейшего развития города Ганзен предложил отдать под застройку землю вне черты города. Все свободные от застройки места предполагалось застроить правильными кварталами²⁰.

Насколько удалось реализовать план Ганзена, может показать анализ последующих генпланов.

В проекте 1864 года²¹ реализовалось предложение Ганзена о постройке цитадели. Однако, видимо, была построена лишь казарма с прилегающими хозяйственными помещениями и немного южнее от нее – пороховой склад. Указанные строения отмечены уже на «Генеральном плане Шушинской крепости», датированном 1853 годом²².

Генплан 1853 года является наиболее обширным документом по истории градостроительства Шуши. Прежде чем поближе позна-

²⁰ См. там же, сс. 2–6.

²¹ См. ЦГВИА, ф. 349, оп. 44, ед. хр. 681.

²² См. ЦГВИА, ф. 344, оп. 44, ед. хр. 680.

комимся с ним, приведем некоторые статистические данные на 1855 год по данным Кавказского календаря²³.

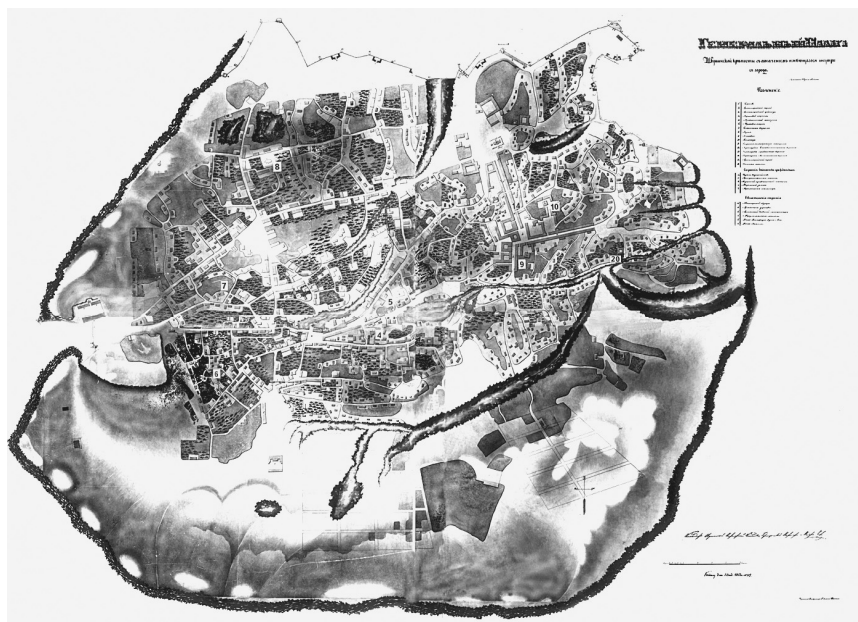
Население Шуши составляло в то время 15194 человек, из которых армян было 7761 человек и принадлежало им 1715 домов; татар насчитывалось 7391 человек – 1319 домов; русских – 42 человека, 6 домов. В городе занимались торговлей 713 армян и 301 татарин; ремеслами – 1318 армян и 545 татар. 758 человек составляли члены бывшей ханской фамилии, мусульманские беки, сеиды, муллы. Очевидно, что как и раньше, Шуши продолжал оставаться гнездом мусульманского иждивенчества. В городе было 16 государственных зданий, четыре караван-сарая, семь бань, учебных заведений государственных – три. Имелось семь площадей, 970 колодцев, пять армянских церквей (монастырь, в том числе), одна русская церковь, две соборные мечети.

На генплане 1853 года четко прорисовываются все семь основных площадей города. Основные магистрали соединяют указанные площади друг с другом и с Елизаветпольскими и Ереванскими воротами. К этому времени полностью застраивалась по обеим сторонам уже известная нам, одна из старых улиц, связывающая двое ворот и проходящая через квартал Агулецоц. К северу от этой улицы сложилась уже новая магистраль, ответвляющаяся от первой и кратчайшим путем связывающая указанные ворота, проходящая по южной границе Верин тага и через сложившийся вокруг Девичьего монастыря Ванкин таг. Западнее церкви Газанчецоц, на пересечении первой из магистралей с другими улицами, сложился общественно-торговый центр армянского сектора Шуши, называемый в простонародье Тохпана. К нему протягивается третья по счету широкая магистраль, идущая из Верин тага. На пересечении этой и второй магистралей образовалась широкая площадь.

²³ См. «Кавказский календарь на 1856 год». Тифлис, 1855, сс. 358–360.

Третья по счету площадь образовалась на месте ответвления первых двух указанных магистралей в северо-восточной стороне армянского сектора. Еще одна складывающаяся широкая площадь прослеживается в юго-западном углу армянского сектора. Это уже известные нам Мейдан – Земляная площадь и площадь при бывшем диван-хане. На этой площади была построена русская церковь, и она служила местом парадов и торжеств для русских войск. Улицы, соединяющие эти три площади, по обеим сторонам плотно застроены торговыми рядами, караван-сараями. Здесь сложился общественно-торговый центр мусульманской части – Татарский базар. На месте пересечения этих двух рядов сооружена одна из соборных мечетей города.

Особенностью планировочной структуры является ярко выраженное деление города на две самостоятельные части. Прямые связи широкими уличными магистралями между общественно-торговыми центрами обеих частей практически отсутствуют. Следует еще прояснить, насколько единой была общественная жизнь и вообще социальная структура города, каковы были производственные и конъюнктурные отношения между армянами и татарами, но становится ясно одно, что армянский сектор и территориально, и по своему общественно-экономическому значению в середине прошлого столетия был доминантным ядром Шуши. И это вполне естественно, ибо в условиях отсутствия тирании ханов и зарождения капиталистических отношений присущие армянам тысячелетние традиции городской культуры сыграли определяющее значение по сравнению с аморфной еще культурой совсем недавно перешедших на оседлость татар-скотоводов. Немаловажную роль сыграл и приток новых поселенцев из окружавших Шуши, заселенных исключительно армянским населением Джраберда, Дизака, Варанды и других местностей Арцаха.

Дальнейший период – вплоть до 1890-ых годов – характеризуется невиданным подъемом в экономической и культурной жизни Шуши. Армянский сектор становится средоточием крупных общественных, зрелищных и учебных зданий. К середине прошлого века уже полностью сформировалась и утвердилась новая форма двух-трехэтажных жилых домов, которые, несмотря на свой европейский характер, имеют генетическую связь с ранними формами армянского жилища. С широкими балконами, комнатами с большими окнами и выходами непосредственно на балкон, скатными черепичными кровлями, высокими лестницами с ажурными перилами, с широкими арочными воротами – эти дома стали символами новой архитектурной среды во всем Арцахе. Поселения Бананц, Гадрут, Шуши, Геташен и другие становятся воплощением новой архитектуры.

Все дома имели свои отдельные участки с садом, окруженные высоким каменным забором. Выходящие на центральные улицы дома возводились с изящными фасадами с применением чистотесанного белого камня и элементов средневековой армянской архитектуры. Архитектура фасадов шушинских улиц имела свой собственный стиль, нисколько не заразившись модным тогда псевдоклассицизмом.

Еще в 1852 году в Шуши была учреждена особая строительная комиссия²⁴, которая контролировала застройку города. В начальный период на должность городского архитектора, судя по архивным данным²⁵, назначались инженеры из числа военных. Позднее эту должность стали занимать местные архитекторы-армяне. Для строительства жилых домов в Шуши существовали общества вроде кооперативных товариществ по строительству домов. Нужно отметить, что жилые дома принадлежали частным владельцам и часть из них сдавалась.

Мы уже отмечали, что нехватка питьевой воды была главным недостатком города. В 1896 году один из знатных горожан Татевос Тамирянц провел в город водопроводную линию длиной 18 км. В западной возвышенной части был сооружен резервуар, а на улицах города в обоих секторах было построено более 20 каменных водоразборных сооружений²⁶. Проблема воды была, наконец, решена. К концу века в армянском секторе существовала разветвленная цепь подземной канализации, магистральные линии которой проходили через мусульманский сектор города по открытым каналам и уходили в ущелье.

²⁴ См. Ш. С. Фатуллаев. Ук. соч., с. 680.

²⁵ См. ЦГИА Грузии, ф. 5, оп. 1, ед. хр. 894.

²⁶ См. «Кавказ», 1896 г., № 249.

Население города усиленно росло и по переписи 1897 года составляло 25881 человек, из них армян – 14345 чел. (55,3 %), татар – 10809 чел. (41,7 %), русских – 2 734 человек (3%). Территория города усиленно росла в основном за счет Западной армянской части, что отражается и в национальной структуре города. Число домов в конце 80-х годов достигло 5779²⁷. К этому времени в армянском секторе, занимающем около 65 процентов территории города, сложилось восемнадцать кварталов. Названия многих кварталов приводятся в архивных трудах известного общественного деятеля Хачика Дадьяна. Кварталы назывались или по принадлежности обосновавших его поселенцев, или по размещению на территории. Вот их названия: Меликанц таг, Гумлуге таг, Каму агацц таг (квартал ветряной мельницы), Джрабердоц таг, Неркин таг, Агабеки-дзорин-таг, Агулецоц таг, Газанчецоц таг, Мегрецоц таг, Гявур-галин-таг, Хин ангстаранин таг, Даразнерин дзор, Баганц огери-таг, Инчин таг²⁸.

Уточним местоположение некоторых из кварталов: Джрабердоц таг являлся сердцем Западного квартала, средоточием почти всех крупных административных зданий. Ветряная мельница находилась на крайнем северо-западе Шушинского плато и очевидно, что Каму агацц таг находился в непосредственной близости от него. Казармин таг является крайним западным кварталом, в районе расположения войск. Меликанц таг и Хин ангстаранин таг располагались к югу от квартала. Газанчецоц – в районе известного нам старого кладбища и дворца мелика Шахназара. Кроме указанных кварталов, в Шуши позднее появились и некоторые другие, в том числе Сарен таг в крайнем юго-западном углу, на крутой возвышенности.

²⁷ См. НАА, ф. 319, оп. 1, ед. хр. 1, с. 52.

²⁸ См. там же.

Площадь Топхана стала средоточием общественной жизни города. В центре стоял красивый водяной киоск и рядом с ним общественные весы. По периметру были сооружены торговые ряды. Такими же рядами по обеим сторонам была застроена магистраль, ведущая от площади к кварталу Агулецоц. В районе Топханы находились городские клубы.

В 1891 году Н. Хандамирянц рядом с церковью Газанчецоц построил театр. В 1902 году была построена городская больница Джамгаряна, в 1905 году – здание Реального училища. В этот же период было сооружено здание женской гимназии Мариамян и другие сооружения. Большинство сооружений строилось по проектам известных тогда архитекторов-шушинцев Симона Тер-Акопяна, Маргаре Карагезьянца, Арменака Гондазесьяна и др.

Армянская часть населения свои захоронения производила на Верхнем кладбище за Эриваньскими воротами и на Нижнем кладбище за крепостной стеной, в северо-западном углу плато. Здесь до сих пор сохранились семейные склепы многих видных шушинских фамилий.

В это же время в Восточном секторе сложилось семнадцать кварталов, хотя территория его застройки почти не выросла. На участке между Елизаветпольскими воротами и бывшей ханской резиденцией еще в 1859 году был разбит бульвар в 100 саженей в длину и 20 саженей в ширину²⁹.

В 1876 году закончилось строительство дороги Шуши – Горис длиной 89,5 верст. Дорога эта, связывая напрямую восточное Закавказье с Нахичеванью и Эриванью, еще более повысила стратегическое значение города.

Однако в конце века все разраставшийся Баку со своими нефте-

²⁹ См. ЦГИА Грузии, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 2254, с. 3.

носными скважинами начал затмевать славу Шуши. Многие богатые предприниматели покидали город и перебирались в Баку. Шуши, оторванный от магистральных железных дорог, начал быстро терять свое былое значение в Закавказье.

На всем протяжении XIX века, параллельно с развитием и установлением новых форм архитектуры жилища и гражданских сооружений, шло интенсивное строительство и реконструкция объектов культа.

Сразу же отметим, что с 1830 года Шуши стал центром Карабахской Армянской консистории, перенесенной сюда из монастыря Гандзасар. Тогдашний Митрополит Багдасар построил на церковные средства здание консистории³⁰ в Джрабердоц таге³¹, в самом центре Западного сектора. Позднее, в 1872 году, архиепископ Саргис Асан-Джалалянц пристроил к восточной части этого здания трехэтажное здание Духовной семинарии³² (позже это здание стало женской гимназией). В 1884 г. шушинские граждане Б. Бегларянц и А. Урбелян запланировали построить новую церковь на участке двора консистории³³, но церковь так и не была построена. При консистории была основана армянская типография.

Как мы уже указывали, первые построенные в Шуши церкви были деревянными. В 1822 году на месте деревянной была возведена из камня церковь Св. Богородицы в квартале Агулецоц, которая стала соборной церковью города. Судя по обмеру плана и описанию, это была трехнефная базилика с четырьмя внутренними опорами и двухъярусными приделами по обеим сторонам апсиды и имела размеры в плане 28,90x17,50 метров. Возведена была из грубо

³⁰ См. НАА, ф. 56, оп. 1, ед. хр. 10928, с. 1.

³¹ См. там же, ед. хр. 7861, с. 1.

³² См. там же, ед. хр. 10928, с. 1.

³³ См. там же, ед. хр. 7861, с. 1.

отесанного бутового камня и заштукатурена. Кровля, видимо, была из теса. Церковь имела три входа, при двух из которых – южной и северной – были устроены притворы. В 1889 году Агулисская церковь была капитально отреконструирована. Было решено возвести над ней деревянный барабан и купол³⁴, а крышу покрыть кровельным железом³⁵. Сведений о времени строительства двух колоколен над западным и восточным щипцами (по описаниям и фотографиям) не обнаружено. В окончательном виде церковь представляла купольную базилику с двумя колокольнями по торцам крыши. Своды центрального нефа конструктивно были близки к крестовым сводам. Средства на реконструкцию выделил шушинец М. Патваканян.

Стоит отметить, что приведенный нами чертеж плана, составленный по обмерам О. Х. Халпахчяна, является крайне схематичным, поскольку обмеры были сделаны обобщенно. В первую очередь, разнятся габаритные размеры церкви, указанные в приведенных источниках. Кроме того, не совсем ясны размеры стен, поскольку в процессе реставрации они были значительно утолщены. Такая реконструкция создала проблемы с функционированием оконных проемов, достаточного представления о которых мы не можем получить из обмеров и описаний.

Примечательна история церкви св. Всеспасителя в Газанчеоц таге. Все имеющиеся выводы были сделаны на базе архивного свода материалов³⁶.

Дата возведения каменной церкви Газанчеоц на месте деревянной не известна. Но к 1847 году эта каменная церковь уже была в аварийном состоянии. Описания и обрывочные данные позволяют

³⁴ См. там же, ед. хр. 8413.

³⁵ См. там же, ед. хр. 8345.

³⁶ См. там же, ед. хр. 2145.

в общих чертах восстановить тип этой церкви. Это была трехнефная купольная базилика, покрытая каменными плитами или черепицей. По периметру кровли имелся карниз. Внутреннее пространство было отштукатурено.

Начатая в 1847 году переписка митрополита Багдасара с Эчмиадзинским Синодом с просьбой о разрешении отреставрировать церковь через долгих 4 года привела к идее о строительстве новой церкви на месте бывшей. Однако после этого дело затянулось на долгие годы. Еще в 1844 году шушинцами Ованесом и Абраамом Ерамишьянцами было начато строительство колокольни церкви Газанчеоц. Эта трехъярусная колокольня с фигурами ангелов, строящаяся полтора десятилетия и завершенная в 1858 году, сохранилась и поныне. Дело о строительстве новой церкви вновь было поднято в 1867 году. Был заказан проект. Прихожане и духовенство изъявили желание, чтобы церковь была построена по образцу средневекового кафедрального собора в Ани, однако представленный проект имел другую композицию. Это была четырехстолпная композиция с куполом. Алтарь выделялся наружу полукругом и не имел окон. С боковых сторон имелись открытые паперти. При утверждении вышестоящей инспекцией был сделан ряд замечаний, в частности, было предложено сделать боковые паперти крытыми и расположить углы их на одной линии с пилонами. Еще долго пришлось дорабатывать проект, пока в 1870 году он был окончательно утвержден.

Отсутствие графических документов не позволяет выяснить, насколько построенный собор соответствовал проектным предложениям. Так или иначе собор был построен в 1886 году, т. е. возводился 16 лет. В конечном виде комплекс собора Газанчеоц с колокольней стал главной архитектурной доминантой города (высота собора более 37 м). С историей основания Верин-тагской церкви Св. Ованеса Мкртыча (Иоанна Крестителя) мы уже знако-

мы (церковь сохранилась и поныне). В 1840 году на ее месте, как уже упоминалось, была сооружена деревянная часовня. В 1848 году шушинцами братьями О. и Б. Онановыми было начато строительство на ее месте новой каменной церкви³⁷. В память оставленной жителями Верин тага в мусульманском квартале церкви, эта церковь поначалу называлась церковью Св. Богородицы. Однако уже в строительной надписи указано новое название – Ованеса Мкртчича. Новое здание было построено с применением чистотесанного камня и с металлической кровлей. Нехарактерный для армянской архитектуры шаровидный купол был навешан, видимо, вкусами тогдашних русских военных инженеров. Церковь имела открытый двор-притвор. Позднее здесь было построено здание церковно-приходской школы. Очевидно, что оставленная в 1840 году в мусульманском квартале церковь Св. Богородицы с деревянным покрытием в дальнейшем была снесена.

О церкви Св. Богородицы в квартале Мегрецоц можно составить представление по обмеру плана и сохранившейся поныне апсиде с приделами. Это была четырехстолпной базиликой с низкими сводами, построенная из бутового камня. Из чертежа видно, что при ней существовала колокольня. Сведения о церкви Св. Богородицы в квартале Мегрецоц можно получить также из упомянутой книги М. Бархударянца и по некоторым архивным фотографиям.

Церковь Девичьего монастыря, судя по плану и фотографиям, представляла собой однефную базилику со сводчатыми приделами по сторонам апсиды. Возведена была из бутового камня и внутри оштукатурена. Намного позднее с южной стороны к ней была пристроена колокольня из чистотесаного камня.

Постройки мусульманского культа изучены азербайджанскими

³⁷ См. там же, ед. хр. 2199.

исследователями³⁸. Считаем целесообразным остановиться на проявлении уже указанной нами закономерности. Архитектура квартальных мечетей прямо восходит к шушинским жилым домам. И в этом смысле они являются локальным явлением. Архитектура жилых домов мусульманского сектора Шуши, как и весь облик застройки этого сектора, не имел принципиальных различий с архитектурой Западного сектора. По всему городу наблюдаются единые объемно-планировочные и декоративные решения зданий. Эту закономерность указывали почти все старые и новые исследователи. И это вполне естественно. Не имеющие еще собственных архитектурно-строительных навыков татары заказывали себе жилье и общественные постройки армянским мастерам (которые, кстати, были монопольными строителями во всем Закавказье) и архитекторам, полностью соглашаясь с их вкусами и навыками. Таким образом, появлялись здания мусульманского культа с обликами армянских жилых домов и во вкусе армянской архитектуры. Аналогии можно наблюдать и по всему Низменному Карабаху, где сохранились еще образцы первых мечетей переходивших на оседлость татар в XIX веке, которые даже неисклю-чительно взгляду сразу же напоминают армянские однефные церкви, но только с другой ориентацией и без абсид, возведенных в той же строительной технике и с теми же архитектурными деталями. Массовое перенятие форм жилища и традиционных конструкций и декора армянской архитектуры со стороны переходящих на оседлость кочевников-скотоводов наблюдалось вплоть до установления Советской власти и даже позднее³⁹.

Однако к концу XIX века богачи-мусульмане старались, видимо, внести в облик своих домов и общественных зданий некоторые

³⁸ См. Э. Авалов. Ук. соч., сс. 53, 76–79.

³⁹ См. А. С. Вартанесов. Очерк жилищ и строительных кадров Нагорного Карабаха. «Труды Азерб. филиала АН СССР», т. 25, Историческая серия. Баку, 1936, сс. 117–118.

элементы мусульманской архитектуры, и тогда уже появились сооружения, являющиеся, в некотором роде, синтезом традиционных форм армянской архитектуры с вкраплениями в виде колонн и банальных росписей. Нельзя сказать, что указанные совмещения являются гармоничными, но они представляют начало формирования собственных эстетических вкусов у первых представителей зарождавшейся татарской буржуазии. И примечательно то, что первые архитекторы-мусульмане в своем творчестве исходили из принципов и художественных приемов армянской архитектуры.

Вернемся к началу XX века, когда Шуши все еще оставался одним из крупнейших торгово-экономических и культурных центров Закавказья. Будучи одним из уездных городов Елизаветпольской губернии (основана в 1868 году), Шуши в это время стал торгово-снабженческим центром всего Арцаха и Зангезура. В городе находилось восемьсот торговых заведений. Население достигло 33 187 человек⁴⁰.

Однако устроенная царским правительством резня армян в Закавказье в 1905–1907 годах явилась сильным ударом по дальнейшей судьбе Шуши. Вследствие этих событий, начиная с августа 1905 года, по одному из свидетельств: «...город дважды подвергся столь значительным разгромам, что в настоящее время лучшая часть города в развалинах, численность населения уменьшилась более, чем наполовину... В армянской, самой торговой части, выгорело и разрушено до основания 300 каменных домов, в татарской – до 80 домов... по сведениям Городской управы, число жителей упало до 18000 душ, а к началу текущего (1907 – С. М.) года – даже до 16500 душ ...»⁴¹. Были сожжены общественно-торговый центр Армянского сектора, театр⁴² и многие другие общественные здания.

⁴⁰ См. НАА, ф. 113, оп. 3, № 159, с. 2.

⁴¹ См. там же, сс. 2–3.

⁴² См. там же, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 248.

Мусульмане быстро восстановили свои пострадавшие дома. В армянской же части восстановился лишь общественно-торговый центр, а большинство жилых домов лежали в развалинах. Кроме того, армяне пограничных с мусульманскими кварталов начали продавать свои дома мусульманам, вследствие чего в 1910 году армянское население было вытеснено из квартала Агулецоц и восточной части квартала Газанчецоц⁴³. Таким образом, тенденция расширения мусульманского квартала за счет армянского, наблюдавшаяся еще в 1840-ые годы, сохранилась и в XX веке приведя к полному вытеснению армян с Шушинского плато в 1988 году.

Тем не менее население города в начале XX в., не только восстановилось, но и резко выросло. В 1916 году оно уже составляло 43869 человек, их которых армяне составляли 21926 человек, татары – 18641 человек, русские – 1249 человек, остальные – прочих вероисповеданий⁴⁴.

Падение царизма и последовавшие за ним войны в Закавказье поставили точку этому последнему расцвету Шуши. В ночь с 22 по 23 марта 1920 г. мусаватистские банды во главе с генералом Хосров-беком Султановым начали массовую резню армян в Шуши. Армянский сектор был весь сожжен до тла. Бегством удалось спастись 6 тысячам армянам. Еще 3 тысячи попали в плен, но все были вырезаны. Судьба остальных нам неизвестна, но многие были убиты и заживо сгорели в домах. В 1921 году в Шуши осталось всего 9223 человека. В 1923 году – 6976 человек⁴⁵, а в 1925 году – 5000 человек. До конца двадцатых годов население уменьшилось до 3000 человек.

⁴³ См. там же, с. 2.

⁴⁴ См. «Кавказский календарь на 1917 год». Тифлис, 1916, сс. 191–193.

⁴⁵ См. «Большая Советская Энциклопедия», т. 1. М., 1926, с. 642.

В первые годы установления советской власти вынашивались планы по восстановлению города Шуши на государственном уровне⁴⁶. Но восстановления не произошло, а с начала 1960-ых годов начался снос остатков армянского сектора. Среди прочих сооружений в этот период были снесены и три армянские церкви, а также здание русской церкви. Большая часть освобожденной от развалин территории была застроена новыми зданиями. Однако среди новой застройки и поныне вкраплены отдельные сохранившиеся жилые дома и общественные сооружения, дающие представление о высоком уровне строительной техники и архитектурной мысли того времени.

⁴⁶ См. Государственный архив НКР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6, л. 3.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО И ПЕРИОДИКА В ШУШИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ АРМЯНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И НАУЧНОЙ МЫСЛИ

*М. А. АРУТЮНЯН, кандидат исторических наук, доцент,
руководитель научного центра «Качар»*

Обобщение истории издательского дела и печати в городе Шуши и актуальность переосмысления 195-летнего содержательного процесса исходят из важности и большего значения издательского дела, средств массовой информации и, вообще, информации в наш век. Это исследование может иметь познавательное и практико-прикладное значение. Факт, что армянское книгопечатание в Шуши имеет 195-летнюю давность, говорит сам за себя и может служить серьезным доводом для прояснения международному сообществу сути конфликта Азербайджан – НКР.

Истоки и развитие книгоиздательства и периодической печати Арцаха неразрывно связано с Шуши, который в XIX веке стал одним из крупнейших торговых, ремесленных и культурных центров Закавказья. В сложной военно-политической обстановке Шуши почти целый век являлся театром военных действий. Фактически, в течение всего XVIII века находясь в эпицентре военных действий, Шуши не имел возможностей для культурной деятельности. Ситуация сразу изменилась, когда в 1822 году было ликвидировано ханское правление, которое в период своего кратковременного существования мешало прогрессу Карабаха. Благодаря своему географическому местоположению и репутации неприступной крепости города, Шуши играл ведущую роль в общественно-политической

и духовно-культурной жизни армянства Закавказья. Бурный подъем образовательно-культурной жизни города-крепости Шуши привел к тому, что он стал одним из крупных культурных центров всего Кавказского региона.

Не случайно, что беспрецедентный культурный расцвет Шуши начался со сферы образования. До 1920 года в Шуши функционировало 10 образовательных центров, слава о многих из которых дошла и до границы. В начале XIX века в Шуши преподавало много знаменательных лиц того времени. Усилиями Митрополита Багдасара основанная в 1838 году в Шуши армянская епархиальная школа имела свой архив, а также типографию и библиотеку (1869 г.).

Стоявшие у истоков бурного культурного подъема Шуши книгопечатание и издательское дело стимулировали возникновение периодической печати.

Временное отсутствие армянской государственности, нахождение за рубежом торгового капитала и новоявленной армянской буржуазии обусловили начало армянского книгопечатания вдали от родины, в Венеции (1512 г.), затем распространение в местах с многочисленным армянским населением (Мадрас, Калькутта, Вена, Константинополь, Смирна и т. д.). Как известно, после долгих мытарств армянское книгопечатание в 1771 году дошло до Эчмиадзина. Следовательно, Шуши – этот важнейший очаг армянского печатания в самой Армении по очередности был вторым, после Эчмиадзина, а во всем Закавказье – третьим, после Тифлиса (1823 г.). Первая книга с Месроповскими буквами под названием «История Святых писем» была издана в Шуши в 1828 году, в первой типографии, открытой годом раньше швейцарскими миссионерами.

Они привезли с собой в Шуши свежееизготовленные литеры, типографские устройства, печатника и начали издавать пропагандистские книги

и брошюры, которые по низким ценам распространяли среди читателей.

В первый период вышедшие в свет книги в основном были переводами церковного, религиозного и дидактического характера.

В книгах моралистического характера можно было найти полезные идеи и советы, оказывавшие благотворное влияние на воспитание людей.

Известный языковед Г. Севак высоко оценил вклад миссионеров в становление книгопечатания в Шуши. «...В Шуши базельские миссионеры Дитрих и Заремба предприняли издание миссионерской литературы на таком новоармянском языке (ашхарабаре), который по своей чистоте и простоте превосходил язык всех книг, изданных не только до 30-ых, но и до 60-ых гг. В этих книгах нашел свое отражение разговорный ашхарабар 20-ых гг. XIX века»¹.

Вне всяких сомнений, изданные в Шуши в 1832–1835 гг. книги внесли существенный вклад не только в разработку и отшлифовку восточноармянского языка, но и сделали литературный язык более понятным и доступным. Тем более, что в научно-учебной литературе, изданной в Шуши, значительный удельный вес имели наставления и пособия родной речи и словари. В изданной в Шуши в 1829 г. книге вардапета Погоса «Краткое изложение армянской грамматики» определены падежи армянского, части речи, в особенности подробно представлены спряжения и роды глаголов и их свойства.

Можно считать феноменом книгу вардапета Овсепя Арцахеци «Краткий словарь с древнеармянского на новоармянский. Для учеников», изданную в 1830 году, в которой приведены толко-

¹ Г. Севак. Курс современного армянского языка, Ер., 1955, с. 60 (на арм. яз.).

вания древнеармянских слов на новоармянском, а также виды склонения и другие морфологические свойства слов, что, несомненно, положительно влияло на изучение армянского. Число армянских книг, изданных в том же году протестантами, достигло 11679 экземпляров, а на других языках было издано гораздо меньше: на персидском – 728, турецком – 147, иврите – 100 экземпляров². Это свидетельствует о том, что миссионеры наибольшее внимание уделяли основному и преобладающему населению Арцаха.

В 1830-ых гг. типографию купил предводитель Карабахской епархии Митрополит Багдасар и переименовал ее в «Типографию Армянской духовной инспекции».

Хотя Багдасар Асан-Джалалян не получил систематического образования, но был апологетом распространения просвещения, образования и знаний. Он отправил довольно крупную сумму в конгрегацию Мхитаристов в Венеции, заказав по одному экземпляру всех их изданий, и основал богатую библиотеку при Духовной школе Шуши, где собрал также хранимые в арцахских храмах рукописные книги – с намерением печатать и распространять их. По инициативе Митрополита в типографии печатались научно-учебные книги, посвященные арменоведению. Самым значительным из них можно считать исследование Микаэла Чамчяна «Грамматика армянского языка», которое, фактически, является ценным учебным пособием по определению лексической структуры, падежей и частей речи армянского языка с соответствующими примерами.

В 1837 г. в этой типографии был издан «Шильонский узник» Байрона в переводе М. Зограбяна.

В 1830–1850-ых годах вышли в свет ценный исторический труд Есаи Асана-Джалаляна под названием «История, или Память о

² Р. Гаспарян. Город Шуши. Ер., изд. АН РА, 1993, с. 87 (на арм. яз.).

событиях в стране Агванк, кратко изложенная Католикосом Агванка Есаи Асан-Джалаляном в год армянский 1160, а с года Господа нашего Спасителя Иисуса 1711» (Шуши, 1839 г.), «Престол, который называется Маштоц», «Тетрадь алфавитная», «Религиоведение», «Краткая малая грамматика армянского языка грабар» и другие книги.

После кончины Митрополита Багдасара в 1854 г. епископ Геворг Вегапетян попытался собрать средства для издания обширной грамматики М. Чамчяна, однако был вынужден дело завершить за свой счет (1859 г.). Его же усилиями благодатель Ованес Ованесян, проживавший в Москве, даровал Шушинской типографии ручную печать и армянские буквы.

В 1860-ых годах в той же типографии вышла в свет работа Перча Прошяна «Открытие Святой Марии богоматери девичьего училища Карабаха», а также в его же переводе трактаты К. Езяна «Внутриполитическая жизнь Древней Армении», О. Терчиманяна «Краткая история армянства» и другие.

В 1864 г. типография переходит в распоряжение армянской Епархиальной духовной школы Карабаха. Школа являлась тем основным очагом просвещения, целью которого было образование и воспитание подрастающего поколения. Прогрессивные учителя школы были озабочены и развитием печатного слова, что дало бы возможность армянским ученикам читать на родном языке необходимую литературу, иметь представление об истории национальной духовной культуры, изучать языки, знакомиться с достижениями всемирной науки. Преданные издательскому делу люди возродили типографию армянской Епархиальной духовной школы, упорядочили ее работу, не только приобрели литеры и типографские принадлежности, но и решили вопрос наборщика и печатника. Сначала в типографии печатались брошюры учебного

характера, а начиная с 1865 г. – благодаря заинтересованному сотрудничеству учителей и серьезные исследования. В 1866 г. в свет вышла работа «Краткая история Армении», востребованная учениками в качестве учебного пособия.

В 1870–1872 гг. в типографии были изданы религиозный труд архиепископа Саргиса Асана-Джалаляна, «Евангелие» и другие, в основном литературные произведения, главным образом – стихи. Некоторые представители интеллигенции предпринимали шаги по созданию периодических изданий, справедливо полагая, что без газеты или журнала на родном языке трудно быть информированным, а следовательно, и идейно развиваться. Тем не менее эта задача получила решение, хотя и Комитет по делам печати Кавказского наместничества всячески препятствовал этому.

Наряду с оживлением школьной жизни возросла потребность в оснащенных современной техникой типографиях, отвечающих быстро растущему спросу на многотиражные учебные пособия, художественную и иную литературу на родном языке, а также развитию общественной и научной мысли, что стимулировало совершенствование и расширение печатного дела. Однако в условиях царского колониализма, это происходило на уровне частных инициатив. Одним из таких инициаторов был вернувшийся из ссылки Мирзаджан Махтеси-Акопян, который основал типографию в специальном здании при своем доме.

В 1881 году в Шуши открылась «Типография Мирзаджана Магтеси Акобяна», которая за 25 лет своего существования издала большое количество художественной и исторической литературы, школьных пособий и учебников, газет и журналов. Впервые отдельными книгами были изданы такие ценные творения, как «Хент» («Безумец») Раффи, «Роман или история?», «Ваган Мамиконян», «Мои памятные даты» Лео, «Древнее армянское нотное искусство» А. Ба-

гатряна. Из переводной литературы достойны упоминания «Шахнаме» Фирдуси (1893 г.), произведения А. Доде, Д. Дрэпера и других.

Достойна внимания издательская контора, открытая в 1879 г. в Шуши Т. Назаряном. Он издал «Кнар хоснак» Н. Тер-Аветикяна, а в собственном переводе выпустил в свет рассказ «Из дневника познанского учителя» Г. Сенкевича, причем это был первый перевод на армянский замечательного польского писателя. Т. Назарян напечатал две новеллы А. Доде, бытовую сатиру К. Мелик-Шахназаряна «Кухонные занятия шушинских женщин», а также сказки гениального датского сказочника Андерсена «Соловей» и «Принцесса и свинопас».

Ограниченная литературная среда Шуши не могла обеспечить плодотворную деятельность издательской конторы. С целью выхода из создавшегося тупика Т. Назарян обратился к новосозданному «Тифлисскому товариществу по изданию армянских книг» с просьбой направить ему помощь в виде рукописей, принятых или отклоненных товариществом.

Однако намерение развернуть издательское дело в родном городе не увенчалась успехом. С одной стороны – нехватка материалов, с другой – репрессии царского цензурного управления по отношению к издателю журнала «Горц», дяде Назаряна Симеону Ахумяну, заставили его в 1882 г. перебраться в Тифлис для продолжения дела по изданию книг по более широкой программе. Однако и здесь Т. Назарян не сумел реализовать свои намерения, поскольку в те дни еще более ужесточились законы цензуры³.

После 1905 года в Шуши действовали типографии Баграта Тер-Саакяна и Мелкона Бабаджаняна, деятельность которых прерва-

³ См. В. М. Варданян. Из истории армянского книгоиздательства. Е., 1987, сс. 18–19 (на арм. яз.).

лась 23 марта 1920 года во время варварского разгрома Шуши. Таким образом, в 1820–1920 гг. в Шуши функционировали пять типографий. За этот период было издано более 180 наименований книг. Развившемуся в Шуши типографскому ремеслу меткую оценку дала периодическая печать того времени. «Типографское ремесло в Шуши хорошо поставлено,—пишет «Тараз»,—там есть две большие типографии, в которых работают скоропечатающие машины. На Кавказе Шуши занимает после Тифлиса первое место по изданию армянских книг, и в этом плане опережает такой большой и населенный большим числом армян город, как Баку»⁴.

Начиная с 1874 года по март 1920 года в Шуши вышло в свет 28 наименований газет и журналов, из которых 25 – на армянском, 3 – на русском. Последователями общественно полезных инициатив стали вышедшие в свет в Шуши «Кнар хоснак» (1881 г.), «Горц» (1882–1884 гг.), «Кокон» (1895–1896 гг.), «Ашакертан тертик» (1896–1897 гг.), «Азгагракан андес» (1896 г.), «Крунк» (1898–1900 гг.), «Карабах» (1911–1912 гг.), «Миутюн» (1913 г.), «Мираж» (1913–1917 гг.), «Ашакерт» (1913 г.), «Пайкар» (1914–1917 гг.), (1915–1917), «Циациан» («Радуга») (1916 г.), «Нецук» («Опора») (1917 г.), «Ашхатанк» (1917 г.), «Еранд» (1917 г.), «Ашакерт» (1917 г.), «Апараж» (1917 г.), «Аспарез» (1917 г.), «Сринг» (1917 г.), «Карабахи сурхандак» (1918 г.), «Арцах» (1919 г.), «Нор кьянк» (1919 г.) и другие*. Вышедшие в свет в Шуши три русские газеты—«Шу-

⁴ «Тараз» (литературная-научная-сатирическая иллюстрированная еженедельная газета), 16 июня 1891 г., № 22, с. 319 (на арм. яз.).

* В ходе состоявшейся 16–19 сентября 2012 г. в Шуши Международной научной конференции «Шуши—очаг армянской культуры», посвященной 500-летию Армянского Печатания, театровед Левон Мутафян обратил наше внимание на то обстоятельство, что в Шуши вышли в свет еще 3 наименования газет, которые несправедливо не упоминаются в какой-либо, в первую очередь – специальной, литературе. Это – «Лусаворич» (издано 4 номера; там впервые опубликовано стихотворение «Слезы Арцаха»), «Арегак» (напечатано 3 номера, в Реальном училище),

шинский листок» (1911 г.), «Шушинская жизнь» (1913–1914 гг.) и «Голос народа» (1919 г.) – также издавались стараниями и усилиями армянской интеллигенции.

В 60-ых годах XIX века в Арцахе, как в других регионах Российской империи и общественно-политическая жизнь пережила определенное пробуждение, наблюдался идеологический подъем. Политические движения, рост революционных настроений, активность вдохновленных передовыми идеями деятелей оказали свое положительное влияние также на развитие литературы, искусства, школы, прессы, публицистики.

С. Авакян, ссылаясь на некоторые записки, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР в делах Комитета прессы при Кавказском наместничестве, отмечает, что в середине XIX века несколько карабахцев попробовали организовать в провинции издание периодической печати с целью освещения местной и зарубежной жизни. С. Авакян отметил в основном два важных препятствия, помешавших реализации их намерений: во-первых, царские власти не были заинтересованы в создании печатных органов в провинциях, и, затем, издатели находились в тяжелом материальном положении⁵.

139 лет назад весной в Шуши вышел в свет журнал «Айкакан ашхар» «Армянский мир», который, фактически, является первенцем периодической печати Арцаха. Автором этой важной инициативы был известный общественный деятель Хорен Степане. Хотя часть исследователей истории периодической печати считает «Айкакан

«Дрошак» (напечатано 6 номеров, экземпляр хранится в книгохранилище храма Дзмари в Бейруте). Эти сведения Левону Мутафяну сообщил Смбат Авакян, который, однако, не успел включить их в свои работы.

⁵ См. С. Д. Авакян. История печати Карабаха (1828–1920). Е., 1989, с. 53 (на арм. яз.).

ашхар» продолжением журнала «Крунк айоц ашхарин», в пользу чего говорит также указание «седьмого года» на титульном листе, вкуче с нумерацией 1 и 2 при выходе в свет в Шуши. Это вызывает сомнения в плане правопреемности, тем более, что ранее в прессе того времени сообщалось, что будет издан новый орган в лице «Айкакан ашхара». Так, например, «Мшак» в номере от 14 марта 1874 г. в связи с этим писал: «В соответствии с разрешенной правительством новой программой с апреля месяца этого 1874 года будет издаваться новый дневник «Айкакан ашхар»⁶.

Вот что писал по этому поводу известный историк и арменовед Лео: «Но было более значимое обстоятельство: Степане в Шуши продолжил издание «Айкакан ашхар»-а. *И это было в первый раз, когда в Шуши выходило периодическое издание.* Для реализации этого дела Степане должен был взять на себя ряд неудобств. Решив издавать журнал в Шуши, он постарался оживить, насколько возможно, школьную типографию»⁷.

В этой, размещенной в одной из комнат школьного подвала типографии в 1874 г. начал издаваться «Айкакан ашхар». «В типографии очень многого не хватало, что создавало серьезные препятствия. Степане для успешного ведения дела взял на себя управление типографией и ответственность перед правительством... Журнал содержал главным образом педагогические статьи...»⁸.

Целью журнала было посредством печатного слова способствовать делу образования и воспитания молодого поколения, разбудить в людях любовь к образованию и науке.

⁶ См. С. Д. Авакян. «Айкакан ашхар»: Первое периодическое издание Арцаха. «Хорурдаин Айастан», 17 октября 1989 г., № 243 (на арм. яз.).

⁷ Лео. История карабахской армянской Епархиальной духовной школы (1838-1913). Тифлис, 1914, с. 374 (на арм. яз.).

⁸ Там же, с. 375.

Важным явлением было также издание в 1881 г. в Шуши периодического сборника «Кнар хоснак». Составитель Никогайос Тер-Аветикян, кроме своих работ, включил в сборник также произведения всемирных классиков.

Константин Мелик-Шахназарян, Мирза Тер-Саргсян (под псевдонимом «Мит-Сар»), Петрос Закарян, учителя Т. Тер-Григорян, С. Тер-Гаспарян, И. Зограбян и другие сотрудничали с газетой, выступали с материалами различного характера, поднимали злободневные вопросы.

В этой типографии свое литературное крещение получил видный писатель Лео, являвшийся первым корректором типографии, здесь начал свою издательскую деятельность Тигран Назарян, издавший рассказ Сенкевича, здесь молодой купеческий приказчик Абель Апресян напечатал роман Раффи «Хент» («Безумец»), Аристакес Седракян издал «Дрепер» и т. д.

И Раффи, и некоторые представители интеллигенции и даже студенты желали напечатать «Хент» роскошным изданием и большим тиражом. В 1880 г. студент Московского университета Г. Мирзоян испросил разрешение автора на печатание книги. Однако Раффи отдал предпочтение типографии М. Махтеси-Акопяна в Шуши, с удовлетворением отмечая ее высококачественную работу.

Типография Мирзаджана Махтеси-Акопяна долгие годы являлась единственным очагом книгопечатания в Арцахе, где в основе большинства изданных сочинений лежали патриотизм, восхваление освободительной борьбы, освещение нужд народа.

В этой типографии в 1886 г. впервые на армянском языке была издана повесть великого русского писателя Н. Гоголя «Тарас Бульба». В Шуши вышел в свет сборник стихотворений «Нмушнер» («Образцы») выдающегося языковеда Манука Абеяна, в ко-

тором в основном нашли место обработки народных преданий и легенды.

Заслуживало также внимания сочинение Макара вардапета Бархударяна «Араз тарин ктари» на арцахском диалекте, изданное в 1893 г. в Шуши, являющееся прекрасным фольклорным произведением.

Вышедший в свет в 1889 г. роман «Рушан и Эризад» Мирзы Тер-Саргсяна, тема которого взята из прошлого Арцаха, представляет идейную и художественную ценность, в нем большое место уделено диалекту. В типографии вышли в свет также сочинения «Вдова» (1891 г.), «Вокруг деревни» (1895 г.) того же автора. Книга Г. Чагарбекяна «Евангелие богатства», вышедшая в свет в 1899 г., в основном посвящена неравному распределению богатства, бичеванию человеческой жадности и стяжательства.

Сборник Н. Тер-Аветикяна, будучи первым подобного рода на периферии Российской империи, сыграл определенную роль в обеспечении прогресса литературной мысли в Арцахе в 80-ых гг. XIX в.

Примечательным явлением стало издание Симеоном Ахумяном в 1882–1884 гг. литературного, политического и национального журнала «Горц» («Дело»). С журналом активно сотрудничали известные представители интеллигенции: Г. Аракелян, А. Калантар, Г. Ходжамирян, М. Арустамян, Н. Тер-Аветикян.

С. Ахумян, проявляя мастерство публициста-издателя, предусмотрел для своего журнала содержательную и разумную программу. Однако его планы по ежемесячному изданию журнала для освещения многочисленных актуальных вопросов наталкиваются на неразрешимые финансовые трудности и препятствия со стороны царской цензуры.

В истории периодической прессы Арцаха значимым событием стало издание в 1896 году первого тома «Этнографического журнала». Не случайно подобный уникальный журнал издавался в Шуши. Редактор-издатель, филолог Ерванд Лалаян, который был одним из образованнейших интеллигентов своего времени, учительствуя в Шуши, пытался посредством нового издания поделиться научными знаниями о таких специальностях, как этнография, археология и фольклор.

Авторитет «Этнографического журнала» вырос после того, как с ним стали сотрудничать именитые ученые Гр. Ачарян, А. Манандян, М. Абебян, Т. Тораманян и другие.

Редактор-издатель, известный этнограф Ерванд Лалаян издание подобного журнала в благотворных для развития культуры условиях Шуши обусловил необходимостью служения народу и науке. Книга А включает этнографический раздел, в котором нашли место пространная статья Е. Лалаяна, посвященная армянской этнографической теории, археологическая статья Л. Бабаяна и его же перевод, статьи В. Вирхова «Место Кавказа в истории цивилизаций», содержательная работа Е. Лалаяна о Джавахке и другие материалы. В качестве приложения к тому А опубликованы раздел, посвященный анатомии, а также карты, запись народных мелодий Кара-Мурзы и т. д.

Издание этих журналов свидетельствует о прогрессе в культурно-просветительной и издательской жизни Арцаха. Целенаправленность и богатство содержания изданных книг и периодической печати были призваны способствовать делу просвещения и идейного развития народных масс. К их числу принадлежали и журналы «Горц» и «Азгагракан андес», которые имели не только местный, но и общенациональный охват и сыграли значительную роль в деле развития армянской общественно-политической мысли и этнографической культуры.

Нам не известны периодические издания, которые бы выходили в свет в Арцахе с 1896 по 1911 год. Как заметил исследователь армянской прессы Гарегин Левонян, 1890–1905 гг. вообще были для армянской прессы «печальным периодом».

Только ценой преодоления серьезных препятствий прогрессивной молодежи удалось в 1911 году издать газету «Карабах», которая выходила то 2, то 3 раза в неделю. Целью издания было: во-первых, изучить образовательное, культурное и экономическое состояние родной земли и народа, понять его заботы и чаяния, а уж потом стать приверженцем и проводником идей благоустройства жизни.

Издание литературно-общественной трехразовой газеты «Карабах» в 1911–1912 гг. было значительным событием в истории периодической печати Арцаха. Газету издавали или редактировали известные деятели: З. вардапет Бабаян, Н. Ярамишьян, В. Папазян, С. Тер-Минасян, с ней с готовностью сотрудничали известные в то время писатели и публицисты. За свое двухлетнее существование газета всецело служила своему призванию: последовательно освещала будни Арцаха, призывала к борьбе сознательных людей, распространяла веру в завтрашний день, помогала еще лучше познать родину.

Даже в тяжелых экономических и политических условиях в Шуши довольно активно функционировали образовательные, культурно-просветительные очаги, продолжала выходить в свет периодика, издавались книги и брошюры на разные темы, которые оказывали благотворное воздействие на мировоззрение читателей, способствовали накоплению ими знаний, содействовали общественному прогрессу.

Период с 1912–1917 гг. отличается активизацией ученических организаций и выпуском ими в свет гектографических и периодических изданий. Это свидетельствует о том, что подрастало

достойное поколение, равнодушное к завтрашнему дню своего народа и родины. Не случайно, что многие из этих издателей и корреспондентов – самоучек в дальнейшем стали известными работниками периодической печати не только Арцаха, но и Закавказья – редакторами, публицистами и журналистами.

В марте рокового для армянского народа 1915 года в Шуши вышел в свет первый номер общественно-политической, социал-демократической газеты «Пайлак», редактором-издателем которой был Левон Вардапетян. Газета периодически издавалась до 1917 г., занимая особое место в истории периодической печати Арцаха.

Литературно-художественный и критический журнал «Циацин» («Радуга»), который издавался в 1916 г. в типографии «М. Бабаджаниян» в Шуши, сатирически высмеивал порочные явления в обществе, затрагивал волнующие общество проблемы.

В общественно-политической жизни Шуши значительную роль сыграла газета «Нецук» («Опора») под редакцией известного деятеля А. Оганесяна.

Из особенностей периодики, изданной в последней четверти XIX века и в первое двадцатилетие XX века, можно отметить их линию на сплочение передовой интеллигенции, создание условий для плодотворных дискуссий по национальным проблемам, решимость донести печатное слово до читателя в условиях жесткой цензуры, неизбежность – в силу ограниченных материальных и технических возможностей – издания всего одного или нескольких номеров, или частой смены места печатания, необычное оживление, особенно в ученической среде, в связи с изданием на местах газет, бурный отклик соответствующими публикациями на общественно-политический подъем в Российской империи и так далее.

Большим событием в общественно-политической жизни Арцаха было издание с 16 июня 1923 г. в Шуши газеты «Карабахи гехчук»

(«Карабахский сельчанин», с 4-го номера – «Хорурдаин Карабах» («Советский Карабах»)), которая стала главным печатным органом Арцаха.

По нашим подсчетам, в период с 1874 по 1923 гг. в Шуши было издано 28 наименований газет и 6 наименований журналов.

В годы Советской власти в Шуши в одной из восстановленных армянских типографий была напечатана газета «Шуша». По нашим сведениям, в этой типографии книгоиздательство не было развито, чтобы не сказать, что его вообще не было. Кроме газеты, продукцию типографии составляли различного характера и формы бумаги канцелярского потребления, протокольные материалы и т. д.

После восстановления независимости и суверенитета Арцаха в 2006–2007 гг. были предприняты неудачные попытки основания типографии. Газета шушинской райадминистрации «Шуши» печатается в Степанакерте. Издательство действующего с 2006 г. Научного центра «Качар» имеет серьезные проблемы (финансовые, технические, проблемы со зданием), которые преодолеваются путем использования посреднических услуг.

Издаваемая в последние десятилетия в Арцахе разнотематическая периодика не только продолжает сформированные в Шуши журналистско-издательские традиции, но и обогащает их новыми красками и содержанием.

ШУШИ КАК ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДУХОВНО-ЦЕРКОВНЫХ ТРАДИЦИЙ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ АРЦАХА

*М. Г. БАЛАЯН, директор Историко-краеведческого музея,
кандидат исторических наук, доцент*

В 1815 г. кондаком (энцикликой) Католикоса всех армян Епрема Дзорагехци католикосат Агванка был упразднен и ранее входившие в состав Агванского католикосата епархии образовали Арцахскую епархию Армянской церкви. Саргис Асан-Джалалянц был назначен предводителем епархии (1815–1828 гг.)¹.

Саргис Асан-Джалалянц скончался в 1828 г. и был похоронен на кладбище Гандзасара. А спустя 2 года после смерти Саргиса Асана-Джалалянца, 13 ноября 1830 г. кондаком католикоса Епрема Митрополитом епархии Арцаха был назначен его брат – Багдасар Асан-Джалалянц².

Согласно «Положению об управлении делами армяно-григорианской церкви в России», утвержденному 11 марта 1836 г., армянская церковь в Российской империи делилась на 6 епархий: Новой Нахичевани, Астрахани, Грузии, Ширвана, Еревана и Карабаха (Арцах)³.

¹ См. *Л. Мкртумян*. Католикосат Агванка (Гандзасар) в 17–18 вв. Е., 2001, с. 20 (на арм. яз).

² См. Национальный архив Армении (НАА), ф. 56, сп. 2, д. 532 (на арм. яз.).

³ См. *А. Ерицян*. Католикосат всех армян и Кавказская Армения в 19-м веке. Ч. 2. Тифлис, 1895, с. 557 (на арм. яз.).

В Положении специальным пунктом были отмечены географические границы отдельных епархий. В Карабахскую епархию были включены гавары Шаки и Талыш. Согласно статистике 1840 г., в епархию входили 3 города (Шуши, Нухи, Ленкорань) и 156 сел; все вместе они составляли 7167 домов с армянским населением⁴.

По новому Положению духовным центром Арцахской епархии стал Шуши, где и располагалось духовное предводительство.

1 июля 1837 г. указом императора России предводителем епархии и председателем духовной администрации был утвержден Багдасар Асан-Джалалянц⁵. В том же году предводитель Арцахской епархии принял помазание в Эчмиадзине. В дальнейшем он сыграл значительную роль в становлении Шуши как духовного центра.

Глава епархии вел успешную борьбу за возвращение по разным причинам отчужденного имущества Арцахских монастырей и церквей. Выкупив у базельских проповедников типографию, духовный лидер стал развивать в Шуши издательское дело⁶.

В 1838 году в Шуши открылась епархиальная школа Карабаха. Своей деятельностью она еще более повысила роль Шуши, придав городу значение не только духовного, но и учебно-просветительного центра.

Становлению Шуши в качестве духовного и учебно-просветительного центра способствовали также церкви, построенные в городе: церковь Св. Спасителя Казанчеоц, Агулеоц, Мегреоц,

⁴ См. *Лео*. История карабахской армянской епархиальной духовной школы (1838–1913). Тифлис, 1914, с. 7 (на арм. яз.).

⁵ См. «Документальные материалы из истории армянской церкви», книга 9. Е., 2001, с. 116 (на арм. яз.).

⁶ В числе напечатанных книг стоит отметить работу Есаи Асана-Джалалянца «История Агванка», опубликованную в 1839 г.

Сурб Аствацацин Нижнего квартала (Неркин таг), церковь Святого Ованеса Мкртыча в Верхнем квартале (Верин таг), Джраберд-цоц и Кусанац Анапат.

После смерти главы Арцахской епархии Багдасара Асан-Джалалянца 27 июня 1854 г. епархия Карабаха некоторое время оставалась без предводителя. В 1857 году временным управляющим Арцахской епархии был назначен Геворг Веапетян⁷, а в 1864–1878 гг. – архиепископ Саргис Асан-Джалалянц.

Саргис Асан-Джалалянц принялся совершенствовать учебную систему. В первую очередь была отрегулирована система принятия учеников. На улучшение социальной жизни был направлен «Устав», опубликованный со стороны архиепископа Асана-Джалалянца в 1872 г., согласно которому обручения, свадебные, погребальные обряды и другие традиции, связанные с этими обрядами, в том числе и «пиршества», были отменены и установлены простые и вполне приемлемые правила⁸.

В 1876 г. Саргис Асан-Джалалянц обратился с просьбой к католико-косу Всех армян Геворгу IV освободить его от должности духовного предводителя Арцаха, обосновывая это тем, что возраст и болезнь не позволяют ему эффективно служить народу и церкви.

В 1876 г. заместителем Саргиса Асана-Джалалянца был назначен Аристакес вардапет Седракан. С 1881 г. должность предводителя последовательно занимали Григорий Сагинян и епископ Карапет Айвазян.

27 января 1895 г. предводителем Арцахской епархии стал архиепископ Гарегин Сатунян, который руководил ею до 1897 г.⁹. 7

⁷ См. НАА, ф. 56, сп. 1, д. 8088, л. 5.

⁸ См. *Лео*. Ук. соч., с. 374.

⁹ См. «Арарат», 1897, с. 377.

марта 1898 г. в письме, направленном управляющему Кавказом, Католикос всех армян предложил назначить предводителем Арцахской епархии епископа Ананию Амазасяна, а предводителем епархии Шемахи – Григория Гарнакерянца, и не дожидаясь ответа, сразу специальной энцикликой утвердил их. Однако в 1898 г. получив из Петербурга отрицательный ответ, Католикос всех армян на этот раз должен был отправить в Шуши специальное письмо об отзыве епископа Анании¹⁰.

8 мая 1898 г. граждане г. Шуши отправили Святейшему престолу письмо-ходатайство об утверждении предводителем епархии епископа Анании Амазасяна¹¹. Однако проблема не получила положительного решения, и в июне 1898 г. Католикос всех армян Хримян Айрик вновь обратился к князю Голицыну, прося утвердить предводителями епархий Карабаха и Шемахи соответствующих архиепископов – Сукиаса Парзянца и Нерсеса Худавердяна.

В 1903 г. указ об отчуждении имущества армянской церкви со стороны Русского правительства по сущности был большим ударом для нее. Лишаясь материальных возможностей, церковь была не в состоянии сохранить епархиальные и церковно-приходские школы.

Итак, в результате такой политики по отношению к армянской церкви закрылись многочисленные образовательные центры, в том числе популярная в кругу всех восточных армян, действующая в Шуши армянская епархиальная духовная школа Карабаха. И только благодаря покровительству Эчмиадзина и стараниям предводителя Арцахской епархии епископа Ашота стало возможным после двух-летнего перерыва снова начать занятия.

¹⁰ См. «Документальные материалы из истории армянской церкви», книга 9, сс. 387–390.

¹¹ См. там же, с. 393.

1 августа 1905 г. по приказу царя отнятые владения армянской церкви были возвращены, что обеспечило серьезные материальные возможности для функционирования школ. Однако эйфория длилась не долго, так как в августе вспыхнули армяно-татарские столкновения. Дальнейшее существование школы также находилось под угрозой из-за нехватки средств. Епископ Ашот испросил у католикоса разрешение на путешествие по армянонаселенным районам России в целях для изыскания средств для обеспечения дальнейшего существования епархиальной школы.

В 1910 г. кондаком Католикоса епископ Ашот Шахян был освобожден от должности главы епархии и вместо него назначен вардапет Беник. В 1911 г. католикос Матевос II предводителем Арцахской епархии временно назначил епископа Завена Бабаяна¹². В докладе «Краткая информация о духовно-административном, школьном и имущественном состоянии армянского населения Карабахской епархии»¹³, представляя царствовавшую здесь ситуацию, предводитель епархии выразил беспокойство по поводу нынешнего состояния монастырей: «Монастыри, украшающие весь Карабах и имеющие историческое значение, в свое время игравшие большую роль в развитии цивилизации армянского народа, сейчас обречены на вечное забвение, подвергаясь разрушению, распаду и опустошению»¹⁴.

В докладе отмечается тяжелое политическое положение, в котором оказалось духовное учреждение, вдохновлявшее и объединявшее армянский народ. Обеспокоенный этим обстоятельством, епископ Завен выражает мнение, что: «реализовав вышеуказанные предложения, что является делом времени, мы сумеем более или

¹² См. там же, сс. 527–528.

¹³ Там же, сс. 544–562.

¹⁴ Там же, с. 548.

менею укрепить не только административные, образовательные и другие учреждения, но и наши обширные поместья, используя скрытые в них богатства во благо просвещения святого Эчмиадзина, Карабаха и для всего армянского народа и нашего национально-образовательного и культурного учреждения»¹⁵.

В 1912 г. русские власти разрешили епископу Завену организовать фонд для празднования 75-летнего юбилея епархиальной школы Шуши и одновременно для улучшения материального положения школы. Организованные мероприятия вскоре дали свои результаты.

20 мая 1916 г. патриаршим кондаком католикоса Геворга V главой Арцахской епархии был назначен Ваган Тер-Григорян¹⁶. Однако начавшаяся мировая война и турецкое вторжение дестабилизировали обстановку.

27 мая 1918 г. Бакинская и Елизаветпольская губернии были провозглашены Республикой Азербайджан, что привело к появлению на политической карте мира нового государства, которое с момента своего образования стало претендовать на территории Восточной Армении и, в первую очередь, Карабах и Зангезур. Армянская церковь также подверглась гонениям.

Положение стало роковым в особенности в 1920 г. В марте турки вторглись в Шуши, устроив погромы и резню, жертвами которых стали около 5.000 армян, в том числе и епархиальный предводитель епископ Ваган. «Диким образом обезглавив епископа, его отрубленную голову, кружа по городу, демонстрировали озверевшей толпе»¹⁷. Во истину, зверства турок уже не вызывали удивления. В одном из докладов о начатых в Шуши резне и погромах,

¹⁵ Там же, с. 562.

¹⁶ См. там же, с. 618.

¹⁷ Там же, с. 749.

направленных католикошу, отмечалось: «Был сожжен весь армянский квартал... Резня началась в 5 часов утра, невозможно было спасти какой-либо документ, какое-либо дело или драгоценность из Консистерии, а также из церквей»¹⁸.

В мае 1920 г. Русская 11-ая Красная армия вошла в Шуши, в результате чего в Нагорном Карабахе утвердилась советская власть. 5 июля 1921 г. юридически необоснованное решение Кавказского бюро РКП(б) – принудительно присоединить Арцах к Азербайджану – очевидно, стало самым трагическим событием для арцахских армян.

С установлением советской власти и, в особенности, с момента принудительного присоединения Арцах к Азербайджану там начался безудержный произвол: грабежи и насилие, гонения и разбой, от чего больше всего пострадали церковь и духовенство. На всей советской территории коммунисты активно пропагандировали атеизм, чего, естественно, не избежал и Карабах. Более того, в рамках общей армянофобской политики Баку здесь были предприняты радикальные меры со стороны азербайджанских властей, которые считали церковь проповедником и центром антиазербайджанского движения. В 1920 г. летом началась волна насилия против духовенства, продолжавшаяся до 1933 г. и приведшая к трагическому концу – ликвидации Арцахской епархии.

В Советском Карабахе были закрыты более 20 сельских церквей, представители властей и партийные работники словом и действием оскверняли религиозные святыни и оскорбляли чувства верующих. Вмешательство Эчмиадзина не в силах было предотвратить антинациональную политику азербайджанских большевиков. Из-за невозможности продолжать свою деятельность в Шуши предводи-

¹⁸ Там же, с. 747.

тель Арцахской епархии вардапет Вртанес вновь переехал в Гандзасар, который снова стал духовным центром Карабаха.

Азербайджанские власти особым указом экспроприировали все имущество церквей и монастырей, вследствие чего оказалась под угрозой не только их деятельность, но и существование.

В докладе, направленном 11 февраля 1929 г. духовному совету Эчмиадзина, свидетельствуется, что в епархии из 18 монастырей сохранились только 7, в 164 армянских селах из 112 церквей с 1 февраля были захвачены и осквернены 79, превращенные не только в читальные залы и школы, но – в основном – хранилища сельскохозяйственной продукции и склады; 6 церквей находятся в полуразрушенном состоянии, а остальные 27 – под угрозой закрытия¹⁹. И эта угроза была не за горами. 21 февраля 1929 г. на основании решения Совета министров Азербайджана Комитет НКАО решил закрыть 108 церквей²⁰.

4 октября 1929 г. по решению Исполкома закрылась известная церковь Амараса, а исторические культурные ценности были отправлены в Баку «на исследование».

В 1929 г. с ложными обвинениями был арестован и заключен в Шушинскую тюрьму предводитель Арцахской епархии епископ Вртанес. «Предводитель епископ Вртанес уже 2 года как находится в исправительном доме Шуши...»²¹.

В 1932 г. в докладе предводителя епархии, направленном Духовному совету Эчмиадзина, отмечено: «До февраля 1930 г. в моей епархии существовали церкви, епархиальный совет, духовенство,

¹⁹ См. там же, сс. 883–884.

²⁰ См. Государственный архив НКР, ф. 1, сп. 2, д. 3, л. 63.

²¹ См. «Документальные материалы из истории армянской церкви», книга 9, с. 895.

а сейчас все церкви моей епархии превратились в школьные, социальные и другие учреждения. Сейчас все священники моей епархии без исключения отказались от должности священника и занимаются хозяйством или работают как учителя...»²². 10 ноября 1932 г. в Эчмиадзине состоялось национально-церковное собрание, в котором участвовала и делегация Арцахской епархии во главе с епархиальным предводителем, после чего азербайджанские власти им не разрешили возвращаться в Арцах.

«Просвещенный» XX век трудно даже сравнить со средневековым правлением арабов, сельджуков и монголо-татар, когда, церкви все-таки была дана возможность существовать, что было исключено со стороны «интернационалистического» Азербайджана. И политика ликвидации армянской церкви в Нагорном Карабахе стала приносить плоды, а с упразднением Карабахской епархии процесс полного исчезновения церковей принял еще более безудержный характер. Таким образом, из церквей, построенных в XIX веке в Шуши – некогда административном и духовном центре Арцаха, в полуразрушенном состоянии сохранились только две: церковь Св. Спасителя Газанчеоц и Св. Ованеса Мкртыча в Верхнем квартале (Верин таг).

В результате этой политики НКАО стала единственной армянской территорией, где в 1930-ых годах не было ни одной действующей церкви. Это была запланированная политика, которая на самом деле являлась грубым нарушением прав и свобод человека.

Власти Азербайджана сделали все для парализования духовно-культурного пульса арцахских армян. Основной целью было отделить армян от своих корней. Национальные и идейно-политические масштабные насилия стали причиной спада общей духовной жизни арцахских армян на своей родине. Это очевидный факт, что

²² Там же, с. 896.

любое национальное движение или война имеет свои причины и их разумное решение зависит в целом от правильного анализа. По крайней мере, в случае Карабахского конфликта не трудно правильно сориентироваться как на исторические факты, так и на происходящие в настоящее время события человеческой цивилизации: более чем ясно, что они показывают только на одну дорогу, которая называется: «Ради существования – Национальная независимость».

В конце 1980-ых гг. в Арцахе новая волна национально-освободительного движения ознаменовала собой не только начало политического, но и духовно-религиозного подъема. И не случайно, что в начале общенационального движения, в 1989 году, в рамках общего оживления жизни епархий на территории СССР была восстановлена Арцахская епархия.

В 1989 г. Патриаршим кондаком Католикоса всех армян Вазгена I центром епархии стала церковь Газанчеоц (Св. Аменапркич) в городе Шуши. Главой Арцахской епархии был помазан архиепископ Паргев Мартиросян, при ком возрожденная епархия Арцаха начала реорганизовываться, вновь стали открываться церкви и монастыри.

9 мая 1992 г. был освобожден духовный центр Карабаха – Шуши, что имело важное морально-психологическое значение для армян всего мира. 9 мая вместе с бойцами-освободителями в Шуши вошли и духовные отцы Арцаха под предводительством архиепископа Паргева Мартиросяна, и первым их шагом стало установление святого креста на куполе церкви Св. Спасителя Газанчеоц.

После Арцахской войны в независимой Нагорно-Карабахской Республике начался процесс восстановления и переоткрытия церквей и монастырей, переживших многочисленные испытания, но сохранивших свое существование даже после разрушительных ударов.

Народ, который был лишен возможности пользоваться созданными им же многочисленными памятниками духовной культуры, получил возможность возродить свои национальные традиции. После долгого восстановления в 1998 г. зазвенел колокол церкви Св. Спасителя Газанчеоц в Шуши, возвещая о новом духовном возрождении Шуши.

Процесс реконструкции и восстановления Шуши год за годом становится все более активным, тем самым укрепляя храм национального духа армян.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ШУШИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВА ДОМИНИРОВАНИЯ АРМЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДО 20-ЫХ ГГ. XX ВЕКА

*Ю. Ю. АРУТЮНЯН, старший научный сотрудник
научного центра «Качар»*

Издававшаяся в Шуши на иностранных языках периодика составляет часть истории прессы Арцаха.

По дошедшим до нас сведениям, первую русскую газету в Шуши – «Шушинский листок» – предусматривалось издать 1 июля 1910 года, о чем впоследствии было отмечено в опубликованном в газете «Мшак» письме под названием «Вопрос газетного дела в Шуши». Однако почти с годовой задержкой это дело все же получило свое разрешение благодаря усилиям редактора – издателя новой газеты Ш. А. Мелик-Карагезяна.

В начальный период газета публиковала телеграммы, полученные из северной столицы Российской империи, о чем сообщалось на титульной странице первых 18 номеров газеты: «Телеграммы Телеграфного агентства С. Петербурга». Затем стали печататься материалы, касавшиеся местной и зарубежной жизни, однако, как заметили исследователи, редактор-издатель до конца воздерживался от публикации острых статей и корреспонденций на политические темы, материалов, критикующих изъяны экономической и культурной жизни.

Редактор-издатель газеты Шамиль Мелик-Карагезян не был новичком в сфере журналистики: на протяжении многих лет он сотрудничал с газетой «Новое обозрение», служил в Шушинском

филиале Общества взаимного кредита. В прессе он подписывался не только «Ш. А. Мелик-Карагезян», но и «Ш. М. К.» и т. п.

Состоявшая из четырех страниц небольшого формата газета выходила в свет два-три раза в неделю¹. Однако, как ясно видно из библиографических данных под номером 9397 каталога Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», эта газета издавалась также и с периодичностью четыре раза в неделю².

Рамки освещения газеты оставались узкими. Под несколькими рубриками (как, например, «Наши корреспонденты», «В России», «Местная хроника», «Театр и искусство» и т. д.) газета доносила до сведения своих читателей отдельные новости, телеграммы из Тифлиса, Баку, Елизаветполя и т. д. Определенное место уделялось культуре, литературе, школьным вопросам. Материалы, публикуемые в разделе «Театр и искусство», рассказывали о культурных мероприятиях в провинции.

Отдельные материалы печатались об армянских писателях. В частности, в статье о Газаросе Агаяне, опубликованной в номере от 23 июня, автор высоко оценил роль писателя в деле развития родного языка. Подчеркивалась также его общественная деятельность и как воспитателя, и как друга детей. В статье утверждалось: «Агаян будет жить, пока существует армянская школа, пока родной язык звучит из уст армянских школьников».

В газете печатались краткие сообщения о населенных пунктах Карабаха, его географическом положении, составе и деятельности населения. Она знакомила читателей с некоторыми эпизодами исторического прошлого родного края.

¹ См. С. Д. Авакян. История печати Карабаха (1828–1920). Е., 1989, с. 147 (на арм. яз.).

² См. «Библиографические данные № 9397». «Шушинский листок». «Русская литература и фольклор» (<http://feb-web.ru/feb/periodic/bb-abc/bb3/bb3-6182.htm>).

Под рубрикой «За границей» порой печатались материалы из жизни армян Диаспоры. В сообщении под названием «Армяне в Индии» рассказывалось о действующем в Калькутте колледже, и о том, что в текущем 1911 году колледж примет 60 учеников.

В отдельных информациях делалась попытка ознакомить читателей с содержанием и политическим направлением материалов, напечатанных в издающейся за границей прессе. Но делалось это бессистемно и нестабильно.

С учетом условий времени определенный интерес представляли публикуемые на страницах «Шушинского листка» рубрика «Беседы врача», материалы о физкультуре и эстетическом развитии человека. Материалы газеты представляли собой в основном сообщения, информацию, которым не хватало обильности фактов и характерных примеров.

По данным электронного каталога, газета «Шушинский листок» издавалась до 24 августа 1914 года. 63-й номер был последним в биографии этой газеты³.

Обобщая, мы можем констатировать, что общественно-политическая и литературная газета «Шушинский листок» издавалась в 1911–1914 гг. с периодичностью 2–4 номера в неделю. С 9 июня по 23 ноября 1911 года вышли в свет 37 номеров, с 16 сентября по 14 октября 1912 года – 3 номера (№ 39–41) (предполагается, что в предыдущие месяцы был издан и 38-й номер), с 1 июня по 24 августа 1914 года – 21 номер (№ 43–63).

21 июня 1913 года в Шуши вышла в свет газета «Шушинская жизнь». В отличие от «Шушинского листка», она издавалась регулярно – в определенные дни (четверг, пятница, воскресенье). Газета

³ См. там же.

выходила в свет в условиях напряженного международного положения, приведшего к тому, что в августе 1914 г. вспыхнула Первая мировая война. Редактор газеты, по профессии юрист Степан Мандинян, который в годы войны преподавал русский язык в Шушинской епархиальной школе, питал к газетному делу большую любовь, писал большую часть передовиц, редакционных статей, материалов, отличающихся высокой языковой культурой, определенной свежестью представления фактов и публикаций иного характера.

По мнению исследователя печати в Карабахе, филолога С. Авакяна, последний номер газеты вышел в свет 21 декабря 1914 года (хотя он и не исключил, что деятельность газеты продолжалась и после, хотя и такими фактами не располагает). Принимая за основу данные вышеупомянутого электронного каталога, считаем, что можно исправить дату выхода в свет последнего номера этой газеты – 20 декабря. По-видимому, предположения филолога о дальнейшем издании газеты не были обоснованы фактами.

В первой редакционной статье («Шуши, 21-е июня») русскоязычный орган обратился к читателю с заверениями, что будет публиковать множество материалов о важных политических событиях и явлениях в стране, будет стремиться в новой форме освещать идеи и жизнь трудящихся, будет исходить только с обоснованных позиций. Орган также сообщил, что, являясь передовым изданием, будет бороться за устранение пороков жизни. Но заметно, что с самого начала широкое освещение политических вопросов было вне круга его целей. По мнению газеты, если интеллигенция провинции будет действовать сообща, то станет возможным развить не только духовную, но и экономическую жизнь.

«Шушинская жизнь» давала отдельную информацию с фронтов, писала о пагубности и вредоносности войны вообще.

В передовицах и редакционных статьях газета пыталась подчеркнуть проблемы, встающие перед прессой, в особенности в критических ситуациях, и считала, что святой обязанностью любого печатного органа является выражение пожелания трудящихся, «призывая к объединению для борьбы против растущей бедности»⁴.

Газета информировала читателя о разных новостях, периодически освещала местную жизнь, поднимала вопросы, представлявшие отдельный интерес. На страницах газеты размещались даже сообщения о состоянии нефтяной промышленности Российской империи, богатствах Сибири, о Московской бирже труда, о мировой золотодобыче, о жилищных проблемах в Париже, трудовых налогах в Германии, военных действиях на Балканах.

Говоря о тяжелом положении армян в Западной Армении, газета по понятной причине стремилась обязательно подчеркнуть сравнительно благополучное положение Восточной Армении. Показательно также освещение армянского национального вопроса, на самом деле, являвшееся пропагандой политики царизма в отношении Западной Армении. Редакция не жалела усилий, чтобы доказать, что армяне всегда отличались дружескими чувствами к русским, трудолюбием и творческой мыслью.

Основным объектом русской газеты, тем не менее, оставался Шуши, его повседневная жизнь. Это было естественно, поскольку, как подсказывало само название газеты, она была призвана представить жизнь Шуши русскоязычному читателю.

В «Шушинской жизни» можно найти некоторые полезные идеи, в частности, в материалах, посвященных вопросам школы, воспитания трудящихся, развития личности.

⁴ См. С. Д. Авакян. История печати Карабаха (1828 – 1920), сс. 187–188.

В пространной информации, посвященной открытию в Шуши женской гимназии, внимание читателей обращается на то, что образование не должно находиться в отрыве от семейного воспитания, что между школой и семьей должны существовать неразрывные связи и что ответственность за образование и воспитание детей должны нести не только учителя, но и родители.

В письмах, опубликованных в рубриках «Корреспонденции», «Переписка», «Письма трудящихся» и других разделах, поднимался вопрос о том, что каждый шушинец должен быть культурным, воспитанным, проникнут пламенным патриотизмом. Подвергалось осуждению поведение людей нечестных, интриганов, лишенных совести и чувства ответственности.

Отдельными статьями печатались материалы о видных армянских и русских писателях. Заслуживает внимания статья «Памяти Л. Н. Толстого», опубликованная в номере от 10 ноября 1913 года, в которой газета дала высокую оценку литературным заслугам великого русского писателя, его пленительному слову. «Шушинская жизнь» в отдельных номерах публиковала несколько переводов произведений армянских авторов. В фельетонах на различную тематику бичевались бескультурье, безнравственность и двуличие.

В рубрике «Фельетон» публиковались не только факты негативного характера, но и народные сказки, рассказы, очерки, стихи. Привлекали внимание статьи редактора газеты Степана Мандиняна. Он писал пространные статьи о кооперации, торговле в ряде периодических изданий, в частности – в «Пайлаке». В советские годы работал в Армении. Выше всяких сомнений, что большая часть передовиц, редакционных статей принадлежали перу редактора. По убеждению С. Авакяна, под псевдонимами «Si», «С», «Обозреватель» и другими выступал Степан Мандинян, который в своих многожанровых материалах, с одной стороны, развивал вопросы международной жизни (в кратких политических обзорах),

с другой – вопросы, связанные с культурно-просветительной работой. Его статьи и иные материалы выделялись высокой языковой культурой, определенной свежестью формы подачи фактов. Сплотившиеся вокруг газеты корреспонденты, которые в основном были шушинцами, в той или иной мере помогали редакции в публикации многожанровых материалов, хотя некоторые из них и не представляли ценности с политической, идеологической точки зрения и не говорили ничего нового о создавшейся ситуации⁵.

Третьей газетой был «Голос народа» («Жоховрди Дзайн»). Это была общественно-политическая газета, которая вышла в свет под редакцией Рубена Шахназаряна и под покровительством и по указу городского главы 24 февраля (по новому стилю) 1919 года. Газета в основном выступала с критикой в адрес Национального совета, или, как свидетельствовал Е. Ишханян, была просто направлена против Национального совета. «Газета, – писал он, – не удостоилась симпатий ни одного из течений, за исключением небольшого меньшинства, состоящего из упомянутых двух человек, Сократа, который поселился в городе, вместо того, чтобы уехать в свой район, и еще нескольких человек. Если бы газета путем предметного анализа беспристрастно критиковала деятельность Национального совета, может быть, вокруг нее сплотилось бы еще больше людей. В частности, это очень тяжело отразилось на дашнаках и вызвало общее брожение...»⁶.

Из-за отсутствия типографской она издавалась на оберточной бумаге светло-кофейного цвета. Известно также, что состоявшийся в 1920 году Первый интернациональный крестьянский съезд Карабаха и Зангезура издавал на армянском, русском и турецком языках официальную газету «Крестьянская коммуна». Орган Первого

⁵ См. там же, сс. 190–191.

⁶ *Египше Ишханян*. Нагорный Карабах: 1917–1920. Е., 1999, с. 363 (на арм. яз.).

интернационального крестьянского съезда Карабаха и Зангезура (на армянском, русском и турецком языках, Шуши, 4 страницы, 54×35 см) увидел свет всего один или два раза в июле 1920 года⁷.

Последняя русскоязычная газета в Шуши, вышедшая в свет под названием «Кавказская коммуна», печаталась в 1920–1921 гг. Издавало ее Шушинское отделение телеграфного агентства («Азказвост») Советского Азербайджана. Печаталась на одной, двух страницах малого формата. Было издано по меньшей мере 106 номеров «Кавказской коммуны»⁸. И хотя она была по формату небольшой, а материалы писались очень сжато, однако набираемые большими буквами заголовки придавали материалам торжественность, направляли читателя на их чтение, знакомя его с новостями дня.

В газете было несколько постоянных разделов: «Местная хроника», «За рубежом», «Нам пишут», «На красных фронтах» и т. д. В каждом номере печатались не только разные сообщения из различных уголков бывшей Российской империи, но и материалы политического характера. Читатели газеты имели возможность узнавать, какие важные события произошли в Германии, Ирландии, Италии, Польше, Китае, Франции и других странах мира. Только в номере от 9 марта 1921 года нашли место материалы «Голос германского пролетариата», «Революционное движение в

⁷ См. «Армянская периодическая печать. Полный каталог армянских газет и журналов (1794–1934)». Сост. Г. Д. Левонян. Е., 1934, с. 106 (на арм. яз.); «Библиография армянской периодической печати (1794–1967)». Сводный список. Состав. А. Киракосян. Е., 1970, с. 69 (на арм. яз.). Рубен Тер-Гаспарян отметил дату издания 1921 г. (см. *Р. О. Тер-Гаспарян*. Город Шуши. Е., 1993, с. 95 (на арм. яз.)). А библиограф М. Баблоян, считая ее однодневной газетой, не включил в сводный список периодической печати (см. *М. Баблоян*. Армянская периодическая печать. Библиографический сводный список (1794–1980). Е., 1986 (на арм. яз.)).

⁸ См. «Советакан Карабах», 17 января 1968 г. (на арм. яз.).

Италии», «Забастовочное движение в Польше» и другие. В разделе «Местная хроника» «Кавказская коммуна» представляла информацию из Шуши, Степанакерта, Гориса, Баку и других мест о создании культурно-просветительных очагов и упорядочении их работы.

«Кавказская коммуна» публиковала отдельные небольшие материалы, посвященные известным революционным деятелям (К. Либкнехту, Р. Люксембург и др.), подчеркивая их роль в мировом рабочем движении. Исследователи характеризуют роль русской газеты не только с точки зрения размещения в ней многочисленных сообщений, но и оперативной публикации поступающих из Москвы радиосообщений, свежих новостей, представляющих для читателя интерес. Другой характерной чертой газеты была лаконичность стиля изложения публикуемых материалов, наличие большого числа фактов и многожанровость. Значимостью публикуемых в ней материалов, газета «Кавказская коммуна» является важной страницей в истории не только Арцахской, но и всей Закавказской революционной прессы.

В Шуши издавалось также несколько тюркоязычных газет. Газета «Джаван экинчи» («Молодой земледелец») была молодежной. Ее первый номер увидел свет в Шуши 28 января 1923 года. Было издано всего несколько номеров, из коих сохранились всего два⁹.

Орган Шушинского краевого парткома и краевого исполкома Карабахского комитета, газета «Карабах экинчиси» («Карабахский земледелец») вышел в свет в Шуши 7 мая 1923 года с объемом в четыре страницы, тиражом 400–600 экземпляров. Было издано всего 10 номеров¹⁰.

⁹ См. С. Д. Авакян. Пресса Советского Карабаха. Баку, 1962, с. 5 (на арм. яз.).

¹⁰ См. там же.

Орган Шушинского райисполкома и райкома КП(б) Азербайджана «Сосьялизм малдарзс» («Социалистическое животноводство») издавался как в Агдаме, так и в Шуши. Газета какое-то время печаталась в Агдаме, потому что, как объяснил С. Авакян, в Шуши не было турецких шрифтов и других полиграфических материалов. Как известно, во время мартовских и предшествующих нападений 1920 года армянские типографии Шуши были разрушены и преданы огню со стороны мусульманского населения и регулярных войск Азербайджана.

Первый номер этой газеты был напечатан 7 ноября 1932 года, объем – две страницы небольшого формата. Редактор – И. Бабаева. С 23 апреля 1938 года до 1962 года называлась «Колхоз байрах» («Колхозное знамя»). Редактором газеты был Аюб Кязимов¹¹. В 1960 г. она была переименована в «Шуша». Орган Шушинского обкома партии и областного Совета народных депутатов «Шуша» издавался в Шуши в 1932–1992 гг. с нерегулярной периодичностью. Печаталась газета в одной из перезапущенных армянских типографий Шуши. В 1990 году тираж составлял 3470 экземпляров, объем – 4 страницы, редактором была Р. М. Тагиева¹². Спустя годы газета стала переиздаваться в Баку. В 2002 году редактором газеты являлся Керим Керимли¹³.

Издание русской газеты в Арцахе стало актуальным в годы Второй мировой войны. С сентября 1940 г. по начало 1941 г. третья страница газеты «Советский Карабах» («Советакан Карабах») издавалась на русском языке. В 1941–1959 гг. и 1980–1989 гг. выходила в свет русская версия газеты – «Советский Карабах».

¹¹ См. там же, сс. 43–45.

¹² См. «Шуша», 18 августа 1990 г., № 98.

¹³ См. «Журналисты на войне в Карабахе». Ред. И. Максаков. М., 2002, сс. 77–82.

Впоследствии в Степанакерте стали публиковаться различные русскоязычные газеты*, которые продолжали традиции русскоязычных газет, издаваемых в Шуши в течение первых двадцати лет XX века.

* «ЧТО ДЕЛАТЬ» (Основатель – ООО «ЧТО ДЕЛАТЬ». Редактор Мурад Петросян); «НАШ ДОМ» информационно-рекламная газета (Основатель – ООО «НАШ ДОМ». Редактор А. Товмасян); «КУРЬЕР» (Основатель – частный предприниматель ООО «Нелли Марабян». Редактор Нелли Марабян); «ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ» МИД НКР. Составитель: Информационно-аналитическое управление МИД НКР. Основан в 1997 г.; «ВЕСТНИК МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ РЕСПУБЛИКИ». Редактор Леонид Мартиросян, с 1999 г. Типография «Амарас», г. Ереван. 36 стр.; «ВЫГОДНАЯ СДЕЛКА» рекламная газета. Основатель газеты: ЧП «Дадаян». Отпечатано в ООО «Дизак». С 2002 г., в Степанакерте; «ВКЛАД» рекламная газета (издавалась с 2003 г.); «СОВЕТСКИЙ КАРАБАХ»; «НК РЕСПУБЛИКА»; «АЗАТ АРЦАХ»; «РАССЛАБЬСЯ» (вкладыш к газете «Азат Арцах»).

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ШКОЛА В ШУШИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ

Г. Г. АРУТЮНЯН, доктор педагогических наук, профессор

История образовательной жизни народа Арцаха уходит в глубину веков, являя блестящие свидетельства беспримерного стремления нашего народа к просвещенности. Ведь если для народов, имеющих государственность и политическую независимость, школа и образование были и остаются лишь средством развития и прогресса, то для нашего народа, потерявшего свою государственность и на протяжении веков страдавшего под варварским игом чужеземцев, они прежде всего служили действенным оружием в борьбе за существование.

Школьное дело в Арцахе было основано еще в раннем средневековье. Открытая Месропом Маштоцом 1600 лет назад армянская школа в Амарасе стала тем плодотворным деревом мудрости, которое впоследствии пустило ветви также в других арцахских населенных пунктах. Благодаря усилиям выдающихся армянских деятелей, образовательные очаги Арцаха сохраняли свою жизнестойкость до 19-ого века – периода формирования новой армянской школы.

После присоединения к России возникли благоприятные условия для развития экономической, культурной жизни, просвещения и школы Арцаха. Крупнейший культурный центр Арцаха – город Шуши пережил во время русского господства экономический и культурный подъем, создав широкие торговые связи не только с

отдельными городами и районами Закавказья, но и восточными и западными странами.

События, имевшие место в политической жизни Шуши в начале XX века, непосредственно повлияли также на развитие просвещения и школьной жизни, задавая новые требования, новые задачи. Коренные преобразования, начатые в сфере просвещения и строительства школ, происходили под влиянием ряда факторов: 1) просветительское наследство, которое арцахский народ получил из богатого и поучительного прошлого, 2) объединение Восточной Армении, а вместе с ней и Арцаха с Россией, в результате чего развитие культуры, просвещения и школы в восточноармянской действительности начинает протекать в тесной связи с русской культурой, просвещением и школой, и наконец 3) та особенная роль, которую сыграла армянская церковь.

В начале XIX века в городе Шуши произошли значительные сдвиги в школьной жизни. В 1805 г. шушинец Мелик Азатян открыл частную школу с 35 учащимися, а в открытой Акопом Юзбашяном частной школе учились 45 человек¹. В этих школах учились также девочки, в них преподавали армянский язык, арифметику, религию, пение и музыку и рукоделие.

Выдающийся ученый, публицист, педагог Месроп Тагиадян в работе «Путешествие в Армению» свидетельствует, что он с католикосом Епремом осенью 1821 г. посетил и Шуши². По свидетельству Лео, известные династии и деятели Шуши: Ованес и Карапет Маркосяны, Тарумяны, Жамгаряны, Ага Баба Ахумян, Мнацакан Джалалян и другие, пригласили Тагиадяна для того, чтобы он воспитал их детей и дал им образование. Одна из комнат Тару-

¹ См. Национальный архив Армении (НАА), ф. 56, д. 78, л. 9, 43; Матенадаран, Архив Католикосата, папка 16, док. 396, л. 72.

² См. М. Тагиадян. Путешествие в Армению. Калькутта, 1847, с. 286 (на арм. яз.).

мянов была отведена под классное помещение³. Заслуживает внимания тот факт, что по настоянию католикоса Епрема в этой школе учились также дети из неимущего сословия. По свидетельству М. Тагиадяна, при шушинских церквях Агулецоц, Карабахцоц и Казанчецоц функционировали школы. В это время численность армянского населения Шуши составляла приблизительно 2500 человек⁴. Эти фактографические данные подтверждает также известный английский путешественник Георг Кепптель, который вместе с Тагиадяном был в Шуши⁵.

В городе Шуши и в уезде часть школ создавалась по инициативе духовных лиц, другие открывались усилиями людей, преданных делу образования и народного просвещения в качестве частных школ. В городе Шуши в сфере распространения просвещения и развития школьного дела большую роль сыграли в начале века первые просветители Арцаха: Овсеп Арцахеци, Погос Вардапет Карабахци⁶ (учениками которого в Тифлисской школе Нерсисян были Месроп Тагиадян, Хачатур Абовян, Степанос Назарянц⁷). Вся деятельность этих двух просветителей касалась проблем, возникших в жизни Арцахского армянства того времени. Это была эпоха борьбы зарождающихся идей национального возрождения против средневекового мировоззрения, когда армянская интеллигенция призывала народ к пробуждению, внушая ему надежду и веру в будущее.

³ См. *Лео*. История карабахской армянской Епархиальной духовной школы (1838–1913). Тифлис, 1914 сс. 85–86 (на арм. яз.).

⁴ См. *М. Тагиадян*. Ук. соч. сс. 86–87.

⁵ См. *Лео*. История карабахской армянской... , сс. 85–86.

⁶ См. Там же, с. 87.

⁷ См. подробнее *М. Сантросян*. Восточноармянская школа в I половине XIX в. Е., 1964, с. 167 (на арм. яз.); *его же*: История школы Нерсисян. Е., 1981, с. 110 (на арм. яз.).

В конце 20-ых годов XIX века в культурном центре Арцаха городе Шуши дело открытия училищ, а также культурное, просветительское и печатное дело приобрели широкий размах. Этому способствовало также то обстоятельство, что в 1823 г. там начала свою деятельность «Евангелистская проповедческая компания» Швейцарского города Базель. «Они разъезжают по различным сторонам Закавказья и выбирают в качестве наиболее удобного места для своей деятельности живописный и отличающийся с торговой точки зрения Шуши»⁸. Среди Базельских миссионеров наиболее выделялись Август Дитрих и Фелиция Джраремба. Эти проповедники, прибыв в Шуши, построили большое трехэтажное здание, разбив вокруг него сад⁹. Для эффективной реализации своих просветительских начинаний миссионеры установили тесные связи с известными просветителями Арцахской епархии Овсепом Арцахеци, Погосом Карабахци, Мирзой Фарухом (Арутюн Амирханян), дьяконами Барсегом и Мовсесом, а также с представителями армянской общественности Шуши.

В центре внимания Базельских миссионеров были два обстоятельства: увеличение числа учеников недавно открытого училища (в 1827 г. они основали в армянской части училище) и основание издательского дела. Если вначале в основанном базельцами училище училось 30–40 учеников, то в течение одного года их число достигло 130-и. Большая часть учащихся были карабахские армяне в возрасте от 10 до 18 лет¹⁰. Здесь преподавали армянский, чтение Ветхого и Нового Заветов, арифметику, географию, делали переводы с древнеармянского на новоармянский и наоборот. Эти предметы преподавали также местные армянские священнослу-

⁸ Лео. История карабахской армянской... , с. 87.

⁹ См. О. Гукасян. Протестантство среди Кавказских армян. Тифлис, 1886, с. 3–4 (на арм. яз.).

¹⁰ См. Р. Тер-Гаспарян. Шуши. Е., 1993, с. 96 (на арм. яз.).

жители и просветительские педагоги Овсеп Арцахеци, Погос Карабахци и другие.

Развитие школьной жизни в центре Арцахской епархии Шуши, как и в других епархиях Армянской Апостольской церкви, получило новый импульс с утверждением царским правительством «Устава закавказских училищ»¹¹. Согласно с этим уставом 30 декабря 1830 г. в Шуши открылось первое государственное уездное училище со 127 учениками, 5 учителями¹². Там преподавали религию, священную историю, чтение, чистописание, арифметику, армянский и русский языки.

Кроме государственного уездного училища, в Шуши функционировали: основанная священником Тер-Хачатуром школа с 15 учениками, школа Г. Арутюняна с 10 учениками, школа дьякона Аракеда с 20 учениками¹³. В этих школах в основном учили писать, читать, считать, преподавали также родной язык и религию.

Примечательно, что местное армянское население, жаждущее просвещения, принимало действенное участие и оказывало содействие в открытии Уездного училища и новых школ. В этих целях армянское население города Шуши собрало пожертвований на 523 р. 16 коп.¹⁴. Известно, что в это время самой трудной задачей, связанной с открытием и сохранением армянских школ, была проблема материально-денежных средств, нехватка которых очень часто становилась причиной их закрытия.

Итак, 11 марта 1836 г. самодержавием был утвержден устав ду-

¹¹ См. *М. Сантросян*. Ук. соч., сс. 36–37.

¹² См. там же, сс. 46–50.

¹³ См. *Г. Арутюнян*. Армянская школа Арцаха в 5–19 вв. Степанакерт, 2000, с. 20 (на арм. яз.).

¹⁴ См. *Лео*. История карабахской армянской... , с. 289.

ховного управления армянской просветительской церковью, известный как «Положение»¹⁵. Упомянутым уставом разрешалось во всех армянских епархиях открывать епархиальные школы. После Ереванской епархиальной школы (1837 г.) была основана армянская епархиальная школа и в городе Шуши. Еще в сентябре 1837 г. Эчмиадзинский синод распорядился, чтобы Консистория Арцахской епархии и епархиальный начальник Митрополит Багдасар Асан-Джалалян (1 июля 1837 г. Митрополит Багдасар был назначен главой Арцахской епархии и председателем Консистории той же епархии императорским приказом по совету католикоса Ованеса Карбеци) провели подготовительные работы для основания епархиальной школы в Шуши с составлением сметы. В 1838 г. Консистория Шуши представила Синоду смету «духовной школы и духовного училища» епархии¹⁶. На своем заседании 7 марта 1837 г. Синод решил открыть епархиальную школу: она была основана 22 июня того же года. Новая епархиальная школа Шуши имела 3 класса с 65 учениками и 2 учителями¹⁷.

Епархиальная школа Шуши, находясь в тяжелом материальном состоянии, после шести лет существования в 1844 г. была закрыта. Епархиальные власти обратились за материальной помощью к местному населению, и хотя результат был мизерным, тем не менее 17 августа 1845 г. школа вновь открылась. В то время в епархиальной школе насчитывалось 5 учителей, 45 учеников, из которых 31 клерикальных и 14 мирских¹⁸. В качестве попечителя епархиальной школы был приглашен инспектор царского училища

¹⁵ См. «Положение об управлении делами Армянской просветительской церкви России», принят 11 марта 1836 г.

¹⁶ См. *Лео*. История карабахской армянской... , с. 182.

¹⁷ См. НАА, ф. 56, папка 3, док. 293.

¹⁸ См. Матенадаран, Архив Католикосата, папка 116, док. 363; *Лео*. История карабахской армянской... , с. 183.

А. Хитров: он согласился бесплатно преподавать ряд предметов (русский язык, физику, математику и т. д.), а братья Калантаряны, не имевшей своего здания епархиальной школе на 8 месяцев предоставили свой дом. Кроме епархиальной школы, в 1848 г. в Шуши действовали 2 училища: одно – церковное, другое – уездное, русского типа¹⁹.

Одним из просветительских начинаний Главы Арцахской епархии Митрополита Багдасара было то, что он открыл две мужские приходские школы с 15-ю учениками, вел подготовительную работу по основанию в Шуши и девичьей школы. В 1853 г. глава епархии на свои средства купил просторный земельный участок в целях построить отдельное здание для своей уже созданной епархиальной школы. Но преждевременная смерть (1854 г.) оставила незавершенным это дело. После Митрополита Багдасара архиепископ Саргис из рода Джалалянов в 1872 г. довел до конца строительство здания епархиальной школы²⁰.

Вторая половина 19-ого века была поворотным пунктом в экономической, политической и культурной жизни армян Шуши. Школьно-просветительское дело было самым тесным образом связано с социально-экономическими отношениями, общественными и политическими движениями. Именно на фоне общего оживления общественно-культурной жизни школьно-просветительское дело в городе Шуши, начиная с 50–60-ых годов века, переживало подъём²¹.

¹⁹ См. «Положение Кавказского учебного округа на 1848». Кавказский учебный округ. Тифлис, 1848, сс. 25–26.

²⁰ См. подробнее *Г. Тер-Ованнисянц*. Краткая биография Багдасара митрополита Асана-Джалаляна. «Порц», 1880, № 5 (на арм. яз.). См. так же *Лео*. История карабахской армянской..., сс. 114–118; *С. Джалалян*. Путешествие по Великой Армении. Тифлис, 1858, с. 355 (на арм. яз.).

²¹ См. «Отчет Кавказского учебного округа». Тифлис, 1898, с. 25.

В 1858 г. по инициативе учителей епархиальной школы Шуши (Акоп Тер-Мовсисян, Николай Атабекян, Степанос Нерсисян и другие) было основано «Общество любителей чтения», которое открыло свою библиотеку-читальню (сентябрь 1859 г.). Она наподобие существовавшего в Константинополе с 1850 г. «Музея возрождения», «Братского Месроповского заведения» также называлась «Музеем возрождения»²². Во 2-ом номере журнала «Крунк Айоц ашхарин» за 1860 г. было опубликовано, что библиотека-читальня «является первой общинной организацией в столице Карабаха»²³. В этом деле существенную роль сыграли П. Аствацатрян, П. Бабаян и А. Баатрян (представители армянского общества Шуши), которые подарили читальне множество книг на армянском и русском языках.

Следуя поучительному примеру вышеупомянутых деятелей, в 1864 г. по инициативе Мариам Ахумян, Екатерины Баатрян и других основывается Общество армянских женщин Шуши – «Компания армянок, преданных нации», целью которой было открытие женских школ в Шуши. По инициативе Мариам Ахумян в 1864 г. Петрос Шаншян, Перч Прошян, Гарегин Меликсет Мурадян открывают в Шуши первую девичью школу²⁴.

«Игуменья Шушинского монастыря (Елизавета) Саргсянц занимала должность учительницы местных богатых девочек. Она в Шуши была известна под именем Скет»²⁵. В открытии и функционировании женской школы активное участие принимал

²² См. *Лео*. Тридцатилетие армянского благотворительного общества на Кавказе (1881–1911). Тифлис, 1911, с. 11 (на арм. яз.).

²³ См. «Крунк Айоц ашхарин», 1860, № 2, сс. 149–150 (на арм. яз.).

²⁴ См. *П. Прошян*. Воспоминания. Е., 1940, с. 55 (на арм. яз.); «Меху Айастан», 1884 г., № 90 (на арм. яз.).

²⁵ См. Предисловия Лео к Альбому «Гехагир» («Каллиграф») г-жи Александян. Тифлис, 1891, сс. 1–2 (на арм. яз.).

шушинский богач Амбарцум Ахумян, который предоставил новой школе 5 комнат своего дома. Согласно написанному П. Шаншяном, П. Прошяном и М. Ахумян уставу («Устав Карабахского Св. Богоматери девичьего училища Мариамян» (Шуши, 1864 г.)²⁶) девичья школа должна была готовить образованных армянок, которые смогли бы преподавать в приходских школах.

В 70–80-ых гг. 19-ого века получившее в армянской действительности размах просветительское движение оказало благотворное влияние также на Арцахскую епархию: здесь также начинали развиваться просвещение и школа. В это десятилетие в армянских школах Шуши плодотворную (двухлетнюю или кратковременную) педагогическую деятельность вело новое поколение армянских педагогов – специалистов-практиков, получивших педагогическое образование в России и Европе: С. Мандинян, Г. Агаян, А. Баатрян, С. Бекзадян, Н. Тер-Гевондян, Х. Степанэ и другие. Инспектор епархиальной школы Шуши Хорен Вардапет Степанэ осуществил ряд просветительских мероприятий.

В епархиальной школе были обеспечены высокий уровень преподавания естественных предметов и русского языка; в центре внимания руководства были проблемы благоустройства духовной школы и улучшения состояния преподавателей. Число учеников епархиальных школ во время Степанэ достигло 300²⁷. По инициативе национальных деятелей в Шуши был опубликован первый периодический педагогический и религиозный журнал «Айкакан ашхар» («Армянский мир») (1874 г.)²⁸. Поскольку после развала девичьей школы Мариамян (закрылась в 1872–1873 уч. году,

²⁶ См. П. Шаншян, П. Прошян. Открытие Карабахской Святой Мариамянского девичего училища. Шуши, 1864, с. 12 (на арм. яз.).

²⁷ См. «Мшак», 1874 г., № 52 (на арм. яз.); Лео. История карабахской армянской... , сс. 385–386.

²⁸ См. «Айкакан ашхар». Шуши, 1874, № 1 (на арм. яз.).

причины нам не известны) некоторые девочки из этой школы учились вместе с мальчиками, Х. Степанэ и упомянутые армянские деятели в Шуши в 1874–1875 учебном году открыли среднюю девичью школу Св. Рипсимэ²⁹. В том же учебном году усилиями Степанэ, Агаяна, Аристакаеса, учителей Седракяна, Амбарцума Ахумяна в Шуши заново открываются: при женском монастыре Анапатин Кусаноц (Монастырь Анапатин)–школа совместного обучения (учатся 12 мальчиков, 20 девочек), в армянской части города–при церквях Агулецоц, Мегрецоц, Ованес Мкртыч–школы совместного обучения Гаянян-Даниелян³⁰. В каждой школе учились по 40–50 учеников. Согласно опубликованным в журнале «Дпроц» («Школа») данным в 1870–1880 гг. в Шуши, кроме епархиальной школы и городского училища, действовали 10 армянских школ³¹.

Обобщая, можем отметить, что в данный период в Шуши основными типами действующих школ были приходские, духовные, женские, епархиальные и городское училище русского типа. Заметные сдвиги в школьной жизни объясняются тем, что Синод взял под свою юрисдикцию школы Арцахской епархии.

Начавшаяся в 80-ых гг. XIX века, особенно в половине 90-ых годов в сфере народного просвещения реакция более тяжело отразилась на армянской действительности, в том числе и в Арцахской епархии. Насколько возрастало национальное самосознание армянского населения, усиливалось стремление к самостоятельности, настолько самодержавие усиливало гонения – устанавливая строгий контроль над армянскими школами (согласно Уставу от

²⁹ См. «Дпроц», 1875 г., № 4, с. 132 (на арм. яз.).

³⁰ См. «Арарат», 1874, с. 275 (на арм. яз.).

³¹ См. «Дпроц», 1875–1876, ч. 1, № 4, с. 133.

16 февраля 1884 г.³²). Несмотря на создавшиеся в этом десятилетии неблагоприятные условия, выдающиеся армянские деятели – педагоги, писатели, деятели культуры, общественные деятели и ученые – значительно способствовали распространению просвещения в Шуши, развитию школьного дела.

На просвещение Шуши и подъем школьного дела повлияли разнородные просветительские начинания различных обществ и союзов. Имеются в виду созданный в 1881 г. в Шуши филиал «Армянского благотворительного общества Кавказа»³³ (инициаторами были Г. Аракелян, С. Ахумян, С. Сандинян и другие), «Градараин» («Библиотечное») (1886 г.), «Археологическо-музейное» (1886 г.), «Дпроцасирац» («Любителей школы»), «Татеракан» («Театральное») и другие общества, которые закрылись вместе с армянскими школами (1885–1905 гг.) и вновь открылись в 1906–1907 гг. Усилиями армянских деятелей культурно-просветительные, благотворительные общества достигли определенных успехов посредством сбора пожертвований, которые предоставлялись школам для ремонта зданий, обустройства библиотек-читален, выделялись средства и на издание периодического журнала «Кнар Хоснак» («Лирическая речь») в 1881 г., «Горц» («Дело») в 1882 г., «Азгагракан андес» («Этнографический журнал») в 1896 г.³⁴.

Исследования показывают, что в начале XX века, после того, как заново открылись школы в Арцахской епархии (согласно принятому в августе 1906 г. Правительством решению), в городе Шуши произошли значительные сдвиги в сферах образования и просвещения, расширилась сеть школ, библиотек-читален, культурно-про-

³² См. Лео. История карабахской армянской... , с. 205.

³³ См. Г. Арутюнян. Армянская школа Арцаха в 5–19 вв., сс. 27–28.

³⁴ См. С. Авакян. История печати Карабаха (1828–1920). Е., 1989, сс. 122–123 (на арм. яз.).

светительных заведений, постепенно повысился уровень грамотности населения.

Из статьи инспектора школ Арцаха Аракеляна «Образовательное дело в епархии Карабаха за 1911–1912 учебный год» становится известно, что в городе Шуши, кроме двух училищ русского типа и епархиальной школы, действовало 7 приходских одноклассных и двухклассных школ (первая – 1–3 класса, вторая – 4–5 класса), в каждой училось по 25–30 учеников и учениц³⁵. Из опубликованной в № 8 журнала «Арагат» за 1913 г. статьи следует, что четверо шушинских богачей – братья Погос, Аршак, Акоп и Абраам Гукасяны – для увековечения памяти своей усопшей сестры представляют Синоду Эчмиадзина прошение об основании девичьей школы «Мариам Гукасян»³⁶. Школа открывается 21 мая 1912 г. Братья Гукасяны подарили школе свой большой дом с просторным садом и крупную сумму, на проценты с которой возможно было бы не только содержать школу, но и увеличить количество классов, превратив ее в среднее учебное заведение.

На третьем году своего существования (1915 г.) она являлась довольно крупным учебным заведением с 11 педагогами и 320 ученицами. Важно также, что в 1917 г. там преподавался уже полный средний курс. Эти факты позволяют сделать вывод, что школа «Мариам Гукасян» открылась на базе девичьей школы Шуши, поскольку новосозданная школа не могла за 4–5 лет достичь среднего курса.

В 1906–1914 гг. как в уездах епархии, так и в городе Шуши расширилась сеть одноклассных и двухклассных начальных школ, издавались новые школьные уставы, учебники, разрабатывались учебные планы, программы, в которых первоочередное значение придавалось новоармянскому образованию.

³⁵ См. НАА, ф. 56, сп. 3, д. 543, л. 1–3.

³⁶ См. «Арагат», 1913, № 8–9, сс. 685–686.

В Шуши состояние просвещения значительно ухудшилось вследствие Первой мировой и гражданской войн, и в особенности межнациональных столкновений (1914–1920 гг.). Из существующих 16 армянских школ (6 из которых были частными) действовали немногие – реальное и городское училища, с перерывами – епархиальная школа, почти закрылись одноклассные, двухклассные школы, дети учились в частных школах.

Несмотря на то, что в эти годы политика национальных притеснений в той или иной мере задерживала развитие народного образования, тем не менее усилиями армянских деятелей в Шуши открывались школы нового типа. Знаменитый педагог Левон Вардуни в опубликованной в № 20 газеты «Пайлак» за 1917 г. статье «Школьная реформа» предлагал для подготовки высококвалифицированных учительских кадров основать в культурном центре Арцаха Шуши школу нового типа, где преподавались бы педагогические и психологические дисциплины³⁷. В то время для школ Арцахской епархии педагогические кадры готовили приходская школа и Реальное училище Шуши.

После закрытия Реального училища в 1920 г. действующая в том же здании общеобразовательная школа второй степени за 1921–1922 учебный год трансформировалась в учительскую семинарию, а за 1922–1923 учебный год – в педагогическое училище, став преемником Реального училища³⁸.

В рапорте первого народного комиссара просвещения Аршавира Камалаяна (окончил Реальное училище Шуши) отмечалось, что после установления советской власти в Нагорном Карабахе сеть школ первой степени (1–5 классов) неуклонно расширяется. Сог-

³⁷ См. «Пайлак», 1917, № 20; там же, № 25 (на арм. яз.).

³⁸ См. А. Хачатрян, Г. Арутюнян. Педагогическое училище Шуши. Степанакерт, 2006, с. 8 (на арм. яз.).

ласно этому рапорту, в Шуши действуют 1 двухступенная школа, педагогическое училище, 3 армянских школ первой степени.

В первые годы создания советской власти в армянской общине Шуши работы по восстановлению и перестройке народного образования проходили в весьма тяжелых условиях. После резни армян в Шуши многие из школьных зданий развалились, часть школ разместилась в частных домах и не была обеспечена материальными средствами, не было соответствующих педагогических кадров, в то время, как для прогресса образовательного дела азербайджанцев создавались благоприятные условия. Несмотря на все это, армянское общество Шуши и его прогрессивная интеллигенция оказывали большую поддержку просветительскому делу этой маленькой части армянства. Аршавир Камалян в своем рапорте отмечает также, что за 1923–1924 учебный год школы первой степени посещали дети 8–12 лет, а школы второй степени – 13–17 лет, Шушинское училище – с 15 лет. В то время в школу принимали детей с 8 лет (а в 1944–1945 учебном году – с 7 лет, в настоящее время – с 6 лет).

Народный комиссар просвещения Аракел Аракелян (народный комиссар просвещения НК в 1925–1927 гг.) в своем докладе отмечает, что если в области действуют 102 единые рабочие школы первой степени (7940 учеников и 212 учителей), 116 ликбезов с 3899 учащимися, то в городе Шуши действует 1 двухступенная школа, педагогическое училище, 4 армянских школ первой степени, 4 ликбеза с 224 учащимися³⁹.

В 1930-ых гг. в армянской образовательной жизни Шуши происходят численные и качественные изменения.

В этот период и последующие десятилетия (до движения 1988 года) к чести нашей интеллигенции XX в. надо отметить, что она в

³⁹ См. Г. Арутюнян. Развитие народного образования в Нагорном Карабахе. Е., 1985, сс. 95–96 (на арм яз.).

неблагоприятных политических условиях самоотверженно стояла на позициях национального прогресса, честно служа армянству края, и внесла неопределимый вклад не только в сферу развития науки, но и сохранения в НКАО очагов образования, обучив и воспитав не одно поколение, в дальнейшем на своих плечах вынесшее тяжелое, но почетное дело подготовки новых кадров арцахской интеллигенции.

В Шуши образовательное дело было в плачевном состоянии особенно в 1940-ые гг. В годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в общеобразовательных школах Шуши, как и в других учебных заведениях Нагорного Карабаха, все перестроилось в соответствии с требованиями военной обстановки. Занятость школьных зданий создала некоторые сложности для нормальной организации учебно-воспитательной работы с учениками и со студентами двухлетнего института. Большая часть учителей отправилась на фронт, в школах преподавали студенты педагогического училища и двухлетнего института. Из-за отсутствия терпимых условий помещений и контингента учащихся часть армянских школ (особенно начальные школы) была закрыта. В годы войны в городе Шуши непрерывно действовали педагогическое училище (армянским отделением руководил Арсен Хачатрян) и двухлетний учительский институт (директор – Агаси Сафарян), который в сентябре 1945 г. переехал в Степанакерт, где функционировал до 1953 года. В эти годы в армянских учебных заведениях Шуши произошли определенные изменения как в порядке поступления студентов, так и их количественного роста; студентов принимали собеседованием, без конкурса.

В послевоенные годы (1946–1988 гг.) в условиях арменофобской политики, проводимой правительством Азербайджана, власти Баку стремились любым способом подавить в Шуши подъем национального самосознания, ограничить рамки армянского образования и

создать широкие возможности для расширения сети азербайджанских школ, учебных заведений. Азербайджан вел целенаправленную политику по отчуждению армянского языка. В послевоенный период – до Арцахского освободительного движения – в Шуши функционировали только педагогическое училище, средняя школа № 1 и школа-интернат им. Х. Абовяна. И несмотря на то, что характерные для административного режима властей Баку парадность и формализм затеняли работы, осуществляемые в этих армянских очагах образования, но все же они сыграли значительную роль не только в спасении от уничтожения армянской культуры в Шуши, в просвещении поколений армян и наделении их профессией, но и в священном деле – в сохранении национальной идентичности армян не только Шуши, но и НКАО, да и всего Азербайджана.

В годы Арцахского движения (1988–1992 гг.) насильно выселенное из созданного армянами Шуши армянство после приобретения независимости снова вернулось в свою колыбель культуры – на своих предков, чтобы восстановить и перестроить разрушенные азербайджанцами здания, очаги образования и учебные заведения. В новые времена национального интеллектуального пробуждения в Шуши произошли существенные сдвиги не только в социально-экономических отношениях, духовно-культурной жизни, но и в сфере реформ новосформированной образовательной системы. Образовательная система всегда отображала те изменения, которые происходят в обществе, и была призвана удовлетворять новым требованиям.

В Шуши были перестроены и построены новые школьные здания. В этом направлении ощутимыми стали вложения благотелей из армянской Диаспоры, Армении, России. Сегодня действующие в Шуши школы (1 старшая, 1 основная, 1 музыкальная), средние специальные учебные заведения (Гуманитарное училище им. Арсена Хачатряна, музыкальная школа им. Даниела Казаряна) имеют

комфортабельные здания, хорошо оборудованные учебные кабинеты, спортзалы, компьютерные центры, богатые библиотечные фонды и т. д. На данном этапе реформирования школы основной задачей является обеспечение качества. И сегодня важнейшей государственной и национальной задачей считается сохранение высокого уровня образования, обеспечивающего конкурентоспособность на международной арене.

Воспринимая эту истину, власти Нагорно-Карабахской Республики уделяют большое внимание этой сфере. 5 октября 2012 г. в своем выступлении на юбилейном вечере, посвященном Дню учителя, президент Б. Саакян справедливо указал, что сегодня, четко сознавая, что зеркалом общества является национальная школа, мы должны обернуться лицом к школе, к строительству учебно-научных, средних специальных заведений и национальных школ, к нашей единственной истинной жизнеспособной формуле – сохранению национальной идентичности, армянского образа жизни, большому делу национально-государственного строительства, главной основой которых является национальная школа.

МАСТЕРА АРМЯНСКОГО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА НОВОГО ВРЕМЕНИ И ШУШИ

*А. В. АГАСЯН, доктор искусствоведения, профессор, директор
Института искусств НАН РА*

Культурная жизнь Шуши успешно развивалась в начале XX века. Одним из заметных культурных событий города Шуши стало открытие в 1903 году персональной выставки уроженца зангезурского села Агарак, воспитанника Петербургской Академии художеств Микаела Микаеляна (1873–1943 гг.), детство которого прошло в Шуши¹. Эта выставка, на которой были представлены небольшие по размерам портреты, фигурные и жанровые композиции, образцы анималистического жанра, стала первой в художественной жизни не только Шуши, но и всего Закавказья демонстрацией армянской скульптуры. Шушинцем по рождению был и работавший преимущественно в области графики Микаел Хунунц (1883–1931 гг.).

Говоря о Шуши и касаясь области армянского изобразительного искусства нового времени, мы прежде всего вспоминаем имена талантливых живописцев-портретистов Степаноса Нерсисяна и Степана Агаджаняна, а также выдающегося скульптора Акопа Гюрджяна, жизнь и творчество которых неразрывно связаны с историей города.

Степанос Нерсисян (1815–1884 гг.) внес заметный вклад в развитие не только портретного жанра, но и изобразительного искусства

¹ См. *М. Саргсян, Г. Арутюнян*. Скульптор Микаел Микаелян. «Вестник архивов Армении». Е., 1965, № 2, с. 131 (на арм. яз.).

Армении в целом. Он родился в Ереване, начальное образование получил в Эчмиадзине, а затем в школе Нерсисян в Тифлисе, по окончании которой в 1835 году отправился в Петербург для поступления в Академию художеств. В 1840 году, завершив учебу в Академии и получив звание «некласного художника», Нерсисян еще некоторое время оставался в Петербурге, совершенствуя свое мастерство. Жил он на квартире у Ивана Айвазовского, а спустя год после получения аттестата об окончании Академии художеств отправился в длительное путешествие по Европе². Лишь в 1846 году Нерсисян возвратился в Тифлис.

Начиная с 1848 года он не только бывал, но и надолго оставался в Шуши, где в армянской церковно-приходской школе давал уроки рисования и чистописания. Здесь художник создал несколько портретов, среди которых выделяется написанный маслом «Портрет карабахца с курительной трубкой» («Горец», 1848). Есть основания думать, что именно в Шуши Нерсисян начал работать над портретом внучатого племянника католикоса Овсеп Аргутяна, генерал-лейтенанта, а затем и генерал-адъютанта русской армии князя Мовсеса Аргутинского-Долгорукого, который в 1829 году был назначен начальником Армянской области, а в 1847 году – командующим войсками и гражданским губернатором Прикаспийского края, в подчинении которого находился уездный город Шуши. Завершенный уже в Тифлисе небольшой по размерам, выполненный маслом погрудный и профильный «Портрет Моисея Аргутинского-Долгорукого» (1849) представляет полководца в генеральском мундире и с непокрытой головой. Это типичный пример хорошо разработанного западноевропейскими и русскими мастерами первой половины XIX века парадного, несколько романтизированного портрета. Но в данном случае наряду с переда-

² См. *М. Казарян*. Степанос Нерсисян. «Известия Академии наук Армянской ССР». Общественные науки. Е., 1962, № 1, с. 38 (на арм. яз.).

чей внешнего сходства художнику удалось придать естественную, раскованную позу фигуре модели, наделить образ определенной психологической глубиной, выразить главные черты характера своего героя – твердость, решительность, смелость и силу воли.

В своих портретах Степанос Нерсисян предпочитал изображать людей, которые, по его словам, «собственной жизнью и делом заслужили право остаться в сердцах и памяти поколений». В числе этих людей встречаются образы не только создателей армянской письменности Месропа Маштоца и Саака Партева, но и современников Нерсисяна – католикоса Нерсеса Аштаракского, питомцем которого был художник, армянских генералов русской армии Василия Бейбутова и Арзаса Тер-Гукасова, актрисы Софьи Мелик-Назарян и ее супруга – общественного и культурного деятеля Григора Измиряна, издателя Амбарцума Энфиаджяна и других. Изредка художник обращался и к образам частных лиц: «Портрет неизвестного студента» («Юноша из Лазаревской семинарии», 1845 г.), «Портрет неизвестной женщины» (1849 г.). Среди этих произведений встречаются как строго официальные или представительные, парадные портреты («Католикос Нерсес Аштаракский», 1856 г., «Генерал Василий Бебутов», 1857 г.), так и более живые и непосредственные камерные портреты («Софья Мелик-Назарян», «Григор Измирян», оба – 1865 г.). Настроением светлой печали, созерцательной атмосферой проникнута одна из наиболее удачных работ Степаноса Нерсисяна – недатированный «Портрет Г. Акимян». В чертах лица уже немолодой, но все еще привлекательной, облаченной в национальный костюм женщины, в темных миндалевидных глазах, легком наклоне головы, во всем внешнем облике героини отражены ее внутренние переживания и думы.

Широкой популярностью пользовались последние из известных живописных полотен Нерсисяна – упомянутые выше крупные по размерам исторические портреты Месропа Маштоца и Саака Пар-

тева, написанные им за два года до смерти, в 1882 году. Создавая их, художник следовал иконографическим схемам, разработанным старыми европейскими мастерами для передачи образов библейских пророков, апостолов и отцов церкви. С целью популяризации, распространения среди широких слоев народа этих портретов, созданных им для расположенного недалеко от Елизаветполя (Гандзак) армянского монастыря Сурб Таргманчац (Святых Переводчиков)³, Нерсисян множил, тиражировал их уменьшенные копии с помощью литографского камня.

Одним из первых примеров жанровой композиции в армянском изобразительном искусстве нового времени является картина Степаноса Нерсисяна «Пикник на берегу Куры». Есть что-то общее между этим произведением и созданной несколько ранее картиной великого русского поэта Михаила Лермонтова «Вид Тифлиса» (1837 г.), а также этюдом «Лезгинка» (1840 г.) и акварелью «Танцующие грузинки» (1847 г.) жившего в те годы в Тифлисе русского художника-любителя, князя Григория Гагарина.

В творческой биографии художника важное значение имеют и годы, проведенные им в Шуши. Художник впервые посетил Шуши в 1848 году, а в течение 1857–1865 годов, почти целое десятилетие, жил и работал там⁴. По всей видимости, С. Нерсисян и впоследствии (в 1870-е годы) на некоторое время возвращался в Шуши, поскольку в фонде гражданских дел главного управляющего на Кавказе сохранилась записка с просьбой об освобождении от государственного налога проживающего в Шуши Степаноса Нерсисяна⁵.

Больше достоверных, проверенных фактов мы имеем относитель-

³ См. «Ардзаганк». Тифлис, 1883, № 4 (на арм. яз.).

⁴ См. *М. Саргсян*. Степанос Нерсисян. Е., 1985, сс. 43–47 (на арм. яз.).

⁵ См. *М. Казарян*. Ук. соч., с. 40.

но второго, на сей раз длительного, многолетнего пребывания Нерсисяна в Шуши. Известно, что в 1857 году он был приглашен туда для работы в армянской церковно-приходской школе. Получив приглашение, художник сразу же принял его. Прибыв в Шуши, Нерсисян поселился в доме одного из влиятельных лиц города Амбарцума Ахумяна, где часто собирались и беседовали о злободневных общественных и культурных проблемах, вопросах образования представители местной армянской интеллигенции – писатель Перч Прошян, педагог Петрос Шаншян, филолог Гарегин Мурадян (впоследствии известный как духовный предводитель армян Смирны архиепископ Мелхиседек) и другие. Именно в этой патриотически настроенной среде оказался Степанос Нерсисян и именно здесь зародились передовые идеи и проекты об открытии в городе публичной библиотеки-читальни, о реформе армянской церковно-приходской школы, о пересмотре ее учебных программ и методов преподавания.

Веря в то, что над армянским народом «взошло утро национально-го счастья, которое никогда не померкнет», художник выступил с открытым письмом на страницах издаваемого в Тифлисе ежемесячного журнала «Крунк Айоц ашхарин» («Журавль Армении»), где подчеркивает важность просветительской деятельности во благо народа и описывает культурные события Карабахской провинции⁶.

Во второй половине 1850-ых годов в среде шушинских книголюбов возникает мысль об устройстве в родном городе, по примеру армян Константинополя, библиотеки-читальни. Эту мысль активно поддерживает и Степанос Нерсисян. К сожалению, мечта армянских интеллигентов Шуши воплотилась в жизнь лишь спустя тридцать с лишним лет – 10 марта 1889 года, когда ни самого Нерсисяна, ни многих из его сверстников уже не было в живых.

⁶ См. «Крунк Айоц ашхарин». Тифлис, 1861, сс. 298–301 (на арм. яз.).

Присутствовавший на открытии публичной библиотеки-читальни уроженец Шуши, тогда еще молодой армянский историк Лео, впоследствии написавший историю армянской церковно-приходской школы Карабаха, окрестил шушинскую библиотеку «музеем возрождения», под крышей которого «со всем усердием проповедовались идеи наших тогдашних передовых деятелей – Назаряна, Налбандяна, Шансяна»⁷.

Первоочередной задачей было воспитание молодого поколения в духе национальных традиций. Нерсисян был глубоко убежден в том, что получившие на местах армянское образование одаренные юноши и девушки должны после этого «приобщиться к высоким знаниям и ремеслам в университетах и мастерских просвещенных держав с тем, чтобы по возвращении на родину пополнить отечественные сокровищницы – точно так же, как поступили когда-то наши вернувшиеся из Афин святые предки»⁸. Уже скоро предпринятые деятелями армянской культуры последовательные шаги в этом направлении дали свои первые плоды. В 1860 году руководящим органом армянской церковно-приходской школы, которая состояла тогда из одного подготовительного и двух основных классов и имела около ста учащихся, становится ее выбранный городским обществом попечительский совет, и церковь, таким образом, лишается права единолично контролировать учебный процесс и решать все школьные дела. Вырабатывается и утверждается новый школьный устав, согласно которому главной задачей и целью провозглашается не только подготовка «достойных служителей и сановников Армянской церкви», но и воспитание «образованных и просвещенных членов для армянского общества»⁹.

⁷ Лео. История карабахской армянской Епархиальной духовной школы (1838–1913). Тифлис, 1914, с. 247 (на арм. яз.).

⁸ См. «Крунк Айоц ашхарин», 1861, с. 298.

⁹ Лео. Ук. соч., с. 253.

Одним из таких беззаветно преданных делу воспитателей юного поколения и стал Степанос Нерсисян.

Писатель Перч Прошян, который в те годы вел уроки армянского языка, литературы и истории в армянской церковно-приходской школе Шуши характеризовал личность и отзывался о деятельности художника в Шуши: «Выпускник Петербургской Академии художеств, опытный портретист Нерсисян являлся одним из тех людей, которые стараются действовать, не выпячивая собственную личность... Характерной его чертой было... стремление следовать современным требованиям и молча, по мере сил и возможностей, способствовать общему делу... На этом пути он многие годы находился в рядах тех, кто трудился ради прогресса и непрерывного развития армянской церковно-приходской школы Карабаха»¹⁰.

В деле просвещения народа, воспитания эстетического вкуса шушинских школьниц и барышень заметную роль сыграл организованный по инициативе Нерсисяна кружок рукоделия. Художник принимал активное участие и в открытии в Шуши 7 апреля 1864 года женской гимназии Мариамян (Святой Марии) – еще одного очага национального образования, открытого «с целью подготовки просвещенных воспитательниц и матерей»¹¹.

С точки зрения профессионального мастерства и полноты психологической характеристики образов более убедительны и интересны портреты Степана Агаджаняна (1863–1940 гг.) – художника, обладавшего высокой живописной культурой, продолжателя реалистических традиций XIX века, творческое наследие которого насчитывает более 130 картин. Он родился в Шуши и был старшим ребенком в многодетной семье портного Меликсета, который поль-

¹⁰ П. Прошян. Забытая могила. «Гараз». Тифлис, 1902, № 12, сс. 20–21 (на арм. яз.).

¹¹ Лео. Ук. соч., с. 101.

зовался уважением в ремесленной среде города, слыл человеком живого нрава и острого ума. Будучи мудрым и любознательным человеком, он не жалел средств на то, чтобы дать своим детям приличное образование.

Степан сначала учился в армянской церковно-приходской школе (1872–1881 гг.), а затем – в только что открытом в городе русском Реальном училище (1881–1884 гг.). После этого в течение двух лет он жил и работал в Баку, где помогал своему дяде в его торговых делах. С различного рода деловыми поручениями он побывал не только в городах Закавказья, но даже в Средней Азии, что, несомненно, расширило его умственный кругозор, обогатило его новыми жизненными впечатлениями. Однако деловая торговая атмосфера тяготила наделенного тонкой душой художника юношу. Он мечтал получить профессиональное образование, развить в себе очень рано и ярко проявившийся природный дар рисовальщика и живописца. По счастливому стечению обстоятельств вскоре его вызвал к себе другой дядя – Аслан Кочарян, который по торговым делам находился тогда в крупном портовом городе Франции Марселе. Взяв на себя заботу о племяннике и желая дать ему высшее техническое образование, Аслан Кочарян устроил Агаджаняна в один из частных пансионов с тем, чтобы тот освоил французский язык и получил надлежащее общее образование.

Вскоре учитель рисования Амэ обратил внимание на незаурядные художественные способности своего юного подопечного и посоветовал Аслану определить племянника в местное художественное училище. Поначалу не вняв этому совету и думая обучить Степана более «полезной» специальности, дядя отдал племянника в техническое училище Марселя. Но Агаджанян договорился с ним, что параллельно с этим будет посещать и художественную студию города. А спустя еще какое-то время он прекратил свою учебу в техническом училище и целиком посвятил себя живописи. В

стенах Художественной студии Марсея он провел несколько лет (1886–1890 гг.), а в 1897 году, несмотря на тяжелые материальные условия, в которых он оказался после того, как его дядя покинул Марсель, продолжил учебу в одном из самых доступных и популярных художественных заведений Европы – в частной Академии Робера Жюлиана в Париже, в классах исторической живописи и портретного жанра, которыми руководили профессора Жан-Поль Лоранс и Бенжамен Констан. Здесь он получил основательное профессиональное образование, постоянно шлифуя свое мастерство в богатых музейных собраниях Парижа, главным образом – в Лувре, где усердно изучал и копировал произведения Рембрандта, Веласкеса, Делакруа и Курбе, искусство которых оказало серьезное влияние на его творчество. Посещал он и выставки современного французского и западноевропейского искусства, но большого впечатления на него они не произвели.

Сохранилось несколько студенческих, академических работ Агаджаняна, в основном датированных 1899 годом, среди которых есть как написанные маслом, так и выполненные карандашом или углем живописные и графические произведения – этюды и эскизы представленных в различных позах и ракурсах натурщиков и натурщиц. В собрании Ростовского областного музея изобразительных искусств хранится «Натурщик», написанный Агаджаняном в Париже и показанный им в 1918 году на выставке только что образованного Ростовско-Нахичеванского Союза художников живописи, ваяния и зодчества.

В 1900 году художник вернулся в Шуши. В патриархальной среде провинциального городка прибывшему из художественной столицы Европы живописцу трудно было найти должное понимание и признание. Оказавшись практически не у дел – без денег и без заказов, он некоторое время вынужденно занимался непривычной ему оформительской работой: писал эскизы декораций и внут-

ренного убранства для театра Хандамиряна, в вестибюле которого вывесил некоторые из своих картин, расписывал дома состоятельных горожан, ретушировал фотографии. Однако не имея не только постоянного заработка, но и достойных условий для полноценного творчества, он вскоре принял решение покинуть Шуши и вновь возвратиться в Париж. Но обстоятельства сложились так, что около полутора лет Агаджанян прожил в Баку, где писал декоративные панно, расписывал вывески для магазинов и погребков, выполнял унизительную для него работу копииста¹². В 1903 году, по пути во Францию, он временно остановился в Москве, через год оказался в Новой Нахичевани (ныне Пролетарский район Ростова-на-Дону), где ему суждено было провести 18 лет, а в 1922 году окончательно обосновался в Ереване.

Конечно, жизнь в Шуши и Баку нельзя назвать периодом полного творческого простоя Агаджаняна. В эти годы, несмотря на отмеченные выше трудности и преграды, он, тем не менее, успел создать ряд замечательных живописных работ, наиболее удачными из которых являются написанные в 1900 году крупные по размерам портреты отца Меликсета и мачехи Мины в традиционных для армян Карабаха национальных костюмах, с четками в руках, на фоне карабахских ковров. Кроме того, в Шуши и окрестностях города он выполнил с натуры, на открытом воздухе несколько свежих по живописи, выдержанных в более светлых тонах пленэрных пейзажных картин и этюдов – таких, как «Карабахский пейзаж» (1900 г.) или «Нагорный Карабах» (1901 г.).

В работах, созданных им в Ростове и Нахичевани, Агаджанян обращается к образам как простых людей из трудового народа («Ростовский столяр», 1910 г., «Рабочий», 1910 г., «Таганрогский

¹² См. «Каталог выставки произведений заслуженного деятеля искусств Степана Агаджаняна. К сорокалетию творчества» (с предисловием художника Эдуарда Саркисяна). Е., 1938, с. 33.

рыбак», 1919 г.), так и представителей армянской интеллигенции («Портрет архитектора и художника Хачатура Усикянца», 1908 г., «Портрет художника Амаяка Арцатбаняна», 1909 г., «Портрет писательницы Мариэтты Шагинян», 1916 г., «Портрет переводчика Якова Хачатрянца», 1919 г.). В ряде картин Агаджаняна изображены родные и близкие ему люди («Портрет племянницы», 1907 г., «Портрет жены», 1916 г.). В Ростовском областном Музее краеведения хранится совершенный по мастерству исполнения, выразительный автопортрет мастера, написанный им в 1909 году. Не в пример упомянутым выше портретам мачехи и отца – это, в основном, небольшие по размерам, данные крупным планом лицевые или профильные портреты, в которых модели обычно предстают перед зрителем на сильно затемненном или гладком нейтральном фоне. Воспроизводя индивидуальные черты моделей, передавая их конкретные психологические и эмоциональные состояния, Агаджанян иногда достигал и широких образных обобщений («Думы. Портрет Е. С. Суховой», 1914 г.).

Известно, что несколько раз Агаджанян отлучался из Ростова и бывал в Шуши, что как первая, так и вторая его жены были родом из Карабаха, однако не сохранилось ни одной картины, созданной им в это время на родине.

С Ереваном связан последний, почти двадцатилетний, наиболее активный и плодотворный для художника период его творческой, педагогической и общественной деятельности. В 1923 году он стал одним из учредителей Товарищества работников изобразительного искусства Армении, долгие годы вел уроки живописного мастерства в основанной в Ереване в 1921 году Государственной художественно-технической школе (ныне – Ереванское художественное училище имени Фаноса Терлемезяна), участвовал во многих республиканских и всесоюзных выставках. В 1927 году ему

было присвоено почетное звание заслуженного деятеля искусств, а в 1938 году – народного художника Армянской ССР.

Одним из крупнейших армянских мастеров XX века был уроженец Шуши Акоп Гюрджян (1881–1948 гг.), который родился в многодетной семье мелкого торговца Маргара Гюрджяна. В раннем возрасте потеряв родителей, он воспитывался под надзором своего старшего брата Григора. В течение семи лет – с 1889 по 1896 годы, Акоп посещал русское Реальное училище Шуши, где его учителем армянского языка был известный этнограф и археолог Ерванд Лалаян.

Именно в школьные годы впервые проявились художественные способности мальчика – не только врожденный дар скульптора, но и незаурядные вокальные данные. Не случайно, в 1894 году, когда в Шуши приехал замечательный композитор, хормейстер и фольклорист Христофор Кара-Мурза и собрал любительский хор, он принял в свой певческий коллектив и совсем еще юного Акопа Гюрджяна.

В творческой судьбе будущего скульптора заметную роль сыграл Степан Агаджанян, с которым Акоп познакомился в Шуши в 1900 году. Длительные беседы, совместная работа над этюдами на открытом воздухе в окрестностях города с только что завершившим учебу в Париже и вернувшимся на родину живописцем еще более углубили интерес юноши к изобразительному искусству.

После окончания Реального училища Гюрджян уехал в Москву, где на протяжении пяти лет – с 1899 по 1904 годы, учился в частном Реальном техническом училище богатого домовладельца Ивана Фидлера, освоив профессию чертежника. Продолжая заниматься ваянием, он близко сошелся с автором московского памятника Н. В. Гоголю Николаем Андреевым, часто бывал в мастерской знаменитого скульптора Паоло Трубецкого, с которым также установил тесные дружеские контакты.

В течение двух лет – с 1904 по 1906 годы, в качестве добровольца Гюрджян служил в военно-инженерном батальоне в Баку, где стал свидетелем массовых армянских погромов. Позже, в 1912 году, мысленно обращаясь к этим кровавым событиям, он создал «Бегство» – крупную скульптурную композицию из гипса.

В 1906 году Гюрджян женился на дочери одного из наиболее состоятельных горожан Шуши Айкануш Галамян* и уехал во Францию, где год проучился в Медицинском университете Монпелье, хорошо усвоив анатомию, после чего перебрался в Париж и поступил в Академию Жюлиана. Здесь за три года обучения он приобрел глубокие профессиональные знания и необходимые навыки под руководством Рауля Шарля Верне, Анри Леона Гребера и Поля Ландовского, а в начале 1910-х годов посещал мастерскую Огюста Родена. Кроме того, в залах Лувра и Люксембургского музея Гюрджян основательно изучил творческие принципы и подходы как древневосточных (в частности, древнеегипетских) и древнегреческих, так и старых европейских мастеров ваяния. Наконец, немаловажную роль в творческой ориентации молодого шушинца сыграло его знакомство с такими передовыми французскими скульпторами того времени, как Эмиль-Антуан Бурдель, Аристид Майоль и Шарль Деспю.

В мастерской Акопа Гюрджяна, которую он приобрел в Булони, одном из пригородов Парижа, и которую любовно окрестил именем «Шуша», были созданы его первые, в основном высеченные в мраморе или отлитые в бронзе произведения – отмеченные ностальгией по родине рельефы «Пахота» («Оровел», 1910 г.) и «Армянские крестьянки» (1910 г.), решенные в реалистической

* Образу своей первой жены – одаренной певицы и пианистки Айкануш Галамян, с которой в свое время он пел в любительском хоре Шуши, А. Гюрджян посвятил две скульптурные миниатюры: гипсовые статуэтки, созданные, по всей вероятности, в самом начале 1910-ых годов.

манере, камерные по звучанию скульптурные портреты Маргариты Ширванзаде (1910 г.), Аршака Чопаняна (1911 г.) и Максима Горького (1912 г.), а также навеянная картинами Михаила Врубеля фигура спящего Демона (1912 г.).

На выставках Салона французских художников и Национального общества изящных искусств в Париже наряду с этими работами были представлены и лучшие произведения Гюрджяна этих лет – «Голова Христа» («Мертвый Христос», 1914 г.), бюст пианиста, дирижера и композитора Исаея Добровейна (1913 г.) и «Лев Толстой» («Мыслитель», 1914 г.), которые привлекают внимание выразительной и острой передачей как внешнего облика, так и духовного мира героев. Гюрджян умело использовал в них физические свойства и пластические качества мрамора и известняка. Под его резцом поверхность камня ожила, задышала, озарилась внутренним светом.

В совершенно ином – роденовском духе, с классической ясностью пластических форм, но в то же время с живым импрессионистическим трепетом и точностью психологического рисунка решены скульптурные образы И. Добровейна и Л. Толстого, представленные в момент творческого горения, кульминации духовных и интеллектуальных сил.

В 1916 году, находясь в Тифлисе, Гюрджян исполнил портреты писателя Александра Ширванзаде, полководца Андраника Озаниана и богатого мецената Александра Мелик-Азарянца, которые отличаются энергичной пластической лепкой, динамичной композицией и меткими психологическими штрихами.

В 1920-ые годы искусство скульптора переживает небывалый расцвет. Именно в это время он создает десятки замечательных произведений, принимает участие в выставках французских, армянских и русских художников, организованных в различных

городах мира. В 1924 году в Нью-Йорке, а через два года в Париже открываются его персональные выставки. В руководимой им художественной студии набираются опыта молодые одаренные скульпторы. Работы Гюрджяна приобретают не только частные собиратели, в том числе и армяне, но и государственные музеи Парижа, Брюсселя, Белграда, Токио. Его творчество привлекает к себе внимание таких авторитетных французских критиков и искусствоведов, как Гюстав Кан, Луи Воксель, Дени Рош, Максимилиан Готье и другие, а в 1952 году, уже после смерти скульптора, в Париже на французском и армянском языках выходит в свет небольшая монография о его искусстве¹³.

В эти годы значительно расширяется тематический репертуар творчества Гюрджяна. Наряду с портретом на первый план выдвигается сюжетная скульптура. Он часто обращается к образам и мотивам античной мифологии, Ветхого и Нового Заветов, к историческим событиям и лицам («Леда», 1922 г., «Диана», 1922 г., «Ангел», 1923 г., «Снятие с креста», 1923 г., «Пьета», 1923 г., «Клеопатра», 1924 г., «Саломея», 1926 г.). В творчестве Гюрджяна 1920-ых годов видное место занимают произведения, в которых обыгрываются музыкальные, танцевальные, зрелищные и спортивные мотивы («Арфистка», 1922 г., «Танцовщицы», 1922 г., «Музыка», 1923 г., «Танец», 1923 г., «Бокс», 1923 г., «Бой с быком», 1923 г., «Танго», 1925 г.). В некоторых из них скульптор своеобразно использует художественные принципы и приемы кубизма и футуризма.

В своих многочисленных портретах этих лет, среди которых преобладают женские образы, он применяет все новые выразительные средства и художественные приемы, еще более углубляет эмоциональную и психологическую характеристику своих моделей, подчеркивая не только их неповторимые индивидуальные, но

¹³ См. *Maximilien Gauthier. Gurdjian. Paris, 1952* (с параллельным армянским переводом Аршака Чопаняна).

и национальные черты и особенности: «Тигран Хан-Келекян» (1921 г.), «Госпожа Сабатье» (1923 г.), «Госпожа Кричевская» (1924 г.), «Персиянка» (1924 г.), «Алиса Смирнова» (1925 г.), «Голова негра» (1926 г.), «Мартiros Сарьян» (1927 г.), «Георгий Якулов» (1927 г.).

В 1930-ые годы отмеченные тенденции получает дальнейшее развитие в лучших портретных работах скульптора, среди которых особенно выделяются «Актриса Генриетта Паскар» (1933 г.) и «Католикос Гарегин Овсепян» (1935 г.).

Многие из анималистических скульптур Гюрджяна («Сиамская кошка», 1932 г., «Лисица», 1934 г., «Обезьяна-попрошайка», 1938 г., «Борзая», 1939 г.), по меткому замечанию Р. Дрампяна, получили почти «портретное» воплощение, поскольку в них автор стремится не просто представить ту или иную породу животных, но и выявить присущие характеру каждой особи неповторимые свойства: смелость, осторожность, трусливость, хитрость, сметливость, любознательность и т. д.¹⁴

Гюрджян скончался в 1948 году. Спустя семь лет после смерти скульптора на площади Льва Толстого в Париже был установлен упомянутый «Мыслитель» армянского мастера. Выступая с речью на торжественном открытии памятника, член Французской академии писатель Андре Моруа сказал: «Годы назад, впервые в истории Парижа, как исключение, на площади Альма был воздвигнут памятник польскому писателю Сенкевичу. Сегодня, 25 мая 1955 года, когда наша столица в зеленом убранстве, мы открываем памятник второму иностранцу – Льву Толстому, выполненный тоже иностранцем, парижанином, ныне покойным, талантливым армянским скульптором Акопом Гюрджяном»¹⁵.

¹⁴ См. Р. Г. Дрампян. Акоп Гюрджян. Е., 1973, сс. 70–72.

¹⁵ См. Ашот Арзуманян. Скульптор Акоп Гюрджян. «Огонек». М., декабрь 1982, № 50, с. 28.

Прошло еще несколько лет – и исполнилось последнее желание Гюрджяна: вернулись на родину и заняли почетное место в Государственной картинной галерее Армении его личный архив и богатое творческое наследие – около 450 скульптурных и графических произведений.

К сожалению, до сих пор так и не сбылось еще одно заветное желание мастера: он мечтал увидеть высеченной на окрестных скалах родного Шуши созданную им еще в 1923 году в нескольких вариантах монументальную по формам, аллегорическую по замыслу и, как оказалось, пророческую скульптуру «Победа», решенную в виде развернутого на плоскости двустороннего барельефа¹⁶.

Таким образом, заключая сказанное, еще раз отметим, что в течение долгих лет – начиная с середины XIX века и вплоть до конца 1910-х годов – Шуши являлся одним из наиболее крупных и важных центров армянской национальной культуры. В этом городе родились, здесь жили и творили многие выдающиеся деятели армянского искусства, здесь происходили многие значительные события художественной жизни – музыкальные вечера и концерты, театральные и цирковые представления, выставки мастеров армянской живописи и скульптуры, которые уже давно и прочно вписаны в летопись армянского искусства нового времени. Невозможно восстановить объективную и полноценную картину армянской художественной культуры без обращения к тем бесценным страницам ее истории, которые связаны с этим замечательным городом.

¹⁶ См. *Р. Г. Драмбян. Ук. соч.*, с. 55.

ШУШИ – «КОНСЕРВАТОРИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ»

*А. Г. АСАТРЯН, доктор искусствоведения, профессор,
заместитель директора Института искусств НАН РА*

«Накануне 1920 года Шуши был цветущим музыкальным оазисом. Здесь, как в аллее соловьев, звучала снискавшая «всевосточную» славу музыка».
Мариэтта Шагинян¹

Шуши сыграл значимую и весомую роль в развитии композиторского и исполнительского искусства Закавказья, Средней Азии и России, а также Диаспоры. Город не случайно назывался «Консерваторией Закавказья». Здесь бурлила активная музыкальная жизнь, что, в свою очередь, способствовало повышению музыкального уровня шушинцев. В музыкальной среде Шуши как музыканты сформировались такие видные деятели музыкального искусства, как Григор Сюни, Егише Багдасарян, Даниел Казарян, Аршак Костанян, Богдан Туманян, Ованес Иоанисян, Александр Александрян, Григор Меликян, Бала Меликян и другие.

Значительна роль Шуши и в развитии народного музыкального искусства. Получившие широкую известность в Закавказье шушинские музыканты подняли на новую ступень исполнительское мастерство на народных музыкальных инструментах (тар, кеманча, зурна и другие), разработали и усовершенствовали разные жанры восточной музыки.

Многие из шушинских музыкантов посвятили плодотворную

¹ См. *Ц. Брутян*. Арцахский дух в музыке. Е., 2000, с. 34 (на арм. яз.).

деятельность развитию национальной музыки не только своего, но и других народов.

Музыкальная жизнь в Шуши была ключом. И в этом большую роль сыграла шушинская епархиальная школа, где преподавание пения и музыки находилось на высоком уровне, а школьный хор часто выступал с концертами, исполняя народные и патриотические песни. В шушинской епархиальной шестиклассной школе музыкой занимались шесть лет: первые три года ученики проходили пение, а следующие три года осваивали новую армянскую нотопись и песни. Выпускники школы в совершенстве владели армянской нотописью и свободно писали диктанты. Трудно переоценить роль епархиальной школы в воспитании апологетов армянской музыки. По сути, епархиальная школа Шуши являлась одним из трех центров, действующих в этот период в армянской музыкальной жизни, наряду с семинарией Геворкян в Эчмиадзине и школой Нерсисян в Тифлисе, где большое значение придавалось высокому уровню преподавания пения и музыки, подготовке музыкальных кадров. В шушинской епархиальной школе сформировались такие музыканты, как Григор Сюни, Даниел Казарян, Александр Александрян и другие.

В 1892 году для работы в епархиальной школе и школе Сурб Мариам преподавателем музыки был приглашен выпускник тифлисской школы Нерсисян *Степан Демуриян* (1872–1934). В Шуши он работал до 1895 года, а затем с перерывами – до 1917 года, содействуя распространению армянского песенного творчества. Спустя короткое время Степан Демуриян стал самым любимым учителем шушинских школьников. «Многие полюбили его и его предмет, – напишет впоследствии его достойный воспитанник Даниел Казарян. – И если епархиальная школа дала много грамотных музыкантов, которые развернули полезную деятельность в

Карабахе и других местах, то этим мы обязаны, прежде всего, Степану Демурияну»². Созданный Степаном Демурияном четырехголосный хор в праздничные дни пел в шушинской церкви знаменитого архитектурного комплекса Сурб Газанчецоц.

13 апреля 1903 года в театре Хандамиряна состоялся концерт певческого хора шушинской епархиальной школы под управлением Степана Демурияна, во время которого прозвучали песни «Бамп воротан», «Гюлум-джан», «Сиро ерг», «Аракси артасукн», и другие народные песни³, а в концертную программу состоявшегося 3 августа концерта были включены армянские народные песни «Джан-гюлум», «Абрбан», «Ехсо-джан», «Джан, марал-джан», грузинская песня «Цицернакнер», «Серенада» Шуберта, один из романсов Чайковского. 21 июня 1911 года в зале Народного собрания Шуши состоялся концерт композитора Степана Демурияна и певца Н. Каракешишяна, а на концерте, состоявшемся 27 ноября в зале шушинской епархиальной школы, выступили армянский любительский хор под управлением С. Демурияна, флейтист Д. Виноградов, ансамбль балалаечников под управлением Н. Теймуразяна, скрипач С. Папазян. Партию фортепьяно исполнял С. Демуриян. 25 июля 1912 года в летнем зале Народного собрания состоялся концерт армянского любительского хора под управлением С. Демурияна. Солисты – певцы С. Демуриян, Г. Погосян. В программе – Карамурза, отрывки из оперы «Шушан», Комитас – «Оровел», Чайковский – «Осень», армянские народные песни – «Колыбельная песня», «Джан, марал», «Сиреци, ярс таран», «Чахарак».

² См. А. Тоникян. Даниел Казарян. Е., 1977, с. 9 (на арм. яз.).

³ Для получения информации о событиях в музыкальной жизни Шуши первых двух десятилетий XX века мы воспользовались следующими трудами: Р. Мазманиян. Летопись армянской музыкальной жизни: 1901–1910. Е., 2006; *е е же*: Летопись армянской музыкальной жизни: 1911–1920 (рукопись), с. 338. Архив Института искусств НАН РА.

В живущем активной музыкальной жизнью Шуши концерты организовывались часто. В 1894 году в Шуши приехал Христофор Кара-Мурза (1853–1902), организовал хор и выступил с концертами, во время которых были исполнены народные и духовные песни. В концертах хора активное участие принимал и Даниел Казарян*.

Следующий визит Кара-Мурзы в Шуши состоялся в 1901 году. 20 мая состоялся концерт созданного и руководимого им Любительского хора, о котором газета «Мшак» написала в № 100 от 10 мая 1901 года. Материалы, напечатанные в номерах «Мшака» от 12 и 19 июня и 3 июля, рассказывают о состоявшихся 5, 12 и 20 июня в зале шушинского театра Хандамиряна концертах любительского четырехголосного хора, состоявшего из 70 человек. Свои шушинские гастроли Кара-Мурза завершил состоявшимся 22 июля концертом армянского любительского хора. В концертную программу вошли исключительно народные песни. А 4 и 11 июля 1903 года в Шуши состоялись концерты, посвященные памяти Христофора Кара-Мурзы. Выступил хор под управлением Погоса Кара-Мурзы.

Окончив в 1895 году семинарию Геворкян в Эчмиадзине, в родной Шуши возвратился *Григор Сюни* (1876–1939), который организовал хор и выступил с первым концертом, в программу которого были включены многоголосные народные песни. 31 июля 1903 года в Шуши состоялся концерт теперь уже студента Санкт-петербургской консерватории, композитора Григора Сюни.

Выступавший под псевдонимом Григор Сюни, Григор Мирзаян своим творчеством, в частности обработкой народных песен, сыг-

* Несомненно концерты Х. Кара-Мурзы произвели большое впечатление на Д. Казаряна. Потом, спустя годы, 8 апреля 1912 года в актовом зале армянской школы в Кагзване школьный хор, руководимый Даниелом Казаряном, должен был выступить с приуроченным к 10-й годовщине со дня смерти Кара-Мурзы концертом, в программу которого были включены хоровые песни Кара-Мурзы.

рал значительную роль в кристаллизации национального стиля армянской профессиональной музыки.

Ведущий свою родословную от ашугов, наделенный звучным голосом и отличавшийся яркими музыкальными способностями Григор увлекся музыкой с раннего возраста. Его детство прошло в Шуши, где он получил начальное образование. Однако очень скоро он потерял отца и начал в качестве певца вместе с музыкантами Артемом и Балой бродить по деревням. В 1904 году он окончил консерваторию в Санкт-Петербурге, где его преподавателями были Н. Римский-Корсаков, А. Лядов, А. Глазунов, некоторое время руководил хором в местной армянской церкви, обрабатывал народные песни, писал арии, полифонические произведения. Позже Сюни преподавал музыку в тифлисской школе Нерсисян, при содействии Армянского драматического общества поставил оперетту «Арегназан», написал музыкальную драму «Асли и Карам». В 1908 году, путешествуя по разным армянонаселенным районам, он занялся собиранием и обработкой народных мелодий и их исполнением со своим хором, содействуя распространению многоголосного пения в широких народных массах.

В августе 1921 года Сюни возвратился в Тифлис, подорвав здоровье в долгих странствиях и напряженной деятельности и нуждаясь в длительном отдыхе. Осенью того же года, в надежде восстановить здоровье, он с семьей уехал в Константинополь, но ход событий привел его в США, где и прошла вся его оставшаяся жизнь. Живя в Филадельфии и путешествуя по армянонаселенным городам США, Сюни продолжил свою музыкально-общественную деятельность. Он организовывал хоры и выступал с концертами в Бостоне, Уотертауне, Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго, Детройте, Провиденсе и других местах, удостаиваясь исключительного приема слушателей.

Наиболее ценной частью творчества композитора являются хоровые обработки народных песен («Сарери овин мернем», «Сарере

овел а», «Алагяз» и др.), которые отличаются общей мелодичностью и составляют часть классического наследия армянской хоровой музыки. Как в хоровых, так и сольных обработках Сюни сохранил особенности армянской народной песни, достигнув чистоты стиля. Многие из его песен, в том числе «Сарери овин мернем», «Сарен куга дзиавор», «Алагяз», «Ах, ал варди», «Ете ми ор», «Индз ми хндрир», имеют свое постоянное место в концертных программах.

В 1881 году в Шуши родился и получил начальное образование армянский композитор, хормейстер, музыкальный и общественный деятель *Егише Багдасарян* (Багдасарянц; 1881–1919). В 1900 году Е. Багдасарян отправился в Петербург, поступил на учебу в консерваторию, с 1901 года – в творческом классе А. Н. Лядова. Еще в годы учебы занимался как хормейстерством, так и творчеством и музыкальной редакционной работой. После окончания консерватории некоторое время работал в Москве, руководил студенческим хором Лазаревского института восточных языков, преподавал предметы по теории музыки. В армянонаселенных городах Кавказа (Баку, Армавир, Шуши и других) организовывал хоры и ансамбли народных инструментов, выступал с концертами как хормейстер и дирижер. В 1910 году основал Московское армянское хоровое товарищество и руководил его деятельностью. Как хормейстер выступал в Баку, Армавире, а его появление в Шуши в летние месяцы вызывало большое воодушевление в музыкальной жизни, поскольку он сразу составлял хор, ансамбли народных инструментов и давал концерты. При участии Е. Багдасаряна в Петербурге был составлен и издан сборник стихотворений «Лира музы» (1900 г.), «Художественный альбом», посвященный памяти И. Айвазовского (1903 г.), литературный-художественный-музыкальный сборник «Слезы» (1907 г.). Е. Багдасарян – автор песен, романсов, пьес для фортепьяно «Мшо вохбэ», «Махтанк», «Тебе» (на русском), «Аревелин еханакнер»,

опер «Ануш» (по О. Туманяну) и «Артавазд Второй» (по А. Туманяну), детской музыкальной пьесы «Дитя леса», детской оперы «Сказки бабушки Гюльназ» (по Г. Агаяну).

В Шуши родился армянский советский композитор, хормейстер, певец, педагог, заслуженный деятель искусств Арм. ССР (1945 г.), заслуженный учитель Арм. ССР (1944 г.), основатель музыкальных студий в Батуми (1922 г.) и Ленинакане (1924 г.), своим творчеством и активной деятельностью внесший весомый вклад в развитие хорового искусства и армянской профессиональной музыки *Даниел Казарян* (1883–1958), который сформировался как музыкант в шушинской епархиальной школе, участвовал в хорах Христофора Кара-Мурзы, Григора Сюни и Степана Демурына и, окончив в 1921 году Тифлисскую консерваторию, около полувека служил прогрессу армянской музыкальной культуры. Д. Казарян – автор песен и романсов, хоровых песен, свыше 300 детских хоровых песен, музыкальных образов и пяти детских опер, музыки, написанной для драм («Сос и Вардитер», «Гикор»), оркестровых и фортепьянных произведений. Основной сферой его деятельности является песня: большой популярностью пользуются «Ури», «Ланджер марджан», «Сар дардер», «Ашнан гишер», «Ануш гарун», «Куйр им назели»... Для своих песен он выбирал стихи А. Исаакяна, В. Терьяна, А. Цатуряна, Ш. Кургинян, Г. Сарьяна, Сармена, В. Миракяна, О. Айрапетяна, М. Корюна, В. Агасян, Метаксэ.

Хормейстер Д. Казарян, следуя примеру своего учителя Степана Демурына, в течение своей 50-летней деятельности в разных городах, в том числе Ереване, Ленинакане, Кировакане, Нор-Баязете, Эчмиадзине, Октемберяне, Дилижане, Карсе, Москве, Ленинграде, Тбилиси, Баку, Харькове, Ростове, Армавире, Краснодаре, Владикавказе, Новороссийске, Батуми, Сухуми, Боржоме, Сочи, Ахалцихе, Ахалкалаке, Ашхабаде, Гандзаке, Шуши, Степанакерте, Казвине, Нухи и других, составил около 500 певческих групп и дал

свыше 1000 концертов. Масштабную деятельность развернул он в сфере художественной самодеятельности: организовал хоры в ереванском Доме учителя, в Парке Победы, в Доме Красной армии. Часто выступал организованный им четырехголосный хор слепых.

Музыкальный-общественный деятель Казарян в 1923 году организовал в Батуми народную музыкальную студию, которая спустя год была преобразована в народную консерваторию. В 1924 году он основал Ленинанскую музыкальную студию, которая впоследствии стала музыкальной школой. В 1937 году Казарян организовал музыкальную студию также в Доме Красной армии в Ереване. В 1933 году, благодаря усилиям Казаряна, во Дворце пионеров возобновила свою деятельность Ереванская детская опера.

В 1997 году, после подготовительных работ, длившихся около четырех лет, перед школьниками Шуши открыла свои двери пока единственная в Нагорно-Карабахской Республике Музыкальная средняя специальная вечерняя школа, где обучаются способные юноши и девушки, где с успехом действуют духовой оркестр и хор: со дня своего основания школа носит имя Даниела Казаряна.

Богдан Туманян (1881–1975) в 16 лет организовал в Баку оркестр народных инструментов, давая блестящие представления в Баку и других городах Закавказья. В 1992 году Б. Туманян переехал в Ташкент, основал оркестр народных инструментов, долгие годы возглавляя его. Он основал оркестр народных инструментов Ташкентского радио, оркестры Таджикского и Уйгурского радио, сформировав их репертуар. С одной стороны, он осуществлял оркестровые переложения восточных классических мелодий и танцевальных песен, с другой – освоив армянский и местный народные музыкальные языки, сочинял произведения, среди которых в свое время большой популярностью пользовались сюита по народным уйгурским мотивам, каракалпакские песенные и инструментальные

мелодии, множество песен и хоровых песен на слова уйгурских, узбекских, таджикских поэтов, мелодии для скрипки «Восточная фантазия», «Воспоминания», «Музыкальный миг» и другие⁴.

Неоценим вклад в дело развития восточной народной инструментальной музыки музыканта из Шуши *Ованеса Иоаннисяна* (Ованнисян, 1881–1938). Он выступал не только как солист, но и развивал и углублял ансамблевое и оркестровое исполнение, способствуя укоренению многоголосья. В 1900 году О. Иоаннисян окончил Реальную школу Шуши. В 1910 году, закончив медицинский факультет Новороссийского университета, возвратился в Шуши, где не только стал лучшим врачом, но и организовал военный оркестр и долгие годы возглавлял его. В 1920 году О. Иоаннисян переехал в Баку, основал оркестр народных инструментов, который в дальнейшем получил наименование «Первый азербайджанский государственный оркестр». «Именно этот оркестр представлял Азербайджан в Москве, на первой декаде культуры и искусства»⁵. Оркестр выступал с многочисленными концертами в различных городах Закавказья и России. Кроме этого оркестра, О. Иоаннисян основал и другие (1925, 1927, 1932 гг.), в том числе и первый женский оркестр. В 1938 году музыканту было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств Азербайджана⁶.

В Шуши родился играющий почти на всех народных инструментах мастер, народный артист Арм. ССР *Александр Александрян* (1889–1970). В 1903 году он окончил епархиальную школу Шуши, во время учебы научился у армянских мастеров играть на различных инструментах и настолько усовершенствовался, что сразу после окончания школы стал руководителем городского духового

⁴ См. *Ц. Брутян*. Ук. соч., сс. 239–240.

⁵ Там же, с. 241.

⁶ См. там же, сс. 240–241.

оркестра. В 1902 году был таристом в ансамбле народных инструментов Г. Сюни, а позднее – руководителем народных ансамблей. В 1921 году переехал в Ереван, работал с самодеятельными группами. В 1930–1936 годах был приглашен в Ереванскую консерваторию и руководил кафедрой восточных инструментов. В 1936–1937 гг. руководил оркестром народных инструментов Армфилармонии, в 1938–1967 гг. – группой народных инструментов Армянского народного ансамбля песни и пляски. Virtuозный исполнитель и знающий руководитель, он также сочинял для своих ансамблей песни и танцевальные мелодии, насыщенные элементами ритмоинтонационных структур национальных, народных и восточных мелодий. Среди них – звучащие в исполнении этих оркестров «Дилижан», «Зуйг сев ачкер», «Зулейкаи парэ», «Назели», «Наирян ахчка парэ», «Севани», «Нуне», «Арташати» и другие⁷.

Известными таристами в Шуши были отец и сын Меликяны, замечательные знатоки и виртуозные исполнители в особенности восточных классических мугамов, чья слава распространилась в восточных странах. Отец, *Григор Меликян* (1859–1929), стал учителем сына Бала и передал ему тайны своего мастерства.

Армянский тарист *Бала Меликян* (1888–1935) специального музыкального образования не получил, как музыкант сформировался в народно-музыкальной среде Шуши, под влиянием отца. Уже в 19 лет Бала Меликян был известным таристом, чья деятельность была связана с музыкальными центрами Баку, Тифлиса, Еревана. Virtuозный тарист, неподражаемый интерпретатор мугамов, Меликян с организованным им инструментальным ансамблем как солист и аккомпаниатор выступал также в Москве и Ленинграде.

В Шуши родился армянский оперный певец, лирико-драматиче-

⁷ См. там же, с. 241.

ский тенор *Аршак Костанян* (1865–1920). Учился в Университете Казани, в 1892 году обучался у известной певицы Нины Дариали-Корганян, через год с целью продолжить музыкальное образование отправился в Италию. Вернувшись в Россию, пел в оперных театрах Воронежа, Харькова, Иркутска, Казани, Саратова. В 1903 году обосновался в Москве, пел в известной оперной труппе Солодовникова. Отличался захватывающим и непосредственным исполнением, в особенности партий герцога, Альфреда («Риголетто», «Травиата» Верди), Фауста («Фауст» Гуно), Алмавивы («Севильский цирюльник» Россини), Туридду («Сельская честь» Масканы), Германа («Пиковая дама» Чайковского), Владимира Игоревича («Князь Игорь» Бородина), Ефима, Сакуса («Купец Калашников», «Нерон» Рубинштейна) и других⁸. Выступал с концертами также на своей родине, в Шуши.

Исключительна роль армянской музыкальной атмосферы Шуши в формировании и развитии азербайджанской профессиональной музыки – как в сфере композиторства, так и исполнительства и музыковедения. Достаточно отметить, что в находящейся недалеко от Шуши деревне Ахджаберд родился, затем с семьей переехал в Шуши и в музыкальной атмосфере Шуши сформировался азербайджанский советский композитор, музыковед, общественный деятель, основоположник современного профессионального музыкального искусства Азербайджана, народный артист СССР, академик Академии наук Азербайджана, председатель Союза композиторов Азербайджана, директор Института азербайджанского искусства АН Азербайджанской ССР *Узеир Гаджибеков* (1885–1948). Он в 1926 году организовал первый азербайджанский многоголосный хор, в 1931 году – ансамбль читающих ноты народных музыкантов, в 1936 году – государственный хор. Во многом способствуя делу развития в республике музыкального образования, в 1922

⁸ См. там же, сс. 242–243.

году основал музыкальную школу, а в 1938–1948 годах был директором Азербайджанской консерватории, которая после его кончины в 1949 году была названа его именем.

Гаджибеков своей оперой «Лейли и Меджнун» положил в 1907 году начало жанру мугамной оперы, написав в дальнейшем еще 5 мугамных опер. К жанру музыкальной комедии относятся такие его произведения, как «Муж и жена» (1909 г.), «Не та, так эта» (1910 г.) и получивший широкое признание «Аршин мал алан» (1913 г.). Гаджибеков создал первые азербайджанские массовые песни, камерно-инструментальные произведения, в 1944 году написал Государственный гимн Азербайджанской ССР. Пик творчества композитора – героическая эпическая опера «Кер-оглы» (1937 г.), которая отличается народной образно-интонационной структурой и единством классических способов выражения. Не случайно, что во время премьеры оперы партию главного героя исполнил другой шушинец – Бюль-Бюль.

В 1945 году У. Гаджибеков издал теоретический труд «Основы азербайджанской народной музыки». В 1959 году в Шуши, в доме, где прошли детские и юношеские годы Гаджибекова, открылся дом-музей композитора.

В Шуши родился брат Узеира Гаджибекова, советский композитор, общественный деятель, заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР *Зульфугар Гаджибеков* (1884–1950), который вместе с братом способствовал становлению профессионального музыкального искусства Азербайджана.

Продукт музыкальной атмосферы Шуши – советский певец, лирико-драматический тенор и музыковед-фольклорист, народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР, депутат Верховного Совета Азербайджана, один из основателей азербайджанского советского музыкального театра – *Бюль-Бюль* (настоящее имя

и фамилия – Муртуза Мешади Рза оглы Мамедов, 1897–1961). Он свой творческий путь начинал как народный певец, исполняя азербайджанские мугамы и народные песни. В 1920 г. стал солистом Азербайджанского государственного театра (в дальнейшем – Театр оперы и балета Азербайджана). В 1927 году окончил Бакинскую консерваторию и был направлен на стажировку в Милан. В его репертуаре есть также партия Саро из оперы А. Тиграняна «Ануш». Не случайно Бюль-Бюля звали «Шушинским соловьем»⁹.

Музыкальная жизнь Шуши особенно оживлялась в летние месяцы, когда на каникулы в Шуши возвращались и организовывали концерты обучающиеся в разных учебных центрах и работающие в различных местах шушинские музыканты. Так, студент Московской консерватории, рано ушедший из жизни Егише Багдасарян вернувшись на свою родину, организовал хор, создал первый ансамбль народных инструментов Шуши, участвуя в различных концертах и представлениях, вызывая большой интерес у зрителя. 1 августа 1901 года в театре Хандамиряна под руководством Егише Багдасаряна выступил восточный ансамбль. В концерте приняли участие певческая группа, певцы А. Мелкумян, Е. Тер-Микаелян, М. Саргсян, скрипач В. Мирзоян, пианистка А. Галамян, кеманчист А. Мелик-Шахназарян. В программу были включены произведения Г. Казаченко, М. Екмаляна, Е. Багдасаряна, С. Демурына, А. Спендиаряна. Фортепианную часть исполнял Е. Багдасарян. 11 августа 1902 года в театре Хандамиряна под руководством Егише Багдасаряна выступили четырехголосная певческая группа и восточный ансамбль.

18 и 20 июля 1913 года во время концерта в летнем зале общественного собрания Шуши выступили четырехголосный хор

⁹ См. Б. Заболотских. Соловей из Шуши. Жизнь и творчество народного артиста СССР Бюль-Бюля. М., 1987.

под руководством Е. Багдасаряна, певица С. Аксацян, певец С. Мурадян. В программу были включены: А. Тигранян – ария Ануш («Ахчи бахтатор») из одноименной оперы, Е. Багдасарян – «Корцанвцав», «Амр-ерг», «Ми гехецик», «Анцар сарер», М. Екмалян – «Лрец. Амперэ». Были исполнены также песни и романсы Шумана, Рубинштейна, Чайковского, Римского-Корсакова. Фортепьянную часть исполнила В. Добросельская. 1 августа 1913 года в зале летнего клуба Шуши прошел концерт по произведениям Егише Багдасаряна, на котором выступили хор под руководством Е. Багдасаряна, певица С. Аксацян, певец С. Мурадян. 15 августа 1913 года в зале летнего клуба состоялся концерт армянской любительской певческой группы Шуши под руководством Е. Багдасаряна с участием певицы С. Аксацян и певца С. Мурадяна.

3 июля 1902 года в Шуши прошел концерт певца, лирико-драматического тенора Аршака Костяняна, а 21 августа в зале театра Хандамиряна в программе певца Степана Бархударяна были армянские народные песни «Пах ахбюри мот», «Лорик», «Сируис, кес хамар», «Крунк», а также из произведений Чайковского. 1 июля 1904 года шушинцы слушали концерт певца Аршака Костяняна, во время которого были исполнены армянские и русские песни.

Газета «Мшак» в № 75 от 10 апреля 1907 года в статье под заголовком «Студенческий вечер – представление в Шуши» осветила прошедший 31 марта 1907 года концерт хора, состоящего из 90 армянских учеников Шуши, под руководством учителя Арутюна Меликяна. В программе нашли место хоровые обработки Комитаса «Алагяз», «Сона яр», «Хумар парке», Х. Кара-Мурзы «Вард кошикс» и Г. Мирзаяна «Сарен куга».

Летом 1901 года в Шуши возвратился Д. Казарян вместе со своим близким другом, композитором Е. Сардаряном. Молодые люди составили хор из учеников шушинской епархиальной школы и

учениц девичьей школы Мариамян и любителей. Им во многом помогал Степан Демурян, который в те годы работал в Шуши. Сохранились сведения о том, что концерты состоялись в летнем зале общественного собрания Шуши. Достаточно богатым был репертуар: Григор Мирзаян, Анушаван Тер-Гевондян, Степан Демурян, Даниел Казарян, Армен Тигранян, Тигран Чухаджян, а также Станислав Монюшко, Жюль Массне. О концертах, которые удостоились теплого приема, написали «Мшак» в номере от 13 июля 1914 года в статье под названием «Провинциальный концерт», а также «Оризон».

4 и 6 июля 1914 года в летнем зале общественного собрания состоялся концерт Шушинского хора под руководством Даниела Казаряна и Ерванда Сардаряна, на котором выступили С. Демурян, Погосян, Е. Сардарян (пение), Шахгельдян (фортепьяно), исполнив произведения Г. Мирзаяна, А. Тер-Гевондяна, С. Демуряна, Д. Казаряна, А. Тиграняна, Т. Чухаджяна, С. Монюшко, Ж. Массне. Партию фортепьяно исполняли О. Демурян и Шахгельдян.

8 августа 1913 года в летнем актовом зале Шушинского клуба состоялся концерт певицы А. Степанян и пианистки А. Гюрджян-Галамян, в программу которого вошли произведения Баха, Рахманинова, цыганские песни и романсы. А 13 августа 1919 года в летнем актовом зале Шушинского клуба была представлена опера Армена Тиграняна «Ануш». Дирижер – Л. Вардуни, режиссер – Г. Кочарян.

Таким образом:

1. Благодаря плодотворной деятельности Христофора Кара-Мурзы, Степана Демуряна, Егише Багдасаряна, Григора Сюни и других, Шуши жил активной концертной жизнью. Концерты организовывались не только силами местных коллективов, но и с участием известных музыкантов-гастролеров;

2. В концертных заявках большое место занимало хоровое пение. В программы включались как произведения армянских классиков (Тигран Чухаджян, Комитас, Макар Екмалян, Христофор Кара-Мурза, Александр Спендиарян), так и хоровые песни современных композиторов (Степан Демуриян, Егише Багдасарян, Григор Сюни, Анушаван Тер-Гевондян) и хоровые обработки народных песен, в том числе русских, грузинских, цыганских. Значительное место уделялось пропаганде западноевропейской (Иоганн Себастьян Бах, Франц Шуберт, Роберт Шуман, Джакомо Пуччини, Жюль Массне, Станислав Монюшко) и русской (Михаил Глинка, Николай Римский-Корсаков, Петр Чайковский, Сергей Рахманинов, Григорий Казаченко) классической музыки, а также украинской (Николай Лысенко) музыки.

3. Армянская музыкальная атмосфера Шуши оказала значительное влияние на последующее развитие как армянской, так и азербайджанской музыки.

4. Пропагандировалась также армянская оперная музыка. Во время концертов звучали отрывки из оперы Х. Кара-Мурзы «Шушан», арии из оперы «Ануш» А. Тиграняна.

Таким образом, можно с уверенностью отметить ту большую роль, которую играла музыкальная атмосфера шушинской «Консерватории Закавказья» в формировании творчества армянских и азербайджанских музыкальных деятелей, внесших свой значительный вклад в развитие музыки в регионе.

ШУШИ КАК СРЕДОТОЧИЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ В ВОСТОЧНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

*Г. В. ОРДОЯН, Заведующий кафедрой истории и теории искусств
Ереванского государственного института театра и кино,
доктор искусствоведения, профессор*

Город-крепость Шуши уезда Варанда исторического Арцаха издавна славился не только своими редкостно благоприятными естественно-климатическими условиями, но и той плодотворной культурно-просветительской работой, которую здесь вела местная армянская интеллигенция.

Знаменательно, что именно Шуши стал тем провинциальным городом, который чаще, чем какой бы то ни было другой, посещали гастролирующие армянские театральные труппы. На протяжении десятилетий здесь побывали почти все мастера армянской сцены: Геворг Чмшкян, Петрос Адамян, Ованес Абемян, Сирануйш, Ованес Зарифян, Григор Аветян, Арам Вруйр и многие другие. Конечно же, их влекли сюда не только удобство и благоустроенность знаменитого на весь регион театрального здания, построенного Никитой Хандамиряном еще в 1873 году как городской клуб, а затем в 1891-ом перестроенного под театр, но, в первую очередь, та радушная, любвеобильная атмосфера, в которой им предстояло жить во время гастролей.

Но прежде чем посещение театра стало неременной частью обычной городской жизни, наряду с различными мирскими увеселениями, бытовали древние традиции средневековых площадных представле-

ний со своими незамысловатыми комическими сценами и забавными героями. Как свидетельствует Чмшкян, в 1865 г. они вошли в город, «под высочайшим знаменем именитых эквилибристов»¹. Между тем шушинцам предстояла первая встреча с профессиональными театральными актерами, которые привезли три пьесы из своего гастрольного репертуара². Тифлисецв прямо-таки поразила готовность местных жителей к активному содействию в их подготовительных работах, а также искренняя непосредственность зрительского восприятия спектаклей, которая проявлялась на каждом представлении. Более того, хотя и в массовых или эпизодических сценах спектаклей были задействованы учащиеся местной школы и театральные любители из числа взрослого населения, которые, естественно, во время репетиций должны были быть осведомлены об особенностях театрального искусства – условности сценической обстановки, актерской игры и т. д., – тем не менее во время спектакля как зрители, так и сами статисты не могли удержаться от непринужденных проявлений своей реакции на происходящее. В драматическое действие динамично вплеталась общая эмоциональная напряженность как самих участников, так и всего зала, и когда войско Вардана Спарапета (главнокомандующего Армянской армией) восклицало: «Да здравствует Вардан!» – статистам-воинам, находившимся на сцене, как один вторили все зрители. Даже по окончании спектакля они еще долго не хотели уходить в ожидании повторного представления.

Гастроли продолжались почти два месяца. За все это время город пребывал исключительно в праздничном настроении; гостеприимство местных жителей не имело границ, каждый горожанин считал своим долгом самолично выразить Чмшкяну, Амрикяну, Манди-

¹ Геворг Чмшкян. Мои воспоминания. Е., 1953, с. 47 (на арм. яз.).

² См. там же, сс. 52–53.

няну свою благодарность и почтение. Это общение поистине оставило неизгладимый след в памяти шушинцев, и потому в скором времени их любовь к театральному искусству проявилась уже не только как потребность в острых, созвучных национальному самосознанию переживаниях, но и как чисто эстетическое, художественное наслаждение, что во многом предопределило дальнейшее развитие и обогащение культурной жизни города.

Первое восприятие театральной игры, в корне отличающейся от прежних выступлений площадных комедиантов, встреча с профессиональным театром безусловно расширили кругозор местных жителей. Вот почему со временем – в 1873 году – созрела необходимость в постройке специального здания, предназначенного не только для общественных собраний, но и праздничных концертов и театральных представлений. Зачинателем этого проекта был Хандамирян, чьим именем и прославился в будущем Шушинский театр, так как на месте городского клуба уже в 1891-ом было построено новое просторное здание театра Хандамиряна.

Одновременно в школьной среде наметились и первые опыты любительской театральной деятельности. С 1880–1881 гг. учащиеся гимназии осуществили ряд постановок: «Феодора или сыновья любовь» (Х. Абовян), «Вардановское сражение» (Г. Алачачян), «Далал Хахо» (Н. Пухинян)³. Их начинания сыграли огромную роль в деле пропаганды драматического искусства среди подрастающего поколения, и потому добрые ростки будущего театра не заставили себя долго ждать.

Но до этого, в 1882 году, на гастроли сюда приехал Петрос Адамян. Это было уже вторым знаменательным событием, которое

³ См. Б. Арутюнян. Летопись армянского театра XIX–XX веков (1801–1922 гг.), т. I. Е., 1980, сс. 119, 180, 200 (на арм. яз.).

прямо-таки всколыхнуло общественную жизнь города. Ожидаемая встреча с одним из легендарных артистов того времени не могла оставить равнодушным никого – ведь слава об Адамяне гремела уже не только в населенных армянами крупных городах Кавказа – Тифлисе, Баку, Александрополе, – но и в провинции. На этот раз для гастрольных представлений он привез два спектакля: «Гамлет» Шекспира и «Семья преступника» Джакометти. Выступления великого трагика действительно произвели огромное впечатление, несмотря на то, что на этот раз действия, развертываемые на сцене, не имели ничего общего ни с национальными настроениями, ни с историческими событиями из жизни армянского народа, как это было в предыдущие гастроли тифлисской труппы. «На лицах у зрителей запечатлелся восторг от шекспировского гения, – пишет Лео, который был очевидцем этих представлений, – благодаря Адамяну зрители причастились к идее высокого искусства. Волшебник сцены в один день стал кумиром всего города»⁴. По свидетельству Екатерины Баатур, «Мысли у всех были проникнуты игрой Адамяна; он гипнотизировал их, доводил до самозабвения... Весь зал содрогнулся, все как один встали на ноги и замерли, – вспоминает она далее в связи с исполнением Адамяном роли Коррадо, – я даже забыла, что нахожусь в театре, забыла, что бежавший с каторги преступник – всего лишь гениальный актер»⁵.

Через месяц на гастроли в Шуши приезжают супруги Альма и Степан Сафразяны. Они оба были на хорошем счету среди провинциальных актеров: в свое время принимали участие в адамяновских спектаклях, работали также в разных гастрольных труппах

⁴ Цитируем по: Р. Зарян. Жизнь Адамяна. Е., 1961, с. 176 (на арм. яз.).

⁵ Цитируем по: Б. Хандамирян, С. Арутюнян. Страницы из истории шушинского армянского театра. Е., 1978, с. 7 (на арм. яз.).

и снискали известность не столько своим талантом, сколько преданностью театральному делу, организованностью и трудолюбием. Репертуар их был довольно разношерстным, сюда входили и исторические драмы армянских авторов, и европейская мелодрама, и восточная феерия: «Шушаник» (М. Патканян), «Дева Сандухт» (Т. Терзян), «Жизнь картежника» (В. Дюканж), «Кирт-Кирт» (В. Мадатян) и др.

Периодичность этих гастрольных выступлений, которые со временем влились в обычный ритм общественной жизни города, подготовила благоприятную почву и для появления местных любительских театральных кружков, постепенно переросших в профессиональную труппу⁶. Инициаторами этого дела были Абраам Тер-Гаспарян и Ованес Чахарбекян. В 1883 г. они осуществили постановку пьесы Габриела Сундукяна «Пепо», ставшей первым шагом к выявлению среди актеров-любителей действительно одаренных личностей. Постепенно обогатился и репертуар: появились «Аршак Второй» Хорена Галфаяна, «Мой удивительный вечер» Микаэла Тер-Григоряна, «Кто виноват?» Эмина Тер-Григоряна, ну а «Пепо» долгое время не сходил со сцены. В последующие годы были осуществлены и другие постановки: «Еще одна жертва», «Хатабала» (Г. Сундукян), «Рузан» (Мурацан), «Женитьба поневоле» (Мольер), «Вот тебе сводничество», «Бурдюк Пепо» (М. Тер-Григорян), «Я был причиной раздора» (Э. Тер-Григорян)⁷.

Следующий решающий шаг на пути создания действительно профессионального театра был сделан в конце 80-ых, когда из Парижа возвратился Никита Хандамирян. Будучи по происхожде-

⁶ См. Г. Оганесян. История армянского театра: XIX век. Е., 1996, с. 417 (на арм. яз.).

⁷ См. Б. Арутюнян. Ук. соч., сс. 139–140, 291.

нию дворянином, он в свое время получил отличное образование, и уже с ранних лет увлекся театром. Поездка во Францию с целью усовершенствования знаний (окончил Сорбоннский университет), одновременно укрепила его юношеские увлечения искусством, расширила кругозор и, конечно же, во многом обогатила духовно. В 70–80-ые годы он специализировался по производству шелка на Марсельском текстильном заводе, не забывая при этом следить и за культурной жизнью столицы. Как известно, в этот же период деятельность частных парижских театров приобрела особый размах; с одной стороны, на основе литературного творчества Эмиля Золя и режиссерских нововведений Андре Антуана образовалось новое театральное направление – натурализм, с другой – упрочил свои позиции и неоромантизм, возникший как реакция на реалистические и натуралистические тенденции второй половины XIX века. Хандамиряну посчастливилось оказаться в центре Европы именно тогда, когда бок о бок процветали самые разные, порой крайне противоположные друг другу художественные течения. Это обстоятельство, несомненно, сыграло решающую роль в деле формирования эстетических взглядов молодого предпринимателя. Его артистическая натура не могла не откликнуться на все те перемены, которые происходили в театральном мире, и тем более – как истинный патриот – он не мог не наметить перспективных планов в деле культурного преобразования родного города.

Именно поэтому, приехав в Шуши, он сразу же активно принялся за осуществление своей давнишней мечты – возведение на месте городского клуба такого здания, которое специально предназначалось бы для театральных представлений. Его план был откровенно прост: во-первых, таким образом, наряду с Тифлисом и Баку, Шуши становился третьим по своему значению театральным городом на Кавказе, во-вторых, наличие театра не просто оживило бы городскую жизнь, а существенно обогатило бы ее

культурный облик, способствовало бы более тесному общению с цивилизованным миром.

Последующие годы вполне оправдали его ожидания. И этому немало способствовали личностные качества Хандамиряна – его незаурядная натура и широкий кругозор. Ведь на родине он неустанно продолжал поддерживать свои духовные связи с европейской культурой: «Отлично владея не только армянским и русским, но и французским языками, – как вспоминает впоследствии его сын, Борис Хандамирян, – он периодически пополнял домашнюю библиотеку литературой армянских, русских, французских авторов: из Парижа выписывал журнал «Иллюстрацион», и вместе с тем сочинения Золя, Мольера, Руссо, Стендаля, Мопассана и других классиков, к тому же из Франции он с собой привез много арменоведческой литературы. Помимо всего этого, он также занимался переводами иностранных поэтов, сочинял пьесы и всячески поддерживал местных театральных деятелей»⁸.

В это же время Хандамирян объединил местных актеров-любителей, которые до этого разрозненно выступали в стенах епархиальной школы или в городском клубе, и вместе с ними создал постоянно действующую театральную труппу. Известны также и фамилии первых энтузиастов – Г. Назарян, А. Абраамян, А. Костандян, О. Тарумян, С. Микаелян, Г. Ишханян, М. Давтян, Г. Тарумян, Г. Атабекян, Г. Гянджецян. Идея создания собственного театра, несомненно, созрела у Хандамиряна давно – еще до поездки во Францию. Ведь уже в 1873 г., когда он затеял постройку городского клуба, предназначенного (помимо общественных собраний и концертов) для театральных представлений, параллельно в учебных заведениях осуществлялись любительские постановки. Их же участники и выступали впоследствии с про-

⁸ Б. Хандамирян, С. Арутюнян. Ук. соч., с. 12.

фессиональными актерами гастролирующих трупп. Вот почему, возвратившись в Шуши и принявшись за постройку нового театрального здания, он спешно собрал вокруг себя и местных актеров. При этом немаловажно и то обстоятельство, что одновременно он отличился не только как замечательный организатор строительства, но и как настоящий знаток театрального дела, в частности, режиссерской профессии. По его же инициативе в репертуар шушинской труппы были включены пьесы Г. Сундукяна «Еще одна жертва» (1889 г.), «Пепо» (1890 г.), «Хатабала» (1890 г.), А. Кареняна «Вардановское сражение» (1890 г.), Х. Галфаяна «Аршак Второй» (1891 г.), М. Тер-Григоряна «Вот тебе сводничество» (1890 г.), «Бурдюк Пепо» (1891 г.), Н. Пухиняна «Далал Хахо» (1889 г.), В. Мадатяна «Кирт-Кирт» (1890 г.), Э. Тер-Григоряна «Я был причиной раздора» (1890 г.) и Мольера «Женитьба поневоле» (1890 г.)⁹.

Наконец в 1891 г. постановкой драмы Мурацана «Рузан» ознаменовалось открытие театра Хандамиряна. Надо отметить, что в выборе пьесы, тема которой очень остро перекликалась с социально-политическими настроениями армянского народа, проявилась широта и прозорливость художественного мышления молодого предпринимателя.

Со временем Шуши стал настоящим театральным центром региона и вскоре в этом плане занял первое место среди всех других армянских городов – опередив даже Александрополь и Ереван.

Прежде всего, это было обусловлено наличием всех необходимых условий для того, чтобы приезжие артисты чувствовали себя здесь максимально комфортно, играли с полной отдачей своих физических и творческих сил. И это понятно, так как театр, постро-

⁹ См. Б. Арутюнян. Ук. соч., сс. 316, 323, 325, 330, 332, 340.

енный Хандамиряном, по своим параметрам вполне соответствовал европейским стандартам, являясь одним из лучших на Кавказе, пожалуй, уступая лишь столичным. Он имел отлично оборудованную сцену, просторный зрительный зал и красиво обставленное фойе. В здании театра, где проживала и семья Хандамирянов, размещалась гостиная, предназначенная для приезжих артистов. Зрительный зал вместе с партером, ложами и амфитеатром имел 350 мест. Освещение керосинных ламп было на попечении особых специалистов. Здание сдавалось в аренду по заранее составленному договору¹⁰.

Со временем выделилась постоянная группа актеров, которая каждый год аккуратно приезжала в Шуши: среди них были Григор Абрамян, Матвей Агаян, Мари Забел, Варвара Меликян, Аршак Арутюнян и др. «В конце века их художественным руководителем стал один из самых профессиональных актеров армянской сцены Геворг Петросян. Под его же руководством в Шушинском театре стала желанной гостьей знаменитая актриса Парандзем (Саакян-Сагателян). Сюда на гастроли приезжали также из Константинополя: Мари и Вардигер Фелекяны, но чаще всех – Арам Вруйр и Мари Забел»¹¹.

Во время своего первого приезда в Шуши (1898 г.) Вруйр на деле доказал насколько серьезно относится к той работе, которая призвана не только доставлять зрителю настоящее эстетическое наслаждение, но и воспитывать истинного армянского интеллигента. Не случайно, что в его богатом репертуаре особенно выделялись две классические роли: Дядя Багдасар (герой одноименной комедии А. Пароняна) и Гарпагон («Скупой» Ж. Б. Мольера), которые по праву вошли в золотой фонд армянского театра. Игрой

¹⁰ Б. Хандамирян, С. Арутюнян. Ук. соч., сс. 11–12.

¹¹ Г. Оганесян. Ук. соч., с. 418.

Вруйра был воодушевлен весь Шуши. Его предельно органические и выразительные образы комических героев вызывали восторг и заражали истинной гордостью за отечественное актерское искусство.

В свою очередь Борис Хандамирян справедливо заметил, что все те именитые театральные деятели, которые в конце XIX и начале XX веков побывали в Шуши, не только обогатили армянскую провинциальную театральную жизнь, но и сами заметно выросли, в качестве профессиональных актеров¹². За это время, помимо упомянутых артистов, здесь побывали – причем неоднократно – почти все знаменитости: Ованес Абелян, Сирануйш, Сатеник Адамян, Ованес Зарифян и др.

Во время гастролей Геворг Петросян выступал не только в качестве актера – Кин, Уриель Акоста, Лир, Креон, Ясон, Дон Карлос, Городничий, Кречинский, Карл Моор, – но и в качестве режиссера, осуществив на сцене театра Хандамиряна более сорока постановок. Безусловно, это обстоятельство во многом способствовало внедрению в армянский театр тех новейших принципов реалистической школы актерского мастерства, которым в этот период следовали многие европейские театры и, в частности, русский, страстным поклонником которого являлся сам Петросян. Об утверждении в армянской действительности принципов стационарных театров и тем более эстетики психологического театра, конечно же, рано было говорить, но именно с первых попыток построения «синтетического» спектакля, где все, начиная с художественного оформления и заканчивая актерской игрой, было подчинено режиссерскому замыслу, по существу, открывалась новая эпоха в истории армянского сценического искусства. Знаменательно, что как раз в театре Хандамиряна эти начинания оказались особенно плодотворными и предопределили дальнейшее

¹² См. Б. Хандамирян, С. Арутюнян. Ук. соч., с. 36.

развитие и обогащение отечественного театра в русле новейших художественных течений.

В этом плане заслуживает внимания постановка музыкальной комической пьесы Уильяма Гильберта и Артура Саливана «Суд присяжных», премьера которой состоялась в 1893 г. под названием «Любовь и предубеждение»¹³. В свое время произведения авторов этой комедии имели огромный успех в Европе¹⁴, и потому обращение к ним актеров шушинской труппы (А. Назарян, Н. Ярамишян) примечательно тем, что свидетельствует не только о высокой культуре и образованности местных актеров, но и о широте их интересов.

В том же году на гастроли сюда приехал Ованес Абелян, который в эту пору уже пользовался всеобщим признанием, поскольку очень рано проявил себя в качестве талантливого актера. Его слава, естественно, дошла и до Шуши, поэтому желающих увидеть игру знаменитого земляка (он родился в Шамахе), было не счесть. Правда, репертуар его оказался не богатым, зато по содержанию очень современным. Ведь в эти же годы особое звучание обрела на армянской сцене новейшая европейская драма, выразителями которой в первую очередь явились пьесы Генрика Ибсена. Самое большое впечатление на зрителей произвел тот тонкий психологизм, которым отличалась игра Абеяна в роли Освальда («Привидения»)¹⁵. Помимо этого, он, конечно, выступил и в современных, и в исторических армянских драмах, однако душевные переживания молодого норвежского художника, чья трагическая участь была предрешена волею судьбы, прозвучали в его исполнении, пожалуй, более неподдельными и театрально убедительными.

¹³ «Тараз», 1893, № 31, с. 496.

¹⁴ См. *M. Ainger. Gilbert and Sullivan – A Dual Biography*. New York, 2002, pp. 12–37.

¹⁵ См. «Кавказ», 1893, № 219.

В августе 1900 г. состоялся торжественный вечер в честь 35-летия Шушинского театра, поскольку в 1865 году впервые сюда приехала армянская труппа во главе с Геворгом Чмшкяном. Вступительной речью открыл вечер Ованес Абелян, который особо подчеркнул роль театра Хандамиряна в истории армянской театральной культуры¹⁶. Концертная часть была представлена отрывками из пьес «Пепо» Габриела Сундукяна и «Высокочитимые попрошайки» Акопа Пароняна.

Кстати, в последнем спектакле, который был взят из гастрольного репертуара, очень удачно выступил Григор Аветян сразу с двумя ролями – Манука-ага и Редактора. В его исполнении эти характерные маски ожили в совершенно неожиданных красках. В ту пору психологический комизм в армянском театре только-только набирал высоту, и потому игра Аветяна сразу бросилась в глаза своими тонкими бытовыми зарисовками.

В 1880 г. семья Аветянов из города Рашт (Иран) переехала в Шуши, где Григор получил начальное образование, а затем продолжил учебу в Баку и Москве, на частных драматических курсах (1889 г.). Так что в 1894 г. вместе с труппой Ованнеса Абеляна он приехал в город, который в юношеские годы стал для него почти родным. И уже в эти молодые годы его гастрольная практика начала отличаться той особенностью, которая выделила Аветяна среди других талантливых армянских актеров комического плана. Это отличие, конечно же, заключалось не в преимуществе таланта, а в разнообразии стилей, умении в одном и том же спектакле ловко и быстро перевоплотиться из одного образа в другой. Замечательно и то, что этот его талант проявился как раз во время гастролей в Шуши.

¹⁶ См. *Л. Овсепян*. 35-летие театра Шуши. «Нор дар», 22 августа 1900 г., № 147 (на арм. яз.).

Уже в начале 1900-ых в Шуши на гастроли приехал и Ованес Зарифян, вместе с труппой Геворга Петросяна, в которую входили сестры Фелекяны (Вардигер и Мари-Грануш), Парандзем, Ашхен Араксян. В отличие от предыдущих своих гастрольных выступлений, на этот раз молодой Зарифян (ему тогда едва ли исполнилось 22), выступил почти во всех главных ролях выездного репертуара: Николай («Цена жизни» В. Немировича-Данченко), Кин («Кин, или Гений и беспутство» А. Дюма), Бармаков («Душою бедные» Н. Потехина), Жак («Гибель Содома» Г. Зудермана).

В 1902 году в Шуши приехала Сирануйш, чья слава уже давно гремела во всех провинциальных уголках армянских городов и населений Кавказа. Труппой, куда входили Парандзем, Кнарик, Ованес Степанян, Григор Аветян, Арам Рштуни, Аршак Арутюнян, Артем Бероян, по прежнему руководил Геворг Петросян, который к тому времени основательно утвердился в армянском театре как режиссер-постановщик. Соответственно был довольно богатым и репертуар, где Сирануйш выступила во всех главных ролях, поскольку по ним и были выбраны эти спектакли: Магда («Родина» Г. Зудермана)*, Анна («Кин, или Гений и беспутство» А. Дюма), Донья Соль («Эрнани» В. Гюго), Изеиль («Изеиль» А. Сильвестра), Медея («Медея» А. Суворина и В. Буренина), Мадам Сан-Жен («Мадам Сан-Жен» В. Сарду), Гамлет («Гамлет» В. Шекспира), Орлеанская дева («Жанна д'Арк» Ф. Шиллера), Амалия («Разбойники» Ф. Шиллера), Сафо («Сафо» Ф. Грильпарцера).

Как видим, на гастроли в Шуши Сирануйш взяла (за исключением Маргариты Готье) свои самые лучшие и для себя самые дорогие

* В армянском театре пьеса Г. Зудермана шла также под названием «Родительский дом». Примечательно, что впервые, в 1893-ем в роли Магды на армянскую сцену вышла Азнив Грачья, а в Московском Малом театре в том же году в этой роли выступила Мария Ермолова.

роли; с ними она выросла как актриса, окрепла как художник и пронесла их до конца своей трудной, но тем не менее счастливой и плодотворной творческой жизни. В этом ряду особое место занимала роль Гамлета, которую впервые она сыграла всего год назад, в 1901 г. Уже тогда Левон Калантар сделал такую заметку: «Пожалуй ни одну из своих ролей Сирануйш не сыграла технически так идеально, как это произошло с Гамлетом. Однако эта техника, направленная ею на преодоление в себе женщины... почти лишила ее возможности отдаться тому бурному темпераменту, который был так присущ этой уникальной актрисе»¹⁷.

На своем бенефисе, который состоялся в театре Хандамиряна, она выступила в роли Жанны д'Арк, одной из ее самых заветных ролей. Обращение к патриотическому сюжету и образу народной героини не случайно. Оно было актуально в армянской среде особенно в конце XIX и начале XX веков. В пьесе, где самим ходом развития сюжета на первое место выдвигались народные массы и народный герой, актрисе удалось более ясно выразить свои сокровенные мысли и чаяния. К тому же Сирануйш воодушевляло то обстоятельство, что трагедия «Орлеанская дева» очень лирична. Тонко и убедительно актриса изобразила душевный конфликт Иоанны – противоречие между долгом защиты родины и вспыхнувшим в ней чувством любви к одному из английских вождей – Лионелю.

Пятнадцать лет непрерывно и с нарастающей интенсивностью работая на благо армянского народа и процветания его театральной культуры, театр Хандамиряна в Шуши, пожалуй, и сегодня продолжал бы свою деятельность столь же продуктивно и энергично, если бы не произошли те трагические события лета 1905 года, в результате которых было истреблено почти все здешнее армян-

¹⁷ Л. Калантар. Пути искусства. Е., 1963, с. 351 (на арм. яз.).

ское население со всеми его духовными и материальными ценностями. Еще в детстве оказавшись очевидцем всего происшедшего, знаменитый армянский артист Вагарш Вагаршян впоследствии вспоминал: «Я увидел, как жаркое, огромное пламя поползло в сторону театра Хандамиряна, охватило крышу в свои смертоносные объятия – и здание начало гореть. Казалось, никто не видит этого разрушительного бедствия. С криком я бросился в сторону театра, однако кто-то схватил меня за руку и оттолкнул в угол двора, приказав не двигаться. Здание театра, покинутое и беспомощное, на моих глазах потрескивалось, как в пылающем горне. Нельзя ли было его спасти? Неужели тот красивый светлый зал, те стулья и люстры, та сцена и занавес, те «леса и замки» были обречены на сожжение и неминуемо должны были превратиться в пепел?»¹⁸. В эти тяжкие дни теми же мучительными переживаниями и тревожными мыслями был охвачен весь армянский народ, которого безжалостно убивали не только физически, но и духовно, что, пожалуй, было намного страшней.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что роль и значение театра Хандамиряна в истории армянской театральной культуры неопределимы. Построенный в конце XIX века, соответственно с новейшими техническими требованиями архитектуры, это уникальное в свое время театральное здание благодаря высокой образованности и деловым качествам своего основателя, но более всего его патриотизму, стало важнейшим культурным центром на Кавказе, куда стекались пути почти всех гастролирующих актерских трупп. За короткое время здесь побывало много знаменитостей армянской сцены, которые выступили со своими лучшими ролями и оставили глубокий след в истории национальной театральной культуры. И это благодаря тому, что городская жизнь

¹⁸ В. Вагаршян. Товарищи, друзья и я. Кн. 1. Е., 1959, сс. 53–54 (на арм. яз.).

в Шуши, идя в ногу со временем, откликалась на все высокохудожественные театральные явления, не чуждаясь также и новаторских творческих идей, которыми армянское искусство особенно обогатилось в конце XIX и начале XX веков. В этом главное значение рассмотренного периода истории театра Шуши.

Кроме того, нельзя не подчеркнуть и то обстоятельство, что бурный расцвет армянской театральной культуры оказал значительное влияние на развитие искусства театра национальных меньшинств, получив отражение и в культурной жизни других городов и, в первую очередь, Баку, где также причастились к этим благодатным переменам городской жизни. И хотя театр, как и всякое искусство, несет с собой в народ и распространяет высокие идеалы гуманности, в Советском Азербайджане влияние Шушинской театральной жизни вызвало обратную реакцию – не только в форме отрицания этого влияния, но и вообще отрицания наличия в Шуши армянской культуры, как и армян в целом.

ШУШИ КАК СТОЛИЦА ДЕ-ФАКТО НЕЗАВИСИМОГО АРЦАХА (1918–1920 ГГ.)

*Г. М. АРУТЮНЯН, доктор исторических наук, заведующий
кафедрой истории Государственного института Гавара*

В многовековой истории освободительной борьбы Арцахской земли охватом событий и драматических происшествий, оставивших глубокий след в судьбе арцахского армянства, выделяются, пожалуй, 1918–1920 гг. Именно в эти годы Нагорный Карабах стал «спорной территорией».

Новоиспеченное мусаватское правительство Азербайджана стремилось к оккупации Нагорного Карабаха, Зангезура и Нахичевани – территорий исторической Армении. Этим экспансионистским планам открыто покровительствовали и способствовали их осуществлению Турция, союзные державы, главным образом Англия, а после советизации Азербайджана – и большевистская Россия.

Однако арцахское армянство восстало против врага на борьбу за свободу и независимость своей родины. Эпицентром этой борьбы стал город-крепость Шуши, который имел стратегическое значение организационной, моральной и политической опоры для арцахцев.

После февральской революции 1917 г. в Нагорном Карабахе стали создаваться исполнительные органы местного управления. В ноябре 1917 г. в Шуши собрались представители ряда партий и политических организаций¹. Участники собрания избрали из представителей политических течений Арцаха временный орган местного

¹ См. «Национальный архив Армении» (НАА), ф. 314, сп. 1, д. 111, лл. 27–28.

управления – Карабахский временный совет армянских революционных партий и организаций (Межпартийное бюро)².

20 декабря 1917 года в Шуши состоялось внеочередное заседание Исполнительного комитета Карабаха. По требованию представителей Национального комитета мусульман и членов «Межпартийного бюро» Исполнительный комитет подал в отставку. По обоюдному согласию сторон был создан новый орган, который известен как «Международный» или «Межнациональный комитет». Он состоял из 13 человек (6 армян, 6 мусульман и одно нейтральное лицо в качестве руководителя)³. Органы управления создавались и на местах: назначались гражданские, судебные и военные уполномоченные.

Однако ни действующее в Шуши армянское Межпартийное бюро, ни Национальный комитет тюркоязычного населения не стали настоящей центральной властью, которая пользовалась бы всеобщим признанием и авторитетом.

16 июля 1918 года «Межпартийное бюро» самоликвидировалось. Вместо него был сформирован новый орган – «Армянское народное временное правительство Карабаха», или «Совет комиссаров». Карабах был разделен на две административные области (Варанда–Дизак и Хачен–Джраберд), в каждой из которых был назначен полномочный представитель «Совета комиссаров»⁴.

22–28 июля 1918 года в зале епархиальной школы Шуши был созван первый съезд армян Арцаха. Из всех районов Нагорного Карабаха на съезд прибыло 180 депутатов. С правом совещательного голоса в работе съезда участвовали представители действующей

² «Тюркоязычное население также создало Национальный комитет» (см. там же, ф. 199, сп. 1, д. 38, л. 11).

³ См. там же, ф. 221, сп. 1, д. 30, л. 24.

⁴ См. там же, лл. 27–28.

щих в Шуши общественных течений и организаций. Съезд провозгласил Арцах независимой административно-политической единицей, избрал Национальный совет и сформировал новое правительство по коалиционному принципу. Оно получило название «Народное правительство Карабаха»⁵. Правомочность правительства распространялась на весь уезд. Для обеспечения безопасности города и близлежащих районов 27 июля было установлено комендантство. Для решения внутренних задач решением правительства от 29 июля были созданы 4 комиссии: финансовая, снабжения, медицинско-санитарная и административно-правовая.

В Шуши функционировали также следующие общественные органы: городское самоуправление, военный союз, полиция и попечительский совет для бедных. За исключением городского самоуправления, которое оставляло впечатление мертворожденного органа, все остальные были чисто армянскими и действовали в армянском квартале⁶.

Таким образом, с созданием «Народного правительства Карабаха» завершился трудный процесс формирования армянской независимой власти Карабаха.

Благодаря самоотверженной борьбе армянского народа в майских героических сражениях 1918 г. программа младотурок – завоевание восточной части Армении и истребление армянского населения – потерпела неудачу. Однако враг по-прежнему представлял большую опасность. Турецкие войска двигались в сторону Баку по линии Касах – Агстафа с целью захватить Баку и создать предпосылки для реализации пантюркистских планов⁷.

⁵ См. там же, ф. 314, сп. 1, д. 34, л. 49.

⁶ См. «Оризон». Тифлис, 17 сентября 1918 г. (на. арм. яз.).

⁷ Летом 1918 г. одной из основных задач германского командования считался

От движущейся в направлении Баку турецкой армии отделилось войсковое соединение под руководством одного из командующих 2-ой Кавказской дивизией Джемала Джаид⁸-бея и, направившись в сторону Карабаха, разместилось на привале в Агдаме. Отметим, что до этого Нури-паша направил в Шуши делегацию, состоявшую из армян и татар Гандзака, чтобы они уговорили население принять подданство Азербайджана. Однако шушинцы оказались «негостеприимными» и наказали делегатам Нури-паши по возвращении в Гандзак сообщить турецкому командованию, что они решительно против власти Азербайджана⁹. Тогда Нури-паша решил завладеть Арцахом силой.

6 сентября в Шуши был созван 2-ой съезд армян Нагорного Карабаха. В его работе участвовало 200 человек, в том числе представители всех политических партий. Съезд должен был обсудить ряд вопросов, касавшихся внутренней и внешней жизни уезда¹⁰. От имени Джаид-бея было получено 2 ультиматума: один был направлен духовному предводителю Нагорного Карабаха, другой – армянскому населению уезда¹¹. В ультиматуме предъявлялось требование сдать оружие турецкому командованию и капитулировать в течение трех дней¹².

Выражая волю арцахского армянства, съезд вновь безоговорочно отверг требование высокопоставленного турецкого военного и

захват Баку (см. Э. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг., т. 2. М., 1924, сс. 219–220).

⁸ В ряде документов встречаем также Джамиль Джавид (см. НАА, ф. 314, сп. 1, д. 34, л. 66).

⁹ См. «Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. Сборник документов и материалов». Отв. редактор В. А. Микаелян. Е., 1992, с. 20.

¹⁰ См. «Нор оризон». Тифлис, 18 сентября 1918 г. (на. арм. яз.).

¹¹ См. НАА, ф. 221, сп. 1, д. 24, ч. 3, л. 46; там же, ф. 199, сп. 1, д. 38, л. 11.

¹² См. «Мшак», 22 февраля 1919 г. (на. арм. яз.).

единогласно высказался за объединение с Республикой Армения. Тем не менее, во избежание возможной конфронтации, съезд направил в Агдам делегацию, которая должна была лицом к лицу провести переговоры с турецким командованием¹³.

15 сентября делегация отбыла в Агдам и предстала перед Джаид-беем. Последний, будучи осведомлен о решениях съезда, не выслушав делегатов, предъявил им новые требования: 1. покориться правительству Азербайджана; 2. разоружиться; 3. предоставить турецким и азербайджанским войскам дорогу в Шуши¹⁴. Джаид-бей задержал членов делегации, а двум из них – Г. Му-саеляну и Д. Аракеляну, разрешил вернуться в Шуши при условии, что после выполнения своей миссии они вернутся в Агдам и проинформируют о намерении армянского населения Карабаха¹⁵. 16 сентября члены делегации доехали до Шуши. Возникла необходимость созвать 3-ий съезд. 17–22 сентября 1918 г. в Шуши был созван третий съезд армянства Карабаха. Общее число депутатов доходило до 200¹⁶. 19 сентября в Агдам прибыл главнокомандующий действующей на Кавказе турецкой армии Нури-паша. В тот же день он отпустил арестованных делегатов и отправил их в Шуши с ультиматумом армянству, требуя разоружения и признания власти Азербайджана. Турецкий паша дал на ответ 24 часа¹⁷. Армянские делегаты с большими трудностями добрались до Шуши. После обсуждения ультиматума Нури-паши Съезд на засе-

¹³ Второй съезд на заседании от 11-ого сентября переименовал «Народное правительство Карабаха» в «Армянский народный совет Карабаха» (см. там же, 22 октября 1918 г.).

¹⁴ См. там же, 27 февраля 1919 г.

¹⁵ См. там же, 22 февраля 1919 г.

¹⁶ См. там же.

¹⁷ См. НАА, ф. 200, сп. 1, д. 243, л. 94; там же, ф. 276, сп. 1, д. 16, лл. 14–15.

дании от 20 сентября решил отправить в Агдам новую делегацию для переговоров с турками¹⁸.

Однако 22–23 сентября тюрко-татарские* вооруженные формирования начали обширное наступление на Карабах от Караглуха до Мирушена¹⁹. 24-ого сентября турецкие войска вошли в Шуши и разместились в школьных зданиях и казармах. У аскаров было восемь пушек и несколько десятков пулеметов. Вместе с войском в город прибыл также официальный уполномоченый мусаватского правительства Исмаил-хан Зиатханов с инструкцией заставить население принять власть Азербайджана²⁰.

Ворвавшись в город, турецкие аскары, курды и местные татары начали резню армян, грабежи их домов и магазинов. Погромы длились два дня²¹. Завладев Шуши, турки ввели в городе военное положение: комендантом был назначен Назим-бей, общим губернатором – Исмаил-хан Зиатханов. Турецкое командование распустило правительство Карабаха и обезоружило армянское население. Отметим, что в те же дни, когда турки двигались по направлению к Шуши, армянство Джеванширского уезда в неравном бою разбило и отбросило назад ворвавшихся на их землю турецких захватчиков.

По Мудроскому перемирию от 30 октября 1918 г. Турция должна была вывести свои войска из Закавказья, очистив также Карабах. Турецко-германских завоевателей в Закавказье сменили англичане. В начале ноября 1918 г. после ухода турецких войск из Шуши, в город вошло английское военное представительство под командо-

¹⁸ См. там же, ф. 314, сп. 1, д. 34, л. 69; «Нор оризон», 19 октября 1918 г.

¹⁹ См. там же.

²⁰ См. «Нор оризон», 19 октября 1918 г.

²¹ См. там же, 27 сентября 1918 г.

* В российских документах досоветского периода нынешние так называемые «азербайджанцы» именовались «кавказскими татарами».

ванием майора Гипона. Армянство города с большим воодушевлением встретило англичан²². От имени своего командования майор проинформировал, что направленное командиром союзных войск в Баку генералом Томсоном представительство обеспечит закон и порядок в Шуши и области. Затем заявил, что политические и территориальные вопросы будут решены на Парижской мирной конференции²³.

После вхождения британского военного представительства в Карабах среди местных политических сил наметились два направления. Возглавляемое мэром города Шуши Герасимом Мелик-Шахназаряном и общевойсковым командиром Карабаха Сократ-беком Мелик-Шахназаряном течение держало курс на покорное подчинение англичанам. А Комитет «Апараж» Армянской Революционной Федерации и «Дашнакцутюн» Карабаха и временный Армянский Национальный совет считали бессмысленным связывать надежды с англичанами, тем более – ждать от них помощи и поддержки. Решение проблемы Арцаха они по праву связывали с освободительной борьбой и прилагали свои усилия в направлении создания вооруженных групп.

В этот период Азербайджан направил в Нагорный Карабах большое число воинских частей и разместил их в пунктах, имеющих стратегическое значение. Так, в поселок Ханкенд вошла воинская часть «Дикой дивизии» численностью в 1500 солдат, вооруженных пушками и пулеметами. До этого Азербайджан уже ввел войска в Аскеран и подверг район разрушениям. Азербайджанские вооруженные силы сконцентрировались и в Шуши. Число находившихся там военных достигало 1000²⁴.

²² См. НАА, ф. 200, сп. 1, д. 309, л. 204.

²³ См. «Мшак», 2 марта 1919.

²⁴ См. НАА, ф. 370, сп. 1, д. 40, л. 11–12.

15 января 1919 г. правительство Азербайджана вопреки воле арцахских армян назначило армянофоба Хосров-бека Султанова генерал-губернатором юго-восточных армянских провинций Елизаветпольской губернии – Шуши, Зангезура, Джебраила, Джеваншира²⁵. 28 февраля английское представительство в лице Монка Мизона обратилось к Армянскому Национальному совету Карабаха и потребовало признать генерал-губернаторство Хосров-бека Султанова, но получило четкий ответ: «Армянский Карабах не может смириться с подобным фактом, потому что зависимость от Азербайджанского правительства, каким бы способом она ни выражалась, неприемлема для армянства Карабаха»²⁶.

10 февраля в Шуши прибыл новоиспеченный губернатор и выбрал место для жилья в татарском квартале. 20 февраля британское правительство составило проект, по которому определило полномочия Султанова. В соответствии с этим при генерал-губернаторе был создан совет, состоящий из трех армян, стольких же мусульман и членов английского представительства²⁷.

Назначение в Нагорном Карабахе и Зангезуре азербайджанского генерал-губернатора возмутило Республику Армения. 21 января 1919 г. Правительство Армении официально заявило, что не может принять даже временную азербайджанскую власть над Карабахом, который составляет неотъемлемую часть Армении²⁸.

Хосров-бек Султанов, чья власть практически распространялась только на татарский квартал Шуши и на поселок Ханкенд, пред-

²⁵ См. там же, ф. 200, сп. 1, д. 244, л. 1.

²⁶ См. «Мшак», 16 марта 1919 г.; там же, 19 марта 1919 г.; НАА, ф. 200, сп. 1, д. 243, лл. 28–30.

²⁷ См. НАА, ф. 252, сп. 1, д. 5, л. 1–2; «Мшак», 19 марта 1919 г.

²⁸ См. «Жоховурд», 26 марта 1919 (на арм. яз.); «Ашхатавор». Тифлис, 12 марта 1919 г. (на арм. яз.).

принимал различные шаги, чтобы сконцентрировать в своих руках органы местной власти и бывшие госучреждения.

Для противостояния агрессивной политике Азербайджана необходимо было разработать программу ответных действий. С 10 по 21 февраля в Шуши прошел 4-ый съезд армян Арцаха. Съезд обсудил вопрос обращения к ново назначенному генерал-губернатору. Выражая единую волю народа, съезд постановил: «Не признавать власть Азербайджана в рамках границ армянского Карабаха и подать жалобу британскому представительству, командующему британскими войсками Томсону, Республике Армения, председателю парламента Азербайджана – против посягательств Азербайджана»²⁹. Съезд избрал Национальный совет и поручил ему создать военный штаб, который должен был заняться вопросами обороны страны³⁰.

3 апреля от имени британского военного представительства Шательворд обратился к армянскому населению с призывом без сопротивления подчиниться азербайджанской власти³¹. Правительство Армении выразило протест против этого заявления и предприняло практические шаги в направлении установления административного единства Армения–Арцах. 11 апреля представитель Бюро АРФ Дашнакцутюн, уроженец Шуши Микаел Арзуманян был назначен в Шуши представителем Республики Армения при английской миссии³².

Следующим шагом Шательворда был визит в Арцах. Он ультимативно потребовал от Национального совета решить вопрос подчи-

²⁹ См. НАА, ф. 252, сп. 1, д. 1, л. 18–19; там же, ф. 200, сп. 1, д. 193, ч. 1, л. 223.

³⁰ См. там же.

³¹ См. «Арадж», 25 апреля 1919 г. (на арм. яз.).

³² См. НАА, ф. 200, сп. 1, д. 50, ч. 1, л. 154.

нения Азербайджану в его присутствии³³. Представители арцахского армянства при его участии создали 5-ый съезд, который начался 23 апреля и продолжался до 29 апреля. Съезд выслушал доклад Шательворда «Административная программа временной власти Карабаха». После обсуждения доклада съезд пришел к единодушному заключению, что «считает невозможным и неприемлемым какую-либо программу, имеющую связь с Азербайджаном, а насильственное осуществление такой программы неизбежно приведет к межнациональным волнениям»³⁴.

Продолжающаяся со стороны Азербайджана экономическая блокада вынудила карабахцев прибегнуть к соответствующим шагам. Они потребовали от Национального совета разрешения на закрытие дороги кочевникам (27 мая кочевники в сопровождении вооруженных банд начали переход в горы). Однако Национальный совет, постоянно искавший пути восстановления мира между двумя народами, посчитал это непозволительным³⁵.

Совсем другой образ действий демонстрировал Султанов: 4 июня в 10 часов утра по его приказу, после всесторонней подготовки начался обстрел армянского квартала Шуши. Азербайджанские солдаты и курдская банда вошли в армянский квартал города и предприняли там погромы³⁶.

Тюрко-курдские вооруженные группы организовали резню также в пригородных селах Кркжан, Джамилу, Пахлур, уничтожая сотни людей.

³³ См. «Арадж», 24 апреля 1919 г.

³⁴ См. «Жоховурд», 14 мая 1919 г. (на арм. яз.); «Арев», 30 апреля 1919 г. (на арм. яз.); там же, 18 мая 1919 г.

³⁵ См. НАА, ф. 200, сп. 1, д. 309, лл. 171–172.

³⁶ См. там же, ф. 252, сп. 1, д. 1, л. 64.

7 июня враг напал и на села Каринтак и Дашушен, но встретив серьезное сопротивление населения, отступил³⁷.

Направленный английским командованием в Шуши полковник Глатерберг, ознакомившись с совершенными кровавыми деяниями, в представленном Шательворду докладе написал правду: «Надо признать, что резня была предварительно запланирована Султановым»³⁸. В конце доклада он потребовал предать Султанова суду за совершенные им преступные деяния. В связи с этим созданная в целях уточнения вопроса и состоящая из азербайджанских парламентариев комиссия признала Султанова главным преступником. В представленном парламенту заключении комиссии четко и ясно сказано, что инициатором и организатором резни в Шуши и в селах был Султанов. Парламент, однако, посчитал, что «в действиях местной власти и, в особенности, общего губернатора нет ни одного факта нарушения законности»³⁹.

В связи с карабахскими событиями члены президиума Национального совета встретились с Усуббековым, который с конца апреля 1919 г. возглавлял Кабинет министров Азербайджана. Выражая свою позицию, он цинично заявил: «Насколько прискорбными бы не были последние события в Карабахе, знайте, что они не будут последними, пока армянские провинции Карабаха продолжают свое сопротивление Азербайджану»⁴⁰.

7-ой съезд армян Арцаха был созван 12 августа в селе Шош⁴¹. 14 августа Султанов приказал направить пушки на армянские квар-

³⁷ См. там же, ф. 57, сп. 2, д. 557, л. 26.

³⁸ См. «Паак», 26 августа 1919 г. (на арм. яз.); НАА, ф. 4033, сп. 5, д. 461, лл. 168–171.

³⁹ См. «Паак», 26 августа 1919 г.

⁴⁰ См. НАА, ф. 4033, сп. 5, д. 461, лл. 168–170.

⁴¹ См. там же, ф. 57, сп. 5, д. 202, лл. 7–8.

талы села Шош и города Шуши и перекрыл дорогу Евлах–Шуши. В тот же день он предъявил съезду ультиматум, потребовав в течение 48 часов признать азербайджанскую власть⁴². 15 августа депутаты решили временно принять условие ультиматума. Избранная съездом делегация отправилась в Шуши и подписала с Султановым соглашение, состоящее из 26 пунктов, согласно которому горная часть Карабаха – уезды Шуши, Джеваншира, Джебраила временно входили в состав Азербайджанской Республики⁴³.

Азербайджанская сторона постоянно нарушала условия соглашения. Более того, 19 февраля 1920 г. Султанов от имени своего правительства потребовал от Национального совета на предстоящем съезде окончательно решить вопрос подчинения Азербайджану⁴⁴. 28 февраля 1920 г. Армянский Национальный совет Карабаха в селе Шош созвал 8-ой съезд⁴⁵, который принял резолюцию, отклоняющую требование Хосров-бека Султанова, и вновь поднял вопрос о присоединении Карабаха к Республике Армения⁴⁶.

Азербайджан и стоящая за его спиной Турция полностью осознавали, что единственный путь к решению вопроса Арцаха в свою пользу – это истребление армян Арцаха. С этой целью Азербайджан сконцентрировал в Карабахском уезде большое количество военной силы. По проверенным данным, весной 1920 г. в Карабахе было более 10000 солдат. Срочно была сформирована одна курдская дивизия. В Шуши прибыл Нури-паша в сопровождении турецких офицеров⁴⁷. 11 и 12 марта из Баку через Джебраил в

⁴² См. там же.

⁴³ См. там же, ф. 199, сп. 1, д. 9, лл. 67–68.

⁴⁴ См. «Арадж», 19 марта 1920 г.; там же, 4 апреля 1920 г.

⁴⁵ См. НАА, ф. 4047, сп. 1, д. 155, л. 1.

⁴⁶ См. там же, ф. 200, сп. 1, д. 563, лл. 29–35.

⁴⁷ См. «Жоховурд», 26 марта 1920 г.

Карабах и Зангезур было отправлено 90 вагонов, груженных оружием и боеприпасами⁴⁸.

Широкомасштабное наступление Азербайджана против Нагорного Карабаха и Зангезура началось 22 марта. Ударные силы мусаватской армии под командованием турецких офицеров были сосредоточены вдоль шоссе Агдам–Аскеран–Ханкенд–Шуши, а с западной стороны – в направлении Кирс–Туми–Хцаберд⁴⁹.

Армянские вооруженные отряды в свою очередь начали наступление на имеющие стратегическое значение Аскеран, Шуши и Ханкенд. 22 марта армянские силы, действовавшие в направлении Ханкенда, нанеся врагу большие потери, заняли Ходжалы и Ханкенд, 23 марта – крепость Аскерана, и, нанося ему непрерывные удары, заставили отступить к Карадагу⁵⁰.

Апогеем произошедших в Арцахе в эти дни трагических событий стала резня армянского населения Шуши. Целый день 23 марта войска и мусульманское население Шуши потопили город в крови армян. По приблизительным данным, число погибших в Шуши армян достигло 8 тысяч, а спасшиеся от резни остатки армян, числом 5–6 тысяч человек, бежали в Варанду и Дизак⁵¹.

В конце марта после всесторонней подготовки турки начали наступление одновременно по трем направлениям: по шоссе Аскеран–Шуши, Агдам–Ванк, Карачинар–Эркедж. 3 апреля враг захватил Аскеран⁵².

⁴⁸ См. «Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. ...», с. 431.

⁴⁹ См. НАА, ф. 314, сп. 1, д. 34, л. 220.

⁵⁰ См. там же, лл. 222–223.

⁵¹ См. там же, ф. 200, сп. 1, д. 427, ч. 1, л. 179; там же, ч. 2, л. 245; там же, ф. 4033, сп. 5, д. 461, л. 145.

⁵² См. «Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. ...», с. 435.

6 апреля из города Шуши начался обстрел деревень Шош и Каринтак. 7 апреля турки, задействовав крупные силы, захватили Ханкенд и взяли курс на юг, в Корягино. 12 апреля мусаватской армии удалось захватить ряд армянских сел и вплотную приблизиться к деревням Кешишкенд и Сигнах. Здесь их продвижение было приостановлено⁵³.

По приказу правительства Республики Армения 14 апреля 1920 года со стороны Зангезура в провинцию Варанда Арцаха вошли армянские части под командованием Дро и в течение нескольких дней очистили Карабах от тюрко-татарских войск. Султанов со своими вооруженными формированиями укрылся в находящемся в блокаде Шуши.

По инициативе Дро было сформировано временное правительство Арцаха под названием «Варичнери хорурд» (Совет управляющих). Между Зангезуром и Карабахом установилось свободное сообщение.

Первоочередной задачей Дро было обеспечение безопасности Арцаха и решение вопроса объединения провинции с Арменией. 25 апреля с его участием в селе Тагавард был созван 9-ый съезд армян Арцаха, который еще раз зафиксировал: «Провозгласить присоединение Нагорного Карабаха к Республике Армения в качестве неотъемлемой ее части»⁵⁴.

Однако дальнейшие политические развития в корне изменили ситуацию. 28 апреля в Азербайджане установилась советская власть. После этого части Красной армии подошли к границам Арцаха. Руководители большевистского Азербайджана 30 апреля и 8 мая предъявили Правительству Армении ультиматум, требуя вывести

⁵³ См. «Арадж», 12 сентября 1920 г.

⁵⁴ См. НАА, ф. 4033, сп. 5, д. 461, л. 144.

армянские войска из пределов Нагорного Карабаха. Пока правительство Армении искало пути для мирного урегулирования спорных вопросов, части 11-ой Красной армии по приказу командования Кавказского фронта под предлогом предотвращения армяно-татарской резни в районах Шуши и Зангезура 11 мая стали выдвигаться в районы Нахичевана, Ордубада и Шуши⁵⁵. 12 мая в Шуши вошел 281-ый полк 32-ой дивизии 11-ой Красной армии. 18 мая представители члена Военно-революционного совета Кавказского фронта Г. Орджоникидзе С. Тер-Габриелян и Левандовский встретились с Дро и от имени Советской власти потребовали вывода армянских войск из Нагорного Карабаха⁵⁶.

22 мая состоялось последнее заседание временного правительства Карабаха. Оно выразило уверенность, что в сложившейся ситуации положение в крае могут спасти лишь местные большевики, взяв власть в свои руки и объявив Карабах частью Советской России, а не Азербайджана⁵⁷. 23 мая правительство Армении получило сведения из Арцаха о том, что Хачен, Джеваншир и Гюлистан, куда вошла русская Красная армия, провозглашены советскими⁵⁸. Согласно тем же сведениям, Варанда и Дизак также не имели намерения оказывать сопротивления русским войскам⁵⁹.

Таким образом, политические обстоятельства сложились так, что 26 мая Дро сдал власть врачу, большевику Сако Амбарцумяну и на следующий день, 27 мая, со своей войсковой частью покинул Арцах и вернулся в Горис, оставив весь арсенал и склады про-

⁵⁵ См. «Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. ...», сс. 464–465.

⁵⁶ См. НАА, ф. 200, сп. 1, д. 427, ч. 2, л. 336.

⁵⁷ См. Г. Арутюнян. Нагорный Карабах 1918–1921 гг. Е., 1996, с. 243.

⁵⁸ См. НАА, ф. 200, сп. 1, д. 427, ч. 2, л. 336.

⁵⁹ См. там же, д. 563, л. 198.

довольствия карабахцам⁶⁰. 28 мая в деревне Тагавард состоялся 10-ый съезд армян Арцаха, который провозгласил Нагорный Карабах советским и создал ревком под председательством С. Амбарцумяна. Одновременно был создан также ревком Равнинного Карабаха под председательством Б. Велибекова. 16 июня ревкомы Нагорного Карабаха и Равнинного Карабаха объединились, центром стал город Шуши.

⁶⁰ См. там же, д. 427, ч. 2, л. 336.

ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ГОРОДА ШУШИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

*А. А. МЕЛИК-ШАХНАЗАРОВ, Эксперт делегации НКР
на переговорах под эгидой ОБСЕ в 1994–1997 гг.*

В советской научной и исторической литературе, в особенности на русском языке, не было работ, посвящённых возникновению, развитию и гибели города Шуши. А те, что издавались в советский период в Баку, по понятным причинам, носили выраженный односторонний, а во многом и откровенно антинаучный характер.

Ведь идеологам из ЦК КП Азербайджана и иных республиканских изданий требовалось, вопреки имеющимся фактам, «доказать», что Шуши есть «древний азербайджанский город», «жемчужина Азербайджана». Последнее выражение в период азербайджано-карабахского конфликта даже стало одним из штампов официальной бакинской пропаганды.

* * *

Осев на земле—но не в качестве земледельцев или даже полуоседлых скотоводов, а став неожиданно горожанами—кочевники Панаха Али, как представляется, первоначально выполняли привычные для них воинские функции. Ведь не секрет, что основным занятием кочевых племён наряду с овцеводством были набеги с целью захвата трофеев и пленников.

Вот, например, что говорится о занятиях Панаха Али и его подданных до поселения в Шуши и принятия оседлого образа жизни в рукописи Мирзы Джамала Джеваншира Карабагского «История

Карабага», изданной в Баку в 1959 году в издательстве Академии наук АзССР Институтом истории этой республики:

«Панах-хан, объединив вокруг себя многих удалых юношей из своих родственников и иллатов, занялся грабежом в Ширванском, Шекинском, Ганджинском и Карабагском вилайетах»¹.

Между прочим, в 1959 году рукопись была издана на трех языках – фарси, русском² и азербайджанском, причём на последнем языке произведение было опубликовано впервые, ибо и впервые было переведено на оный с фарси. Советские азербайджанские ученые сделали столь «вольный перевод» оригинала как на русский, так и на азербайджанский языки, что в тексте появилось немало географических терминов и эпитетов («Азербайджан», «азербайджанский»), которые, ясное дело, отсутствовали как в оригинале на фарси, так и в дореволюционном русском издании³.

По мере умиротворения края, особенно после его перехода под власть Российской империи, и жившим в Шуши вчерашним кочевникам-тюрькам волей-неволей пришлось менять традиционный уклад удальца-разбойника на более мирные занятия. А поскольку ставшие горожанами бывшие кочевники земледелию научиться не могли, в новой мирной жизни они вынуждены были постепенно перенимать у своих армянских соседей опыт торговли и ремесленничества.

Советская и современная азербайджанская историография по

¹ *Мирза Джамал Джеваншир*. История Карабага. Баку, 1959, с. 67.

² Изначальный русский перевод этой рукописи, написанной в середине XIX века на фарси, был осуществлен А. Берже и напечатан в 1855 г. в издававшейся в Тифлисе газете «Кавказ» (см. «Кавказ», 1855, № 61, 62, 65, 67, 68, 69).

³ См. М. Мельтюхов, А. Тер-Саркисянц, Г. Трапезников. Исторические фальсификации с политической подоплекой. М., 1999, с. 5.

умолчанию упоминала исключительно об «азербайджанском» населении города, выдающихся выходцах из него и т. п.

Одним из последних примеров такого рода является объёмистая (более 350 страниц) книга Чингиза Каджара «Старая Шуша», изданная в Баку в 2007 году. В ней представлена известная азербайджанская версия о «переселении армян в Закавказье» после 1828 года. Соответствующая глава так и называется: «Заселение Шуши и Карабаха армянами»⁴.

О Шуши в книге говорится как изначально об исключительно «азербайджанском» городе, перечисляются многочисленные деятели культуры и искусства исключительно мусульманского происхождения; все христианские храмы Карабаха называются «албанскими», а языком общения в средневековом Карабахе объявляется «тюркский-азербайджанский»⁵.

Характерной особенностью названной книги является полное отсутствие какого-либо справочного аппарата, что, собственно говоря, и не требуется, ибо подобные издания носят сугубо пропагандистский характер.

Между тем относительно состава и численности населения города имеются многочисленные статистические данные, начиная с первой трети XIX века и вплоть до гибели старой Шуши в марте 1920-го.

Уже в начале двадцатых годов XIX столетия царские военно-служашие при описании города Шуши выделяли три квартала в городе: Газанчеоц, населённый выходцами из Газанчи; Агулецоц

⁴ См. *Чингиз Каджар*. Старая Шуша. Баку, 2007, с. 72.

⁵ Там же, с. 17.

– из Агулиса и Тавризецоц – из Тавризли. В двух первых имелось 208 армянских «дымов», а в последнем 202 «дыма» мусульман⁶.

По данным Кавказского календаря, к 1851 году в городе проживало 12724 постоянных жителя, из них – 6357 армян. По социальному составу это были: простые горожане – 10944 чел.; армянское духовенство – 75 чел.; мусульманское духовенство – 66 чел.; православное духовенство – 1 чел.; мелики – 28 чел.; беки, чиновники и члены бывшей ханской фамилии – 1560 чел.; гражданские чиновники – 18 человек⁷.

В 1856 году население Шуши составляло 15194 человека, из которых армян было 7761 человек, им принадлежало 1715 домов; татар насчитывалось 7391 человек, 1319 – домов; русских – 42 человека, 6 домов. В городе занимались торговлей 713 армян и 301 татарин; ремеслами – 1318 армян и 545 татар. 758 человек являлись членами бывшей ханской фамилии, мусульманскими беками, сеидами, муллами. В городе было пять армянских церквей (в том числе – монастырь), одна русская церковь, две соборные мечети⁸.

Население города по переписи 1897 года составляло 25881 человек, из них армян – 14345 человек (55,3 %), татар – 10809 человек (41,7 %), русских и других национальностей – 734 человека (3 %).

Накануне 1917 г. в Шуши проживало 43869 человек, из них 23396 человек армян (53 %) и 19121 татарин (44 %)⁹.

⁶ См. Центральный государственный исторический архив Грузии, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1433, сс. 191–194.

⁷ См. «Кавказский календарь на 1852 год». Тифлис, 1851, сс. 433–435.

⁸ См. «Кавказский календарь на 1856 год». Тифлис, 1855, сс. 358–360.

⁹ См. «Кавказский календарь на 1917 год». Тифлис, 1916, сс. 190–196.

Известно, что в марте 1920 года армянская, т. е. большая по территории, часть города и собственно город в современном понимании этого слова с его инфраструктурой и культурными учреждениями были сожжены и разграблены, население частично уничтожено, частично навсегда покинуло свои дома.

Лишившись урбанизированной армянской части города с ее торговыми, культурными, учебно-просветительскими и медицинскими заведениями, оставшаяся мусульманская часть Шуши была обречена на жалкое существование и постепенную стагнацию.

В 1921 году в Шуши осталось всего 9223 человека. В 1923 году – 6976 человек, в 1925 году – 5000 человек¹⁰.

К концу 1920-ых годов некогда цветущий город – (в начале XX века – третий по численности населения после Тифлиса и Баку город Закавказья) по существу превратился в грязную и нищую деревню, а его население уменьшилось до 3000 человек, – практически, исключительно азербайджанских тюрок и курдов. Лишь в послевоенный период его население стало понемногу расти.

Известно, что в середине 1960-ых гг. в Баку было принято решение о сносе руин армянской части Шуши и начале массового строительства и заселения новых домов и кварталов города переселенцами-азербайджанцами.

Возникла срочная необходимость обоснования «права азербайджанского народа» на бывшую столицу Нагорного Карабаха и его важнейший стратегический пункт. В этот период усилилась политика фальсификации истории Шуши в современном (отличном от исконного, Иранского Азербайджана) Азербайджане.

Если просмотреть фотографии руин города, снятые в 1920–1960-ые годы, напрашиваются два вывода:

¹⁰ См. «Хорурдаин Айастан», 3 октября 1925 г., № 224 (на арм. яз.).

во-первых, архитектура руин верхней части города свидетельствует о его армянском характере;

во-вторых, пункт о восстановлении Шуши в решении Кавбюро РКП(б) от 5 июля был вполне реализуем с технической точки зрения. Ведь каменные стены 2-3 этажных зданий стояли практически невредимыми и требовали возведения новых крыш и межэтажных пролётов. Не подвергшиеся сносу армянские церкви Газанчецоц (Сурб Аменаприкч) и Канач Жам (Иоанна Крестителя), простоявшие в полуразрушенном виде с 1920-ых по 1990-ые гг., были успешно реставрированы и сегодня служат людям.

Не случайно, в 1945 году, сразу после окончания Второй мировой войны, Секретарь ЦК КП(б) Армении Григорий Арутинов обратился к Иосифу Сталину с письмом, в котором на основании экономических и социально-культурных аспектов, а также «исходя из желания населения Нагорного Карабаха, ЦК и Совнарком Армении вносят на рассмотрение ЦК ВКП(б) и Союзного правительства вопрос о включении в состав Армянской ССР Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в качестве Карабахской области»¹¹. В письме говорилось, что «при положительном решении этого вопроса ЦК и Совнарком Армении войдут в правительство с предложением о восстановлении бывшего центра Карабаха города Шуши, разрушенного перед установлением Советской власти».

Сняв де-факто с повестки дня вопрос о восстановлении армянской части Шуши ещё в 1920-ые годы, власти АзССР вряд ли могли беспокоиться о массовом возвращении в город беженцев-армян: бывлые шушинцы к концу 1940-ых гг. уже давно осели и пустили

¹¹ Партархив Армянского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 25, д. 41, л. 1, цит. по: *Х. Барсегян. Истина дороже. Е., 1989, с. 120.*

корни в других регионах страны. К тому же послевоенные надежды на либерализацию сменились новым ужесточением сталинизма и усилением политики «коренизации» в АзССР в 1950-ых гг.

Однако останки некогда цветущей армянской части города молчаливо свидетельствовали о своих былых хозяевах и мешали расширению «нового» советско-азербайджанского Шуши.

Тем самым, уничтожение руин армянской части города преследовало сразу две цели:

во-первых, расчистить территорию под новое строительство для переселенцев;

во-вторых, уничтожить следы армянской части города.

Однако даже сношением руин вторая цель так и не была целиком достигнута. Это объяснялось тем обстоятельством, что армянское зодчество наложило свой отпечаток и на «татарскую» (мусульманскую) часть города.

Таким образом, политическим интересам Баку и новой азербайджанской историографии было мало уничтожить следы армянского присутствия в Шуши, но нужно было и каким-то образом доказать и удревнить «азербайджанское» происхождение города и его архитектуры. Что, по понятным причинам, было практически невозможно, и породило волну самых нехитрых фальсификаций.

Так, на территории бывшей АзССР именно памятники армянской культуры составляли абсолютное большинство среди памятников всех культур как исчезнувших, так и здравствующих народов республики. А именно – около 11 тысяч¹².

¹² См. *Л. Барсебян, А. Григорян*. Отношение к прошлому – залог будущего. «Коммунист», 7 октября 1989 г.

Тем не менее в списке охраняемых памятников истории и культуры, подлежащих государственной охране, который был утвержден Постановлением 140 от 2 апреля 1968 года Советом министров АзССР, в число 591 памятника вошли всего ... 25 армянских. Только из НКАО и без указания этнической принадлежности¹³.

На деле же на территориях Нагорного Карабаха (в его полном, а не усеченном до куцых границ НКАО понимании) и Нахичевана находились практически лишь одни средневековые армянские исторические памятники. «Мусульманские» памятники прошлых веков можно было буквально пересчитать по пальцам. Поэтому в числе охраняемых памятников, которые хотя и с натяжкой, но всё же можно было отнести к тюрко-мусульманскому («азербайджанскому») наследству, в основном были немногочисленные мечети, жилые дома и иные постройки XIX века.

Так, в списке «азербайджанских» памятников Шуши, опубликованном в бакинской газете «Зеркало»¹⁴ в 2001 году, перечислены 19 памятников: жилые дома, мечети и два караван-сарая. Из них практически все – второй половины XIX века. И лишь один из домов заявлен памятником XVIII века. При этом из 7 названных в списке мечетей реально в советское время существовали 3, остальные, вероятно, числились лишь на бумаге: скорее всего, это были деревянные строения XIX века, впоследствии, после строительства каменных мечетей, разобранные за ветхостью (такой же путь – из деревянных в каменные – прошли в XIX веке и 5 армянских храмов Шуши). Отметим также, что в списке «Зеркала» в качестве «азербайджанского памятника» числился и дом... известных армянских купцов и меценатов Джамгаровых.

¹³ См. «Армянский вестник». М., 1991, № 3 (17).

¹⁴ См. Ф. Фатулла. Наследство тюрков в услужении у армян. «Зеркало», 7 сентября 2001 г.

Некоторые сохранившиеся в Шуши и в советское время армянские дома и памятники зодчества произвольно объявлялись «азербайджанскими». С этой целью часть из них подверглась «реставрации», призванной убрать с фасадов и стен армянские надписи, узоры и орнаменты и создать новые – в нарочитом восточном, мусульманском стиле.

Вероятно, только наличие хоть какой-то автономии НКАО помешало властям АзССР провести «реставрацию» оставшихся шушинских церквей, подобную той, которой подверглась армянская церковь Сурб Саркис в другом карабахском городе – Гандзаке (Елизаветполь, Кировабад, Гянджа). В 1970-ых гг. она была отреставрирована таким образом: сделали пристройки в «восточном» стиле, стерли со стен армянские надписи и убрали кресты.

О некоторых строениях, если разрушить их не было возможности, просто умалчивалось, как это было в случае с двумя сохранившимися после сноса руин армянской части города церквями Газанчеоц и Канач Жам.

Так, огромная церковь Газанчеоц, или Сурб Аменапркич (Христа Спасителя), которая до марта 1920 года была высотной доминантой города (40 метров в высоту), все годы стояла заброшенной, без дверей, окон и купола. С целью закрыть её от обзора извне вокруг храма, на холмах выше него были построены новые пяти- и шестизэтажные дома. Церковь Канач Жам была превращена в галерею для питья минеральной воды местного санатория. А ранее разобранный практически до фундамента церковь Мегрецоц была превращена в летний кинотеатр. На фундаменте же православного храма в конце 1960-ых гг. было построено административное здание.

Характерный эпизод из советских лет привела в своем письме в редакцию областной газеты НКАО «Советский Карабах»¹⁵ Нина

¹⁵ См. «Советский Карабах», 12 октября 1988 г.

Качоровская, инженер-конструктор из Волгограда, побывавшая в Шуши в начале 1980-ых гг.:

«Хорошо помню ту поездку, хотя прошло уже 6 лет. Помню, как в Шуше нас почти час водили вокруг памятника Вагифу (тюркский поэт второй половины XVIII века, некоторое время жил в Шуше, при дворе местного хана; был казнен и похоронен вдалеке от Шуши. В начале 1980-ых гг., по указанию Г. Алиева, в честь Вагифа возвели безвкусную железобетонную коробку—«мавзолей», помпезно открытый лично Алиевым – А. М-Ш), а когда мы попросили показать армянскую церковь, экскурсовод—азербайджанец заявил, что это не входит в план экскурсии и отказался показывать дорогу. Пришлось спрашивать у прохожих. Пришли, а церковь стоит почти разрушенная».

Отдельно следует сказать о многочисленных некрополях Шуши. Всего насчитывалось 6 кладбищ, включая одно русское, и одно смешанное – армяно-русское.

Современный шушинский исследователь-энтузиаст Грачья Арутюнян проделал за многие годы гигантский труд: изучил более 32 тысяч надгробий всех семи кладбищ Шуши – тех, что остались нетронутыми, – сфотографировал их, скопировал надгробные надписи и рисунки, описал и систематизировал. По итогам этой важнейшей работы он издал на армянском и русском языках книгу «Шуши: нововыявленные исторические надписи»¹⁶.

Благодаря этой книге стало возможным установить родственные связи, годы жизни и смерти, детей и родителей многих тысяч давно ушедших жителей города. Благо отдельные участки кладбища принадлежат родовым захоронениям крупных шушинских семейств, таким, как Гукасянц, Мелик-Шахназарянц, Тамирянц, Малхасянц,

¹⁶ См. Г. Арутюнян. Шуши: нововыявленные исторические надписи. Степанакерт, 2008.

Барутчянц, Жамгарянц, Хандамирянц, Мискарянц, Юзбашянц и многим другим.

Вполне понятно, что в советское время «борьба» с армянскими кладбищами была одним из элементов фальсификации истории города. В те же 1960-ые гг. сровняли с землей несколько расположенных в городской черте армянских кладбищ, их надгробья были использованы как стройматериал для новых домов и дач партийных функционеров.

Находящиеся же за городской чертой кладбища были спрятаны от глаз людских за посадками ореховых деревьев и бурно растущих кустарников. Часть нижнего кладбища у бывших Елизаветпольских ворот была разрушена при проведении новой автодороги в город.

Примечательно, что мусульманских захоронений в окрестностях города вплоть до конца первой трети XIX века не было вовсе. Члены ханской фамилии и их соплеменники хоронили своих умерших в равнинной зоне, вне собственно Нагорного Карабаха: близ села Агдам и в местечке Агджабеди, ставших в советское время райцентрами, давшими название одноимённым районам Равнинного Карабаха. Это лишний раз подтверждает, что распоряжение землями оставалось прерогативой карабахских меликов, а власть хана распространялась во владениях меликов исключительно на мусульманскую часть Шуши, в пределах которой, собственно, и обитали его соплеменники.

Вообще, отношения между меликами Арцаха и, в особенности, меликом Шахназаром, Панахом Али и его сыном Ибрагимом до сих пор недостаточно освещены и проанализированы в армянской историографии. Более того, и поныне бытует устоявшийся взгляд, навеянный народными преданиями и легендами, лёгшими в основу «Меликств Хамсы» Раффи. Хотя имеющиеся архивные документы подчас свидетельствуют совершенно о противоположном

характере отношений между владельцем Варанды Шахназаром и Ибрагим-ханом¹⁷.

Между тем этот момент очень важен. Ибо азербайджанские фальсификаторы истории пытаются «обосновать» принадлежность имеющего как минимум тысячелетнюю историю армянского Арцаха созданному в 1918 году образованию под названием «Азербайджан»* практически исключительно на факте 70-летнего существования Карабахского ханства и трёх его ханов мусульманского происхождения (последний из которых, Мехти Кули, был поставлен уже русской администрацией).

Но ведь ханства были административными единицами Персии, при чём же тут провозглашенная в Закавказье лишь в 1918 году Азербайджанская Республика? Ханства были и в Средней Азии, в Поволжье, Крыму – их с таким же успехом можно объявить «Азербайджаном».

Более того, пришедшие из «реального», то есть находившегося южнее Аракса, за пределами современного Закавказья, Азербайджана в Арцах, кочевые племена и их вожди Панах и Ибрагим за исключением конфессиональной принадлежности к исламу, имели лишь родоплеменную, но никак не национальную самоидентификацию.

События 1988–1992 гг. перевели проблему фальсификации истории Шуши в практическую плоскость. Активизация фальсификаций истории – да и современности – Шуши пришлась на период

¹⁷ См., например: «Армяно-российские отношения в XVIII веке», т. IV. Е., 1990, сс. 251–252.

* Вплоть до 1918 года ни в документах, ни на картах – российских и любой страны мира, название «Азербайджан» не встречается севернее Аракса, т. е. в Закавказье; провинция Азербайджан локализовалась исключительно на территории современной Персии, южнее Аракса.

азербайджано-карабахского конфликта, его военной фазы и первых послевоенных лет, когда велись активные прямые трёхсторонние переговоры по урегулированию конфликта под эгидой ОБСЕ.

В ходе переговоров с азербайджанской стороны предпринимались настойчивые попытки представить Шуши как некий обособленный от Нагорного Карабаха регион.

Не случайно, ещё в 1920-ых гг. от некогда самого крупного по населению района армянского Нагорного Карабаха – Варанды, был отрезан стратегически важный район Шуши. Он включил в себя как сам город, расположенный на стратегически важном плато, так и местность к востоку и юго-востоку от Шушинского плато, по-над дорогой Шуши–Горис. Так, на карте АОНК появилась Шушинский район, ставший самым маленьким по территории сельским административным районом в АзССР: его площадь составила всего лишь 300 квадратных километров*.

Планы, предусматривавшие вычленение Шуши из общего контекста Нагорного Карабаха, в действительности, имели место во всех трёх предложениях по урегулированию, выдвигавшихся странами-сопредседателями Минской группы ОБСЕ в 1997–1998 гг.¹⁸.

В связи с этим остро обозначилась необходимость ознакомления посредников и международной общественности вообще с драматической историей Шуши. И, прежде всего, с оставшимся ненаказанным уничтожением армянской части города и резней его населения в марте 1920-го года и необходимостью устранения

* Это была необычно малая территория для сельского района, даже для относительно небольших, по советским масштабам, закавказских республик. Для сравнения: равнозначной была территория города Еревана в конце 1980-ых гг.

¹⁸ Все три документа были впервые официально опубликованы в газете «Бакинский рабочий» (см. «Бакинский рабочий», 21 февраля 2011 г.).

трагических последствий этого преступления против человечности.

Тем самым дальнейшие исследования истории основания и становления Шуши, борьба с азербайджанскими фальсификациями истории города имели и имеют вполне практическое и важное политическое значение.

ВЫВОДЫ

1. Начиная с середины XVIII в. до 20-ых годов XX в. Шуши являлся общественно-политическим и культурным центром Арцаха, символизирующим стремление арцахских армян к независимости.
2. Крепость Шуши была основана владетельными меликами Варанды в 1710–1720-ых годах на месте старых армянских поселений и укреплена Меликом Шахназаром в начале 1750-ых годов в качестве города-крепости в целях объединения и суверенизации Арцаха.
3. Панах Али-бек из кочевого племени Джебванширов обосновался в Шуши в 1750-ых годах по приглашению владетельного мелика Варанды Шахназара, пытавшегося данным приглашением разнообразить свой военно-политический ресурс как во внешних, так и во внутренних отношениях.
4. Отношения наследственного мелика Варанды Шахназара, легитимно вступившего в княжение согласно фирману персидского шаха Надира, и Панаха, провозгласившего себя ханом и правителем (хакимом) Карабаха (в условиях не обнаруженности соответствующего шахского фирмана), строились по модели сопряжения владетельной власти Мелика Шахназара и других армянских меликов и административной власти Панаха при доминировании в пределах Арцаха Мелика Шахназара.
5. Сложившаяся модель властных отношений между меликами Варанды Шахназаром и его преемником Джимшидом, с одной стороны, и Панахом и его потомками, с другой, была нарушена в результате коренного изменения геополитической обстановки в Арцахе в результате двух походов шаха Ага-

Мохаммеда Каджара (1795 и 1797 гг.) в Карабах, сопровождавшихся голодом и мором, приведших к демографическим изменениям и временному снижению доминантной роли армян.

6. После присоединения Арцаха к России Шуши стал административным, социально-политическим, духовно-церковным и культурным центром Арцаха, игравшим важную роль в культурной жизни всего Закавказья:

- город Шуши строился по принципам и традициям армянской архитектуры и первые архитекторы-мусульмане в своем творчестве исходили также из принципов и художественных приемов армянской архитектуры;
- епархиальная консистория была перенесена из Гандзасарского монастыря в Шуши, в результате чего Шуши стал духовно-церковным центром Арцаха;
- в Шуши были основаны епархиальная школа и другие учебные заведения, в том числе – Реальное училище, женская гимназия и т. д.;
- в городе функционировали несколько типографий, издавались научно-образовательная и художественная литература, газеты и журналы на армянском, с 1920-го – на русском, а в советское время (с 1923 г.) – и на азербайджанском языках;
- Шуши стал одним из тех городов, куда чаще всего приезжали гастролирующие армянские театральные труппы. На протяжении десятилетий здесь побывали почти все мастера армянской сцены: Геворг Чмшкян, Петрос Адамян, Ованес Абелян, Сирануйш, Ованес Зарифян, Григор Аветян, Арам Вруйр и

многие другие, благодаря чему в городе возник и достиг значительных творческих успехов собственный театр;

- город назывался «Закавказской консерваторией». Здесь бурлила активная музыкальная жизнь, здесь родились и сформировались такие видные деятели музыкального искусства, как Григор Сюни, Егише Багдасарян, Даниел Казарян, Аршак Костанян, Богдан Туманян, Ованес Иоаннисян, Александр Александрян, Григор Меликян, Бала Меликян и другие;
- армянская музыкальная атмосфера Шуши сыграла исключительную роль в формировании и развитии азербайджанской профессиональной музыки, т. к. здесь выросли такие видные композиторы и исполнители азербайджанской классической и народной музыки, как Гаджибековы, Бюль-Бюль и др.;
- в Шуши периодически организовывались выставки видных армянских живописцев и скульпторов, жизнь и деятельность многих из которых была тесно связана с Шуши (Степанос Нерсисян, Степан Агаджанян, Акоп Гюрджян и другие).

7. Городская жизнь в Шуши была прервана в марте 1920 г. в результате захвата города турко-татарскими войсками и бандами, устроившими погромы и массовую резню армян: составлявших основное население города. Логика подобного отношения к армянской части города продолжалась и в годы советской власти.

8. Хотя в первые годы установления советской власти вынашивались планы по восстановлению города Шуши на государственном уровне, но восстановление так и не было осуществлено, а с начала 1960-ых годов начался снос остатков Армянского сектора с намерением уничтожить следы присутствия в Шуши армянского населения. Среди прочих сооружений в этот период были снесены

и три армянские церкви, а также здание русской церкви. В условиях антиармянской политики, проводимой правительством Азербайджана, власти Баку стремились любым способом подавить в Шуши подъем национального самосознания, ограничить рамки армянского образования и создать широкие возможности для азербайджанизации всего Арцаха.

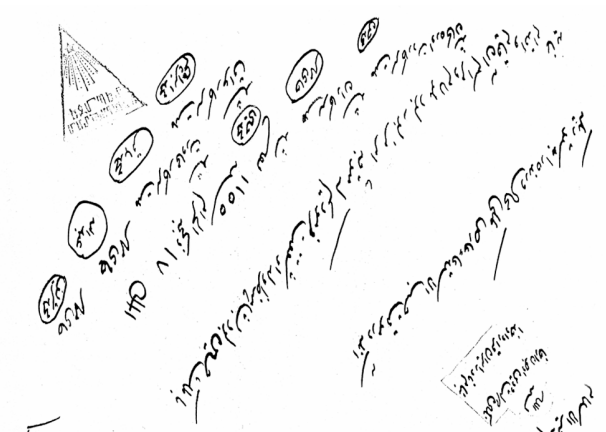
Азербайджан и сейчас продолжает порочные попытки вычленения Шуши из общего контекста территории НКР, придания бывшей столице Арцаха некоего «особого статуса» в связи с проблемой азербайджанских беженцев из этого города.

9. Работы по возрождению города Шуши и его бывшего значения начались после освобождения в 1992 г., когда он перестал быть плацдармом для осуществления в Арцахе армянофобской политики Азербайджана и подавления национально-освободительных устремлений коренного населения края.
10. Фальсификация истории Карабаха, осуществляемая в Азербайджане с советских времен и достигшая на данном уровне государственного заказа, зиждется на фальсификации документов в первой четверти XIX века в целях лишения потомков мелика Шахназара наследственных прав на Варанду, совершенных в меркантильных интересах внука Панаха Мехти Кули и председателя уездного суда секретарями ханской канцелярии (мирзами), являвшимися одновременно членами суда. Данные фальсификации получили в последующем «закрепление» в исторических трудах этих же секретарей, написанных в середине XIX в. и служащих первоисточниками по истории Карабаха второй половины XVIII в. как для азербайджанской, так и армянской исторической науки.

11. На основе дополнительного изучения первоисточников требуют пересмотра и переосмысления принятые в армянской исторической науке положения:
- а) о нелегитимности княжения Мелика Шахназара в Варанде путем убийства своего брата Овсепя, что опровергается историческими фактами;
 - б) последствия походов Ага-Мохаммеда-хана для геополитической и этнополитической обстановки в Арцахе;
 - в) оценка деятельности и взаимоотношений Мелика Шахназара и других меликов Хамсы в контексте противостояния Карабахских и Гандзакских ханов;
 - г) критический анализ первоисточников по истории Карабаха XVIII–XIX вв.;
 - д) резня армян в Баку и Шуши в 1918–1920 гг. как фактор ликвидации турко-татарами препятствий к созданию на территории Восточного Закавказья искусственного политического образования под названием «Азербайджан».

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОКУМЕНТЫ

عرصه دست گرفتن بندگان
 بدو در عرض حجاب دعا ملک بشناهد انفس اعلیٰ
 کبیر خایله عالی خورنده
 چون ملک حسین ملک جمال درنده متصدق فرق فرقان سمر مبارک انفس اعلیٰ
 کردند
 دشت هنظر و لکمش را لیه قابلیت ملک دارد استعدا که قسم مبارک انفس اعلیٰ
 شفقت و رحمت کرد که بدستور سابق و لکمش را لک ملک حاله لوره
 باورد و لوره استعمال نماید چون واجب بود جهات عرض کردید
 نامه آکابچی

Копия грамоты Надир-шаха Мелику Шахназару на персидском языке.

Перевод грамоты Надир-шаха:

«Перевод с персидского.

К Высочайшему престолу Вашего Августейшаго Величества повергается со всеподданнейшего просьбою Еген, Управляющий пятью Армянскими частями Карабага. Так как Мелик Гуссейн мелик округа Веренды сделался жертвою за Августейшее Ваше Величество, и Шахназар, его сын, имеет способность быть владетелем, вместо отца; то всеподданнейше прошу пожаловать Высочайшую Грамоту и утвердить его, Шахназара, по прежнему закону, меликом упомянутого округа, дабы он занимался управлением и обязанностями Дивана. Я осмелился доложить, так как долженствовало.

Высочайшая резолюция:

Именем Всевышняго Бога /Печать Надир Шаха/ повелеваем Высочайше: По просьбе просителя, округ Веренду, по прежнему подобно, как оный принадлежало Мелик Гусейну, пожаловали мы сыну его Шах Назару, чтобы сей Шах Назар владел тем округом и старался об управление так, как должно.

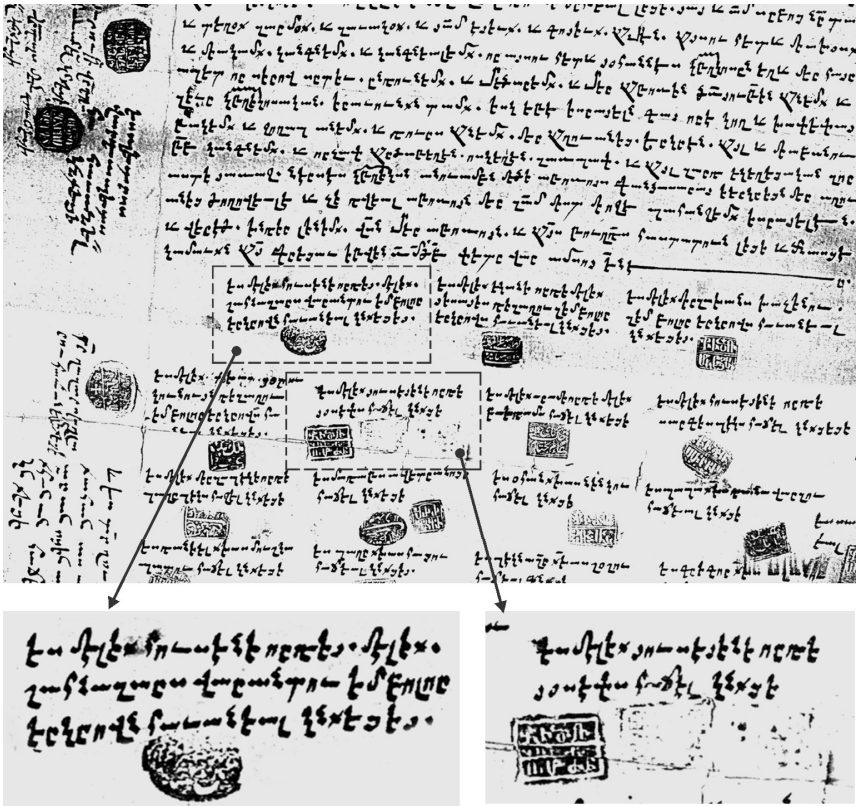
17-го месяца Зильгадже 1155-го.

На обороте есть печатей Министров и Директоров.

Что сей перевод учинил в Азиатском Департаменте Министерства Иностранных дел, по прошению отставного Капитана Хосров Шахназарова, в том свидетельствует сей Департамент с приложением печати октября 14 дня 1838 года № 2523. Вице-Директор /Сенявин/ Печать Азиатск. Депорт. Иност. Дел.

Копия сия выдана из Шущинскаго Уезднаго Суда Штабс Капитану Мингрельскаго Гренадерскаго полка Ивану Шахназарову вследствие прошения его по решению [одно слово неразборчиво] Журнальному постановлению Суда на 2 сего мая состоявшемуся и что она с переводом грамоты Надир Шаха верна, в том суде сей подписю члена и приложением казенной печати свидетельствует мая 6-го дня 1858 года – заседатель и кавалер М. Бердовский. Секретаря Афанасьева столначальник Жар... № 625 печать К.У. Суда».

Матенадаран им. М. Маштоца, Архив Католикосата, папка 240, док. 172, л. 1а.

Печати и подписи Мелика Шахназара и его младшего брата Мелика Овсепя в «циркуляре» от 5 февраля 1763 г.

ВИДЫ ШУШИ*

Город Шуши. Художник В. В. Верещагин, 1865 г.

* Взято из *Ш. М. Мкртчян. Шуши (старинные открытки)*. Е., 1990; а также из сайтов: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:View_of_Shusha.jpg; http://fr.wikipedia.org/wiki/Fichier:Shusha_1920.jpg; http://en.wikipedia.org/wiki/File:Ruins_of_the_Armenian_part_of_the_city_of_Shusha_after_the_March_1920_pogrom_by_Azerbaijani_armed_units._In_the_center_-_church_of_the_Holy_Savior.jpg; <http://www.bvahan.com/armenianway/aw/shushi/gal/photos/skeleton/108-1-shushi.jpg>; <http://www.locatravel.am/images/Sight/gaz4.jpg>

Общий вид армянского квартала (XIX в.)

Летнее помещение общественного собрания (XIX в.)

Руины армянского квартала
после армянских погромов в 1920 г.

Развалины (центральная часть армянского квартала, слева – театр)

Церковь Сурб Аствацацин (Богородицы),
или «Канач жам» (XIX в., после реставрации)

Разрушенное армянское кладбище
(советские годы)

Церковь Газанчецоц Сурб Аменапркич (Всеспасителя)
до реставрации (1980 г.)

Церковь Газанчецоц Сурб Аменапркич (Всеспасителя)
после реставрации

СЪВЕРНАЯ ПЧЕЛА.

Выходитъ еже-
дневно, кроме
дней праздничныхъ
и воскресныхъ.

Годовая цена
за 306 номеровъ
въ С. П. бургъ 40 р.,
съ пересылкою 50 р.

№

210.

Пятница, 18го Сентября 1831.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ОЧЕРКЪ КРѢПОСТИ ШУШИ И ВСЕГО КАРАБАХА.

(Отрывокъ изъ Кавказскихъ Записокъ.)

На пути изъ Чинахчей въ Шушу, вы видите на высочайшемъ пунктѣ одной изъ громад-ныхъ горъ, пересекающихъ Карабахъ во всѣхъ направленіяхъ, амфиатръ зданій: это Шуша! Природа оградила ее съ трехъ сторонъ почти отвѣсными скалами, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ перпендикулярной высоты до 200 сажень. По сѣверному проплаженію горы, менѣе другихъ возвышенному и болѣе пологому, построена крѣпостная стѣна съ башнями; отъ востокъ Эриванскихъ до востокъ Елисаветнопольскихъ, стѣна сія расположена по полукруглому

гребню горы; склонившись въ ущеліе, и изъ онаго опять возвышаясь, достигаетъ, по направленію первой, на сѣверовостокъ самаго высочайшаго возвышенія, гдѣ и оканчивается разными почти разрушенными зданіями, къ оной прилегающими. Тамъ, гдѣ измѣненія поверхности горы становилась нѣсколько оплогими, плынешь другая стѣна по восточному направленію, возвышалась постепенно, и оканчивается четверугольнымъ зданіемъ съ башнями, въ космѣ находится вышѣ провіантскій магазинъ. Вся стѣна сѣверной части расположена зигзагами для взаимной обороны. Но какъ вообще все укрѣпленіе усроено непрочо, то предположено его исправить. Прочія же стороны, защищаемыя неприступнымъ мѣстоположеніемъ, оставлены безъ укрѣпленія. Вся окружность Шуши составляетъ до семи верстъ.

Городъ, можно сказать, раскиданъ, отъ сѣвера къ югу, амфиатромъ; строения не великолѣпны и почти такой же варужности, какъ въ Эривани, съ шую разницею, что всѣ дома въ Шушѣ крыши черепицею, и крыши не плоскія, а съ стропилами, придающъ оной болѣе Европейскаго виду. Улицы довольно широки и частію

вымощены камнем; по шамъ, гдѣ сего нѣтъ, во время дождей, ошъ глиниспагъ) грунта земли бываетъ чрезвычайная грязь. Садовъ въ Шумъ очень мало; но при каждомъ домѣ есть нѣсколько деревьевъ. Замѣчательнѣйшія строения: длинныя ряды лавокъ каменныхъ изрядной архитектуры; домъ Джафаръ-Кули-Аги, брата послѣдняго Хана Карабахскаго Мехти-Кули, знаменитый смертію Аги-Мегмешъ-Шаха, о чемъ ниже будетъ сказано; домъ Роспомъ-Бека, домъ сестры Ханской, Гевіаршаги, домъ одного богатаго Арманскаго купца, кошораго торговля весьма обширна, а состояніе простирается до двухъ милліоновъ червонцевъ; домъ Базельскихъ Евангелическихъ Миссіонеровъ, весьма красивый и съ большимъ садомъ; нѣсколько другихъ порядочныхъ домиковъ; двѣ Арманскія церкви, одна Русская, расположенная въ домѣ, и Ташарскія мечети безъ минаретовъ; — вошь и все украшенія Шуми!

Но за то, какой видъ представляютъ окрестности! Со всехъ сторонъ взору вашему представляются живописныя картины; вы видите горы, увѣчанныя лѣсомъ; скалы обросшія мхомъ; ужасныя крутнзны и пропасти, прищцыя долины между горами, гдѣ рисуются селенія по большей части Арманскія; воздѣланныя нивы и луга, покрытыя стадами домашнихъ животныхъ.

Со всѣхъ сторонъ горизонтъ ограничивается высочайшими пунками горъ, весьма часто одѣтыхъ волнистыми туманами. Какъ пріятно при восходѣ солнца смотрѣшь на сію величественную картину, когда длинныя пѣны огромныхъ вершинъ разстилаются по изгибамъ горъ, и день, постепенно водворяясь въ долинахъ, проливается въ ущелія! Между сими красотоми вѣщурны особенно примѣчательны: гора Топхана, лежащая на востокѣ и командующая Шушею; на ней стояли орудія Персидскія въ 1826 году, и съ высоты ея грозно лежали бомбы въ пещеру Карабаха, въ которой горсть Русскихъ воиновъ съ обычнымъ для нихъ мужествомъ выдержала полушоромѣсячную блокаду почти всей Персидской Арміи. Одна изъ скалъ Шунинскихъ, совершенно ошвѣсная; внизу ея чернеется каменная пропасть. Съ высоты скалы, по приговору Хановъ, въ нихъ присуществіи были свергаемы въ оную несчастныя жертвы необузданнаго самоволія. Водвореніе законовъ Россійскихъ въ Карабахѣ пресѣкло сей варварскій обычай, и теперь только любовишный приходишь иногда взглянуть на сей памятникъ жестокости; взоръ его съ содроганіемъ углубляется въ пропасть. Напротивъ Шуши видна, на половинѣ почти ошвѣсной скалы, каменная стѣна съ башнями, ограждающая пещеры, находящіяся въ скалѣ, и

прежде обншаемыя; внизу каменнстый обрывъ; еще нвже, шумящая рвка. Смошра на всъ сія мѣсна, куда н самый доступъ соединенъ съ величайшею опасностію, вы удивлелешь н спрашнвалешь: какал чрезвычайнал причина засшавляла людей основашь въ шакоемъ днвомъ н опасноемъ мѣстѣ сіе жилище? По самоохраненіе ошъ угрожающей опасностн н желаніе спашн сокровнща ошъ похнщенія, чего н гдѣ не засшавляютъ человека совершнть н куда сокрышься? Крѣпостца сія построена Мелнхомъ Авакомъ, а посему называется Авакское ущелье. Она служнла убѣжнщемъ сперва семейштву сего Мелнха н его пономштву, а пошомъ семейштву Пана Хана. До построенія Шуши, оно было недоступно для ханднковъ, н спасало семейштва н богатштва власнншель спраны сей въ смущенные дн Карабаха, во время набѣговъ жншель сосѣдственныхъ областей.

Въ 1797 году Шахъ Ага Мегмедъ, власннпель Персіи, Тимуръ новѣйшнхъ временъ, поразнвшій ужасомъ сопредѣльныя съ Персіею земли, лежащія за Араксомъ, ознаменовавшій военный пушь свой грабежемъ, пожарами н слышанными жестокостями, собнраясь вшорнчно разорнть до основанія Грузію, на пуши своемъ по взятіи Шуши, копорую прежде неоднократно блокировалъ безъ успѣха, расположнлся въ оной на опндыхъ,

въ прежде упомянутомъ домѣ Джафаръ-Кули, а войскамъ своимъ далъ приказаніе расположиться по Карабахской провинціи. Вечеромъ, въ день влѣтѣнія Шуши, ложась спать, въ припадкахъ своего бышества, пылая гнѣвомъ за храбрую оборону, задержавшую его движенія, приказываетъ приготовить на другой день эшафотъ для Хана Карабахскаго и почтеннѣйшихъ гражданъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявляетъ одному изъ Бековъ, бывшему при немъ Нукеромъ (слугою), когда сей послѣдній раздѣвалъ его, чтобы и онъ приготовился къ смерти, и что завтра голова его будетъ снята вмѣстѣ съ головами Карабахцевъ. Нукеръ, зная, что Шахъ не умѣетъ опекладывать подобныхъ повелѣній, тайно во время ночи вошелъ въ его спальню, и винжаломъ прекратилъ дни Аги Мегмета. Спрахъ, наведенный шираниствомъ сего послѣдняго, былъ столь великъ, что на другой день его смерти никто изъ его свиты не смѣлъ войти къ нему, думая, что онъ опдыхаетъ или не желаетъ никого вмѣстѣ при себѣ. Наконецъ открылась роковая истина!— Войска его, ограбивъ Карабахъ, разсыльными парціями возвратились въ Персію, а тѣло Аги Мегмета Ханъ Карабахскій съ почестію отправилъ къ его наследнику. Но и убійца не избѣгъ мщенія: укрываясь попеременно въ разныхъ мѣстахъ нынѣшнихъ Мусульманскихъ провинцій, онъ наконецъ былъ выданъ Персіанцамъ, копорые, послѣ едва вѣрошвыхъ жестокостей, вадъ нимъ произведенныхъ, живаго заложили его въ сѣтву.

(Продолженіе впереди.)

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ОЧЕРКЪ КРѢПОСТИ ШУШИ И ВСЕГО КАРАБАЛА.

(Продолженіе.)

Карабахская провинція управляется Россійскимъ Коменданшомъ крѣпости Шуши, предъдательствующимъ въ Провинціальномъ Судѣ, который составленъ изъ шамшнихъ жипелей, избираемыхъ на определенное время. Для производства письменныхъ дѣлъ находится въ Судѣ и въ Коменданшскомъ управленіи Русскіе чиновники, и переводчики изъ шамшнихъ жипелей. Провинція

раздѣлена нынѣ на 13 магаловъ, управляемыхъ Навбами, выбираемыми преимущественно изъ жипелей, находившихся въ Русской службѣ, изъ коихъ многіе имѣютъ Русскіе чины и ордена. Власть Навба въ магалѣ почти такая же, какъ чиновника земской полиціи въ округѣ. Магалы сѣи суть: Варандинскій, Дизакскій, Каберлинскій, Дизакъ-Джеванширскій, Талышинскій, Джеванширскій, Зангезурскій, Мнгрйгонійской (знамениный магалъ сѣи прилегаетъ къ Араксу, и составляетъ въ древности особое владѣніе), Ошюзквинскій, Егерандоршскій, Демурчасалнскій, Челябинскій, (въ составъ коего входитъ обширное общество колонистское, управляемое особымъ Навбомъ) и

Хачинскій. Кромѣ свѣхъ находящся особенныя казенныя селенія, невходящія въ сославъ поманушыхъ магаловъ, поскупившій въ казну ошъ севквештровъ имѣній неповорныхъ Бековъ, и сосподщія въ вѣдѣніи Эконома.

Помѣщики на земляхъ своихъ имѣюшъ селенія, въ ковахъ принадлежишъ имъ одна земля; крестыише плашашъ подаши за землю, на кошорой живутъ, и кошорою пользуются. Народъ весь вообще соспоншъ изъ Армянъ и Ташаръ, и дѣлшся на сословія: Мелиховъ, о конхъ нѣже будешъ сказано; Бековъ или дворянъ; Минъ-башей и Юзь-башей; духовенство Армянское и Ташарское, Магафовъ и собщвенно на поселянъ. Родоначалыиши вышѣшихъ Бековъ, Минъ-башей и Юзь-башей пожалованы въ сіе званіе Ханами за услуги; первые сушъ родовые дворяне, а послѣдніе были тысячными и сошенными начальниками въ войскѣ Хана; попомсшво послѣднихъ пользуются однимъ шолько шишуломъ своихъ предковъ. Въ Магафы шакже жаловалъ Ханъ за услуги, а иногда и за деньги. Охранительная шпража его соспошла изъ Магафовъ, кошорые, ошпрашляя при немъ службу безъ жалованья, въ замѣшшого не плашши подашей. Попомки ихъ, пользуются и нынѣ симъ послѣднимъ превмущесшвомъ, упошребляюшся Военно-Окружнымъ Начальникомъ

для посылокъ по казеннымъ надобностямъ. Сборъ подашей раздѣленъ на весьма разнообразныя части, и преимущественно заключается въ произведеніяхъ земли: напримѣръ, крестьяне, живущіе на земляхъ помѣщичьихъ, платящъ со всѣхъ земныхъ произведеній ежегоднаго сбора изъ десяти двѣ части. Одна часть называется *багра*, и поступаетъ къ помѣщику; другая, *маджагатъ*, составляетъ казенный доходъ. Карабахскіе Армяне, особенно Шупинцы, производящъ весьма значительную торговлю шелкомъ, отправляя оный въ Москву, на Нижегородскую ярмарку и даже въ Константинополь.

Карабахская провинція, по причинѣ неровной поверхности, пересѣченной глубочайшими долинами и высочайшими горами, заключаетъ въ себѣ всѣ климаты, начиная отъ хладнаго неба Финляндіи до паллящихъ жаровъ экваторіальныхъ странъ; горы, возвышающіяся близъ пѣннаго Терсера, и заключающія въ себѣ минеральные источники, споль высоки, что почвы всегда покрыты снѣгомъ; даже во время лѣта, близъ поманушскихъ источниковъ вечера бывающъ весьма холодныя. Въ долинахъ же, гдѣ протекающъ рѣки Араксъ и Кура, по чрезвычайно узкому и шѣльному мѣстоположенію, жары достигаютъ

до 60° по термометру Реомюра, и воздух бывает столь душливъ, что нѣтъ ни какой возможности жить тамъ зимою. Напрощивъ, зимнее время года весьма пріятно и здорово. Снѣгъ появлялся въ сихъ долинахъ во время зимы только на нѣсколько часовъ, но за то скопляется чрезвычайное множество ледяныхъ пресмыкающихся, гонимыхъ сужую съ горъ на низменные мѣста, кои пребываніе на оныхъ дѣлаютъ опаснымъ. Прочія же части Карабаха различествуютъ въ степени температуры, по возвышенности и пологости своего мѣстоположенія. По неравности климата и гористымъ мѣстоположеніямъ, болѣе способствующимъ скотоводству, нежели хлѣбопашеству, большая часть жителей Карабаха, особенно Ташары, ведутъ жизнь кочевую. Съ наступленіемъ теплаго времени года, они съ своими стадами изъ долинъ удаляются въ горы, гдѣ новая зелень нѣщаетъ стада ихъ, а благораспоренный горный воздухъ доспавляетъ способности избѣгать болѣзней, столь обыкновенныхъ въ жареныхъ климатахъ. Когда же холодъ спавновшился ощущишель, они сходятъ на низменные мѣста, гдѣ опять встрѣчаютъ новое дѣло, столь же пріятное, какъ и первое. Не дѣлал ни какихъ заготовленій на зиму для стадъ своихъ, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, они имѣютъ возможность круглый годъ пассти стада свои на лугахъ, изобилующихъ сочною травою, безъ

малѣйшихъ издержекъ и трудовъ, сопряженныхъ со скоповодствомъ въ Россіи.

Сей образъ жизни заставляеть Карабахцевъ не радѣть о благоустройствѣ своихъ жилищъ: земли обшатица ихъ, землянки, весьма дурно устроены; огонь безпрерывнаго огня, внутри разложеннаго, дымъ, жаръ и духота столь нестерпимы, что спранныкъ при малѣйшей возможности проведши время на открытомъ воздухѣ, скорѣе въ состояніи опказаться огню приюта, чѣмъ согласиться перенѣть удушливостъ, происходящую отъ снѣрнаго воздуха. И дѣшніа ихъ алачухи, сдѣланныа изъ тонкихъ прутьевъ, покрытыа просѣнникомъ, а иногда полсѣнами, также неудобны. — Самое дурное качество Карабахцевъ есть страсть къ воровству, и особенно изъ нихъ, больше другихъ Карабахцевъ, подвержены сему пороку Коловійцы; почему, для лучшаго за ними наблюденія, приспавленъ къ нимъ особый Наибъ. Не смотря на строгія мѣры Русскаго начальства къ искорененію воровства, безпрестанно слышно о кражѣ скота. Довольно вѣрвый способъ для ошысканія воровъ, издавна здѣсь употребляемый, существуетъ и понынѣ. Хозяинъ украденнаго объявляетъ заплащивъ *муштугу*, шо есть вознагражденіе, шому, кто ошыщеть вора, съ шѣмъ

однако жъ, что иногда не откроешь доносителя. Когда такимъ образомъ онъ получитъ вѣрное свидѣнiе, у кого находився его украденный скотъ, или другая вещь, то заставивъ мушкетеръ доносителя, обличаетъ вора, и требуетъ возврата покраденнаго и мушкетеръ въ вознагражденiе отданнаго имъ доносителя. Сей искусный способъ заставляетъ иногда самыхъ близкихъ друзей и родственниковъ вора, быть доносителями. Виноградныхъ садовъ въ Карабахѣ множество, и копля виноградъ весьма вкусенъ, но вино, выдѣлываемое изъ него, не очень хорошо; плодовъ также очень много; шелководство производится съ хорошимъ успѣхомъ; хлопчатая бумага, сарачинское пшено, пшеница и ячмень произрастаютъ въ изобилiи. Изъ животнохъ Карабахскiя лошади во всемъ Кавказскомъ краѣ весьма славятся красотой своею и легкостью бѣга, и по справедливости пользуются сею славою: численна въ сложенiи, жаръ, легкость и послушность составляютъ ихъ на ряду съ лучшими породами, особенно удобными для употребленiя въ верховой ѣздѣ; онѣ цѣнятся на мѣстѣ отъ 30 до 300 червонцевъ, смотря по разности качествъ и сложенiи. Порода Карабахскихъ лошадей происходитъ отъ смеси съ Арабскими; кошорыхъ прежнiе Ханы Карабаха доставали отъ Арабовъ, для улучшенiя своихъ заводовъ.

(Окончанiе опредѣ.)

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ОЧЕРКЪ КРѢПОСТИ ШУШИ И ВСЕГО КАРАБАХА.

(Окончаніе.)

Провинція Карабахская, соединенно съ Елисаветпопольскимъ округомъ, въ царствованіе Вагаршака, перваго Царя Армянскаго изъ династїи Арсацидовъ, составляла Габору (область) Арцахскую, раздѣленную на 14 округовъ, которыхъ границы опредѣлишь весьма трудно, особенно пошому, что *Агованы* по прекращенїи династїи Арсацидовъ, завладѣвъ Карабахомъ, дали симъ округамъ другія имена, а шѣмъ самымъ произвели еще большую сбивчивость въ Географїи. Въ десятомъ вѣкѣ она была извѣстна Грекамъ, ибо Конспантинъ Морфнородный (de Saeret anl. Вуз. Частѣ I, стр. 397) даетъ своему Государю титулъ Властителя оной. Въ XIII вѣкѣ она носила у Армягъ названіе *Каитетъ*, и получила оное по имени одного небольшого владѣнїя, лежащаго въ горахъ, и которое существовало до XIV столѣтїя, какъ видно въ Исторїи Армянской Чамчїана (Частѣ III, стр. 210 и проч.). Турки называютъ оную *Караг-бахъ* или *Карабахъ*, какъ упоминаетъ Географъ Джиганъ Пума (стр. 392), а по простонародному Армянскому произношенїю *Гарабагъ*: все сіе значить въ переводѣ *Черный Садъ*.

Во времена опдаленных, а именно по прекращеніи династїи Гайканской на престолѣ Армянскомъ, подъ правленіемъ преемниковъ Александра Великаго, многія званныя фамиліи успѣли въ Арменїи сосзавннть себѣ опдѣльныя владѣнія, копорыхъ власть уважалъ и Царь Вагаршакъ, основатель династїи Арсацидовъ. Изъ числа владѣтелей сихъ были также и въ Обласпи Арцахской, копорой горнѣшное мѣстоположеніе способствовало къ утверженію ихъ независимости и могуществу. Опдаленность провинціи сей опъ Месопотамїи, въ коей имѣлъ столицу Вагаршакъ, уменьшала его власть надъ ними. Въ послѣдствїи

хотя мѣстопробываніе Царей Армянскихъ и сблизилось съ Карабахомъ, но, по заведенному уже обыкновению, Князья сии оставались въ родѣ ленныхъ владѣтелей. Правленіе династїи Багратионской, невѣвшей во владѣнія своемъ всей Арменїи, а по временамъ обладавшей даже самою малую частью оной, способствовало къ усиленію власти сихъ отдѣльныхъ владѣтелей. Когда же царствовали въ Киликіи Рубинїане, то сии Государя не имѣли ни какого вліянія на отдѣленную Арцахскую Область. Шахъ Аббасъ Великій, завоевавъ Арменїю, сколько уважалъ права сихъ владѣтелей, что далъ имъ названіе *Мелиховъ*, что значить по-Арабски Царей, оставивъ власть ихъ неприкосновенною, съ тѣмъ, чтобы они платили дань. Такимъ образомъ остальные потомки означенныхъ Владѣтельскихъ Князей Карабаха, Мелхи паша Хамчинскихъ Магаловъ: Варандианскаго, Гулистанскаго, Дизакскаго, Челлбюршскаго и Хачинскаго, удержали на нѣкоторое время тѣмъ бывшаго Армянскаго Государства; но безпрестанныя междоусобія довели ихъ до крайности.

Послѣ смерти Надиръ-Шаха, разорившаго до основанія Карабахъ, бывший при немъ провозгла-

шашелемъ, Пана-Ханъ, бѣжалъ изъ Хоросана, гдѣ онъ былъ поселенъ, и сѣлался спаршиною у Деванширцовъ. Въ сіе время Варандивскій Мелихъ, Гуссейнъ Шахъ-Назаръ, имѣвшій укрѣпленіе въ селеніи Чинахчахъ, — коего развалины и нынѣ видны въ 42 верстахъ отъ Шуши, будучи не въ состояніи противиться соединеннымъ силамъ другихъ Мелиховъ, по семидѣсятилетней междоусобной войнѣ, пригласилъ къ себѣ на помощь Пана-Хана, и соединясь съ нимъ, успѣлъ воспоржесшвовашъ надъ своими противниками. Хиварый Пана-Ханъ, по совершеніи сего, убѣдилъ Мелиха Гуссейна уступить ему принадлежащую ему послѣднюю землю, гдѣ было дѣшнее пастбище, и на семь мѣсѣцъ посмирнулъ Шушу въ 1752 году по Р. Х. Доспигнувъ своего намѣренія, онъ

хинросшію и силою оружія заставилъ признатъ себя Ханомъ; и хотя Мелихи были болѣе его союзники, нежели подданные, но съ вѣхъ поръ властѣ ихъ видимо упадала, а напрошивъ Ханская утвердилась наследственно. Преемникъ его, Ибрагимъ Ханъ, вступившій во владѣніе въ 1755 году, царствовалъ несчастливо. При немъ также Мелихи были мало ошъ него зависимы, и часно съ оружіемъ въ рукахъ оспаривали съ успѣхомъ свои преимущества; но когда два раза, въ 1795 и 1797, Карабахъ пострадалъ ошъ несповства Аги-Мегмеда, Шаха Персидскаго, шо цѣкошорые изъ Мелиховъ удалились въ Грузію и прибѣгли подъ покровительство Россіи, а именно: Мелихъ Джакинъ Шихъ-Назаровъ и Мелихъ Фридонъ Бегларовъ, кошорымъ, согласно повелѣнію Императора Павла I, и были ошведены Царемъ Каршавинскимъ и Кахетинскимъ Георгіемъ II земли въ Большомъ ущельѣ, около кошорого хвцвинческіе народы были ими усмирены; а когда, въ 1805 году, Ибрагимъ Ханъ призвалъ надъ собою верховную властѣ Россіи, шо и Мелихи возвращались въ отечество. Но чрезъ годъ, Ханъ сей, подстрекаемый Персією, оказалъ упорство въ повиненіи, и кошѣвъ ошложившися ошъ Рос-

сін, погибъ въ произведенномъ имъ возмущеніи. На мѣсто его возведенъ былъ Мехши-Кули Ханъ, старшій сынъ Ибрагима, съ сохраненіемъ вліянія на управленіе Карабахомъ; но когда и сей послѣдній, въ 1822 году, удалился въ Персію, то непостоянство Хановъ въ политическомъ поведеніи и безпокойный нравъ ихъ обратили Карабахъ уже совершенно въ Россійскую провинцію.

Послѣ сильнѣйшей Персидской осады Шуши въ 1826 году, при видимыхъ успѣхахъ Россійскаго оружія надъ оными, Ханъ Мехши-Кули явился опять въ свое опечесство, и получивъ прощеніе Россійскаго Императора, сосланивъ въ чинѣ Генераль-Маіора, прежде ему пожалованномъ, и получивъ значительный пенсіонъ, не имѣя однако же ни какого вліянія на управленіе областью.

Ի գիտություն հեղինակների և ընթերցողների

«Աշխատանքային տետրերը» լույս են ընծայվում որպես ՀՀ ՊՆ ԱՌ-ՀԻ-ի «Հայկական բանակ» ռազմագիտական հանդեսի հավելված՝ ընդգրկված ԲՈՀ-ի կողմից հաստատված «Բուկտորական և քեկնածուական ատենախոսությունների արդյունքների հրապարակման համար ընդունելի ամսագրերի ցանկում»:

Հեղինակները պետք է վկայակոչեն օգտագործված առավել կարևոր աղբյուրները:

Հեղինակները պատասխանատու են հոդվածներում բերվող փաստերի հավաստիության և գաղտնիության պահանջների պահպանման համար:

Հեղինակների դիրքորոշումը պարտադիր չէ, որ համընկնի խմբագրության դիրքորոշման հետ:

Դիագրամները, սխեմաները, գծագրերը, նկարները, լուսանկարները պետք է լինեն հստակ, տպագրության համար պիտանի:

Հոդվածներում պետք է վերծանված լինեն օգտագործվող հապավումները:

Ձեռագրերը հետ չեն վերադարձվում:

Հոդվածները հրապարակվում են պարտադիր գիտական փորձաքննություն անցնելուց հետո:

Նյութերի մասամբ կամ ամբողջությամբ արտատպումը թույլատրվում է միայն խմբագրության գրավոր համաձայնությամբ:

К сведению авторов и читателей

«Рабочие тетради» издаются в качестве приложения к военно-научному журналу «Айкакан банак» ИНСИ МО РА, включенному в утвержденный ВАК-ом «Список приемлемых журналов для публикации результатов докторских и кандидатских диссертаций».

Авторы должны давать сноски на использованные наиболее важные источники.

Авторы ответственны за достоверность и несекретность фактов, приводимых в статьях.

Позиции авторов не обязательно совпадают с позицией редакции.

Диаграммы, схемы, чертежи, рисунки, фотоснимки должны быть исполнены в четком изображении, пригодными для печати.

В статьях должны быть раскрыты употребляемые аббревиатуры.

Рукописи не возвращаются.

Статьи публикуются после прохождения обязательной научной экспертизы.

Перепечатка частично или полностью материалов допускается только с письменного разрешения редакции.

For the information of the authors and readers

The «Working notebooks» is published as an appendix to the defense-academic journal «Haikakan banak» of the INSS, MoD, RA which is included into «The list of acceptable magazines for the publication of the results of doctors and candidates' dissertations», affirmed by the Superior Attesting Commission.

Authors should give footnotes for the most important sources used.

Authors are responsible for the accuracy and the non-confidential nature of the facts given in the articles.

Opinions expressed herein are those of the authors and are not necessarily those of the editorial board.

Diagrams, schemes, drawings, pictures and photos should be of a clear print quality. Please explain used acronyms.

Manuscripts are not returned.

Articles get published after obligatory academic examination.

Partially or fully re-printing of materials is allowed only by written permission of the editorial staff.

ԱՇՊԱՏԱՆԱԶԱՅԻՆ ՏԵՏՈՒՆ

ՇՈՒՇԻԻ ՖԵՆՈՄԵՆԸ

ՊԱՏՄԱՔԱՂԱՔԱԳԻՏԱԿԱՆ ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆ
(ԿՈԼԵԿՏԻՎ ՄԵՆԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆ)

Նախագծի գիտական ղեկավար՝ քաղաքական գիտությունների դոկտոր Հ. Ս. Քոթանյան,

Գիտական խմբագիրներ՝ պատմական գիտությունների դոկտոր Պ. Ա. Չոբանյան,
պատմական գիտությունների թեկնածու Բ. Պ. Պողոսյան,
պատմական գիտությունների թեկնածու Ա. Բ. Մանվելյան

Խմբագիր՝ Դ. Ս. Չիլինգարյան

Սրբագրիչներ՝ Ն. Ս. Մկրտչյան, Լ. Հ. Պապիկյան, Զ. Վ. Փիրոյան

Տեխնիկական խմբագրումը՝ Վ. Ռ. Խալաֆյանի

Ձևավորող նկարիչ՝ Դ. Ա. Փարվանյան

Համակարգչային ապահովումը՝ Վ. Ռ. Խալաֆյանի, Ա. Հ. Սարուխանյանի

Խմբագրության հասցեն՝ Երևան, Կ. Ռիլենցու փողոց, 56/6, հեռ. 28-54-25, 28-12-94:
Էլ. փոստ՝ haykakanbanak@mil.am

© ՀՀ ՊՆ Դ. Կանայանի անվան ազգային ռազմավարական հետազոտությունների
ինստիտուտի «Հայկական բանակ» ռազմագիտական հանդեսի հավելված, 2013 թ.

Ստորագրվել է տպագրության 15.09.2013:

Թուղթը՝ օֆսեթային: Չեռաչափը՝ 60x84 1/16: Տեքստը՝ 240 էջ:

Պայմանական տպագրական 15 մամուլ: Տպաքանակը՝ 200:

Տառատեսակը՝ «Արիալ», «Թայմս» և «Բայբիկա»: Տպագրությունը՝ օֆսեթ:

Վկայական՝ 523: Դասիչ՝ 69263: ISSN 1829-0108

Տպագրվել է «Հենակետ» և «Լիմուշ» տպարաններում

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ

ФЕНОМЕН ШУШИ
ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
(КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ)

Научный руководитель проекта: доктор политических наук *Г. С. Котангжян*

Научные редакторы: доктор исторических наук *П. А. Чобанян*,
кандидат исторических наук *Б. П. Погосян*,
кандидат исторических наук *А. Б. Манвелян*

Редактор *Д. С. Чилингарян*

Корректоры: *Н. С. Мкртчян*, *А. Г. Папикян*, *К. В. Пироян*

Техническое редактирование: *В. Р. Халафяна*

Художник-оформитель: *Д. А. Парванян*

Компьютерное обеспечение: *В. Р. Халафян*, *А. Г. Саруханян*

Адрес редакции: Ереван, ул. К. Улнеци, 56/6, тел.: 28-54-25, 28-12-94.

Эл. почта: haykakanbanak@mil.am

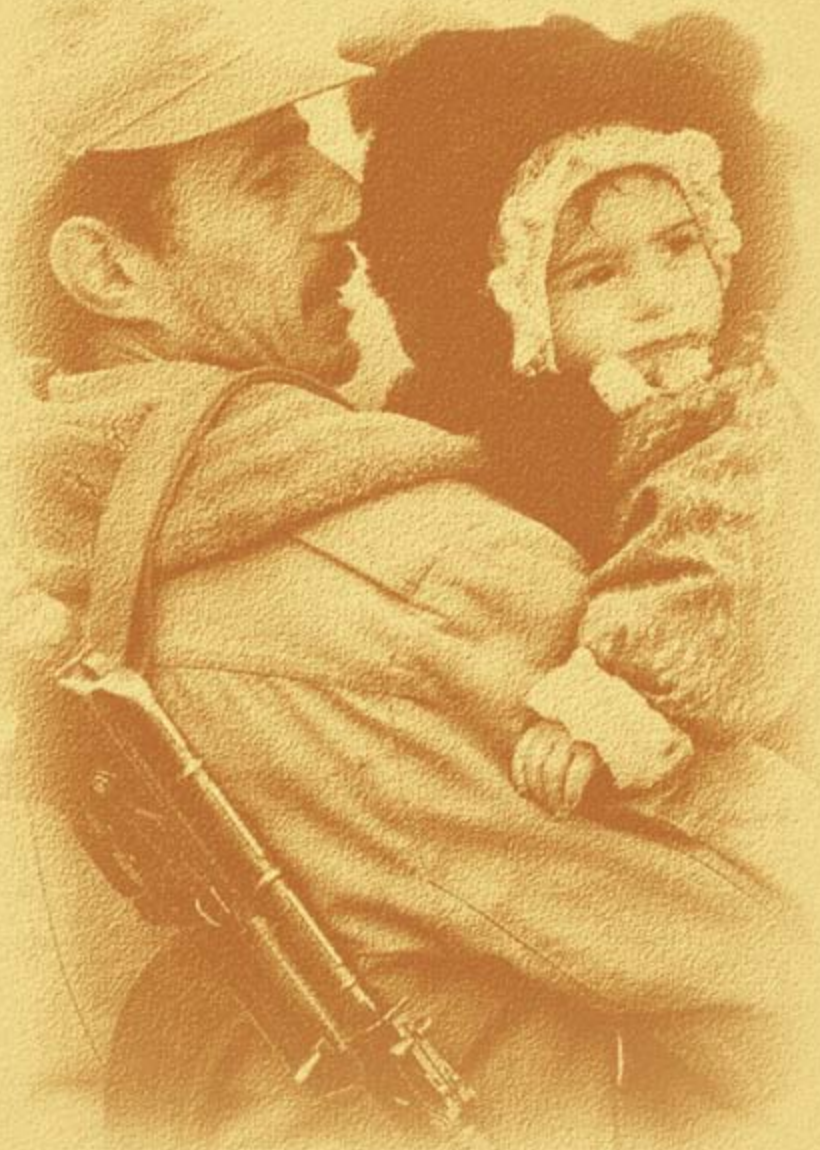
© Приложение к военно-научному журналу «Айкакан банак»
Института национальных стратегических исследований им. Д. Канаяна МО РА,
2013

Подписано к печати: 15.09.2013.

Бумага: офсетная. Формат: 60x84 1/16. Усл. печ. лист.: 15 (240 стр.).

Индекс: 69263: ISSN 1829-0108

Напечатано в типографиях «Енакет» и «Лимуш»

ԱՆՈՒՏԱՆՔԱՅԻՆ ՏԵՏԻԵՐ
ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԲԱՆԱԿ

ՀԱՎԵՆԿԱՑ 1-2 (25-26).2013